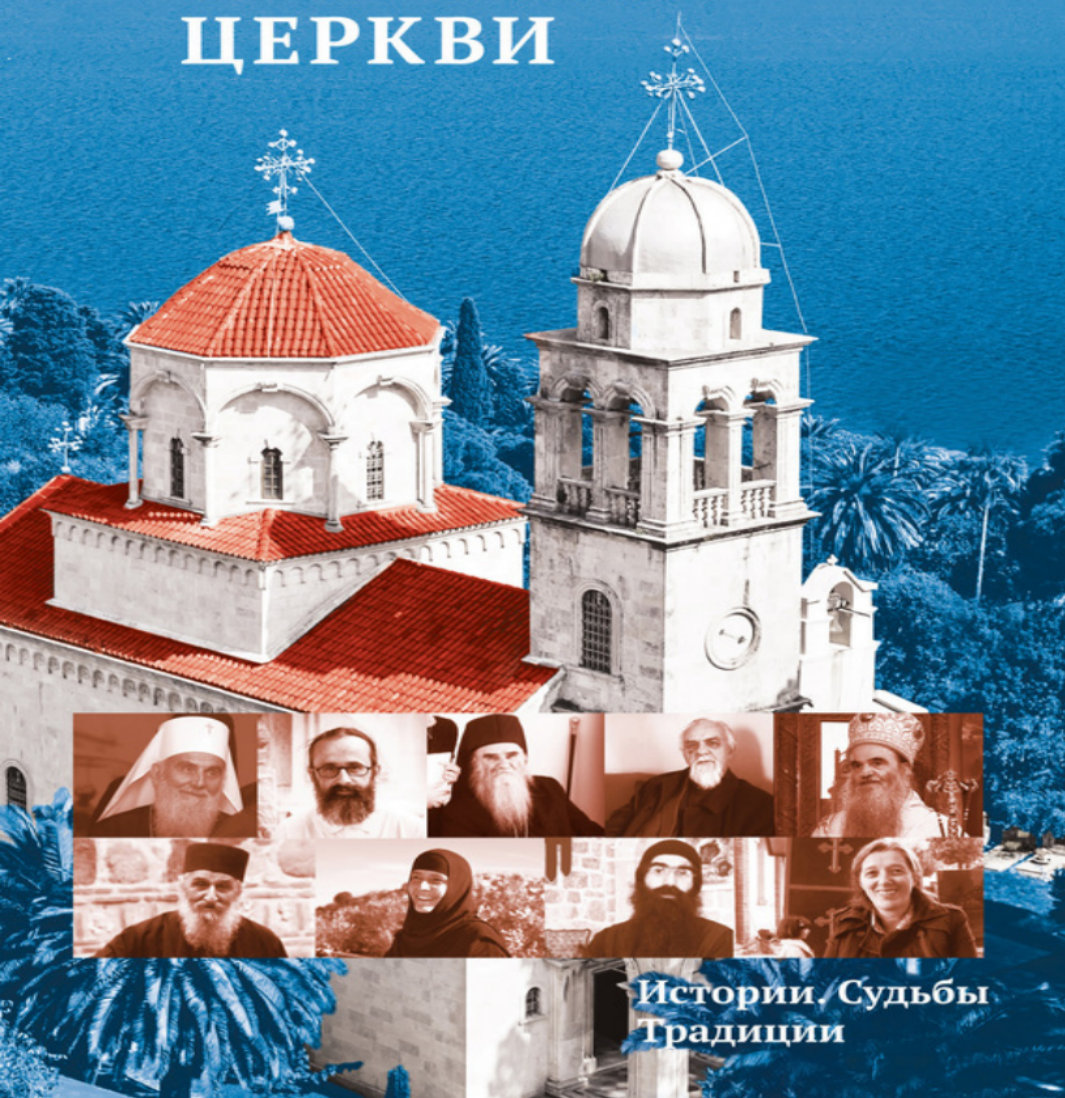

Светлана Луганская

ЛЮДИ СЕРБСКОЙ ЦЕРКВИ

Истории, Судьбы
Традиции

Annotation

Судьба сербского народа драматична: пять столетий турецкого рабства, жестокая австро-венгерская, болгарская и немецкая оккупация, зверства хорватских усташей и албанцев, коммунистический режим Тито. Но несмотря на это, на протяжении четырнадцати веков сербы хранили православную веру. Герои этого сборника рассказывают о своей семье, детстве, пути к вере, жизни в Церкви и выпавших на их долю испытаниях.

- Светлана Луганская

- ☐
- ☐ Предисловие
- ☐ Сербская Православная Церковь: краткая справка
- ☐ «У нас прекрасный народ»
- ☐ Послушник владыки Николая
- ☐ Воскрешающая любовь
- ☐ Наследник святителя
- ☐ «Все наши пути ведут к Литургии»
- ☐ Плоды послушания
- ☐ Музыка, которая очищает
- ☐ Там, где и камни молятся
- ☐ Учиться простоте
- ☐ Об авторе
- ☐ Об издательстве

- notes

- ☐ 1
- ☐ 2
- ☐ 3
- ☐ 4
- ☐ 5
- ☐ 6
- ☐ 7
- ☐ 8
- ☐ 9
- ☐ 10
- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17

- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29
- ☐ 30
- ☐ 31
- ☐ 32
- ☐ 33
- ☐ 34
- ☐ 35
- ☐ 36
- ☐ 37
- ☐ 38
- ☐ 39
- ☐ 40
- ☐ 41
- ☐ 42
- ☐ 43
- ☐ 44
- ☐ 45
- ☐ 46
- ☐ 47
- ☐ 48
- ☐ 49
- ☐ 50
- ☐ 51
- ☐ 52
- ☐ 53
- ☐ 54
- ☐ 55
- ☐ 56
- ☐ 57
- ☐ 58
- ☐ 59
- ☐ 60
- ☐ 61

- ☐ 62
- ☐ 63
- ☐ 64
- ☐ 65
- ☐ 66
- ☐ 67
- ☐ 68
- ☐ 69
- ☐ 70
- ☐ 71
- ☐ 72
- ☐ 73
- ☐ 74
- ☐ 75
- ☐ 76
- ☐ 77
- ☐ 78
- ☐ 79
- ☐ 80
- ☐ 81
- ☐ 82
- ☐ 83
- ☐ 84
- ☐ 85
- ☐ 86
- ☐ 87
- ☐ 88
- ☐ 89
- ☐ 90
- ☐ 91
- ☐ 92
- ☐ 93
- ☐ 94

Светлана Луганская

Люди Сербской Церкви: Истории. Судьбы. Традиции

*Допущено к распространению
Издательским советом Русской
Православной Церкви ИС
Р14-412-1237*

В книге использованы фотографии С. Луганской, Ж Будимира, В. Павловича, а также фотографии из личных архивов героев и из фотобанка Shutterstock

Предисловие

Эта книга создавалась в год, когда отмечается целый ряд знаменательных дат в истории Сербии и Сербской Церкви – 900-летие святого Симеона Мироточивого (отца святителя Саввы Сербского), 120-летие со дня рождения аввы Иустина (Поповича), 100-летие со дня рождения Патриарха Сербского Павла, 100-летие начала Первой мировой войны, 70-летие бомбардировок Белграда союзниками на Пасху (1944), 15 лет со дня бомбардировок Сербии 1999 года, когда буквально вся Европа двинулась против этой маленькой страны: 19 стран НАТО обрушили бомбы на ее добросердечный пострадавший народ.

Все эти даты так или иначе вплетены в судьбы людей, интервью с которыми вошли в этот сборник. В них отражается непрекращающееся страдание сербского народа, которое длится веками, поколениями. Оно вошло в судьбы архимандрита Йована, послушника святителя Николая (Велимировича), протоиерея Деяна Деяновича – одного из старейших белградских клириков, как и представителей молодого уже поколения – регента и композитора Игоря Зироевича и матушки Ирины Войводич, на долю которых выпали испытания сегодняшних войн.

«А нам, сербам, предназначено быть Востоком на Западе и Западом на Востоке и над собой признавать только Царство Небесное, а на земле – никого!» – сказал когда-то своему народу святитель Савва Сербский, и именно это во многом определяет судьбу сербов.

Авва Иустин (Попович), продолжая мысль святителя Саввы, говорит, что Сербия оказалась на «огненном перепутье». Наш современник Джулиан Ассанж пишет: «Впервые все происходит в Сербии, в Сербии вершится история».

Тяжелые страдания выпали на долю сербского народа: пять столетий жестокого турецкого рабства, тяжесть австро-венгерской, болгарской и немецкой оккупаций, зверства хорватских усташей и албанцев, коммунистический режим Тито.

Герои этого сборника рассказывают о своем жизненном пути, семье, детстве, пути к вере, жизни в Церкви и выпавших на их долю испытаниях. Кто-то из них впитал любовь к Богу и Церкви с младенческих лет, кто-то искал путь к ним в пустыне атеизма и безверия. Многих из рассказчиков я давно и хорошо знаю, с некоторыми довелось встретиться впервые.

Не всегда легко было их найти, подчас было трудно до них добраться, например, приехать на остров Бешка, где трудится игуменья Фотина, или в небольшой монастырь Ежевица под

Чачаком, в котором меня ждал отец Йован (Радосавлевич).

Некоторые встречи срывались, приходилось договариваться заново, возвращаться, ждать... Но когда я просмотрела готовый материал, оказалось, что, несмотря на расстояния, а теперь и государственные границы, которые разделяют всех этих людей, они сами и их судьбы очень тесно связаны друг с другом. Складывается впечатление, что все они – одна семья. Такая близость, родственность очень характерны для сербов, как и чудом сохранившийся в наше время патриархальный уклад в быту.

Еще одна важная и неотделимая от сербской жизни тема – отношение к России и русским людям, и неслучайно она звучит в каждом из рассказов. Особые отношения с Россией и русскими – факт сербской истории. Как известно, авва Иустин (Попович) исповедовался у протоиерея Виталия Тарасьева, одного из самых любимых в Белграде священников. Добрую память хранят в Сербии о русских профессорах, богословах и философах, преподававших в сербском университете. Среди них были и Сергей Троицкий, Василий Зеньковский, архимандрит Киприан (Керн). Помнят в Сербии русских иерархов – митрополита

Антония (Храповицкого), святителя Иоанна (Шаховского), святого сербского происхождения Иоанна (Максимовича), о котором владыка Николай (Велимирович) говорил: «Если хотите видеть живого святого, идите в Битоль к отцу Иоанну».

Архимандрит Йован (Радосавлевич) с особенной благодарностью вспоминает русских монахов и монахинь, которые, убежав от большевистского произвола, селились в осиротевших сербских монастырях и не просто восстанавливали их, но возродили и женское монашество в Сербии, угасшее из-за многовекового турецкого ига, так как турки превращали женские обители в гаремы.

Конечно, девяти историй недостаточно, чтобы рассказать о мученической судьбе сербского народа и Сербской Церкви, хотелось бы, чтобы эти истории пробудили у читателя желание разобраться в тех сложных процессах, которые происходят в Сербии, узнать больше, понять и полюбить ее народ.

Хочу выразить благодарность всем, кто отозвался и нашел время рассказать о себе, а также всем, кто помогал в работе над книгой: иерею Владе Капларевичу, Слободанке Грдинич, Евфимии (Маньяне) Крунич, Снежане и Миодрагу Жунич.

Светлана Луганская, 2014 год

Сербская Православная Церковь:

краткая справка

Первое крещение сербов произошло при византийском императоре Ираклии (610–641). Дальнейшее распространение христианство получило среди сербов в IX веке, когда в 869 году по просьбе князя Мунтимира византийский император Василий Македонянин послал к нему греческих священников. Окончательному утверждению христианства у сербов во многом способствовала деятельность святых Кирилла и Мефодия.

Величайшей фигурой в истории Сербской Церкви и сербского народа по праву считается святой Савва (1175–1236), первый архиепископ Сербский, младший сын великого жупана Стефана Немани. В 1219 году Сербия получила от греческого императора и Патриарха Константинопольского право иметь своего автокефального архиепископа. Святым Саввой был основан знаменитый Печский монастырь, в XIV веке ставший столицей сербских патриархов. Огромную роль сыграл святой Савва и в укреплении сербской государственности: в 1221 году в монастыре Жича он короновал своего брата Стефана.

В конце XIII века резиденция сербских архиепископов была окончательно перенесена в Печ. Пребывать в Жиче было небезопасно из-за нашествия татар (1242) и болгар (1253). После захвата сербских земель турками в XIV веке печские патриархи стали для сербов объединяющим началом.

Черногорское княжество до второй половины XIV века входило в состав сербского государства, но после смерти Стефана Душана отпало от Сербии. В конце XVII века черногорцы выбрали своим правителем и митрополитом Даниила Петровича Негоша и под его предводительством одержали ряд побед над турками. С этого времени черногорские митрополиты управляли страной, соединяя до 1857 года в своем лице гражданскую и духовную власть.

Православные сербы издавна жили и на землях, вошедших впоследствии в австро-венгерские владения. Многие сербы бежали в Австро-Венгрию, спасаясь от турок. С переселением в 1690 году в австрийские владения Патриарха Печского Арсения (Чарноевича) с большим количеством сербов была основана самостоятельная Сербская митрополия. В 1848 году сербы с согласия австрийского правительства провозгласили своего митрополита Патриархом, но впоследствии ему было отказано в этом титуле.

Сербы в Далмации долгое время находились под властью Венецианской республики. Православные не имели права на своего епископа и обращались по всем церковным вопросам к сербским епископам из Сербии и Боснии и Герцеговины. После перехода Далмации во владение французов здесь в 1810 году была открыта православная епископская кафедра. В 1815 году по решению Венского конгресса Далмация перешла под власть Австрии, и Далматинская епархия была подчинена митрополиту Карловацкому.

После окончания Первой мировой войны, в которой Сербская Церковь потеряла больше трети священства, было образовано Королевство сербов, хорватов и словенцев, в границах которого оказались все области Сербской Церкви.

Представители всех частей Сербской Церкви выразили желание объединиться. И 12 сентября 1920 года в Сремских Карловцах состоялось торжественное провозглашение объединения и восстановления Сербской Патриархии. В ее состав вошли 28 епархий.

28 сентября 1920 года Архиерейский Собор избрал первым Патриархом Сербским архиепископа Белградского и митрополита Сербского Димитрия (Павловича). Преемником Патриарха Димитрия стал избранный в 1930 году митрополит Сараевский Варнава, в свое время живший и учившийся в России. После его смерти новым Предстоятелем Сербской Церкви стал митрополит Черногорский Гавриил.

Тяжелые испытания постигли Сербскую Православную Церковь во время Второй мировой войны. В 1941 году, сразу после оккупации Югославии, немцы арестовали Патриарха Сербского Гавриила. Пройдя через тюрьмы, Предстоятель Сербской Церкви вместе с епископом Жичским Николаем был отправлен в концлагерь Дахау. Православная Церковь переживала великие гонения на всей территории оккупированной Югославии. Особенно тяжелым было положение Сербской Церкви в новообразованном Независимом Государстве Хорватия (НГХ). Сотни монастырей, церквей и часовен были разрушены и разграблены, сотни православных священников – убиты, отправлены в концентрационные лагеря и изгнаны с родных мест вместе со своей многотысячной паствой. Часто православных христиан насильственно обращали в католичество. Судьбу своей Церкви разделили и многие архипастыри. Сербская Церковь потеряла девять архиереев.

После окончания Второй мировой войны к власти в Югославии пришли коммунисты под руководством Иосипа Броз Тито. Страдания Сербской Церкви не прекратились. Власти

разрешили возвращение Патриарха Сербского Гавриила на родину только в ноябре 1946 года. Прибыв в Белград, Патриарх сразу же столкнулся с многочисленными проблемами в организации жизни

Церкви. Епископы и священники подвергались арестам и заключениям на продолжительные сроки, многие попадали в тюрьму безо всякого суда и следствия. Большое количество священников было убито.

Государство грубо вмешивалось в жизнь Церкви: были изъяты все метрические книги, введен гражданский брак, прекращено преподавание Закона Божия в школах, финансовые средства на содержание священников, находящихся на покое, перешли в собственность министерства труда. Законом об аграрной реформе у Церкви было отнято 70 000 гектаров обрабатываемых земель и лесных угодий, национализировано 1180 церковных зданий. В Южной Сербии епископам было запрещено возвращаться на свои кафедры, а священникам в приходы, в связи с чем в этих районах долго не могла наладиться нормальная церковная жизнь.

Патриарх Гавриил скончался 6 мая 1950 года. 2 июля того же года состоялась интронизация нового Предстоятеля СПЦ Патриарха Викентия (Проданова), которому, несмотря на давление со стороны властей, удалось избежать признания самопровозглашенной «Македонской Православной Церкви». 5 июля 1958 года Патриарх Викентий внезапно скончался, и спустя два месяца после его смерти, 13 сентября 1958 года, новым Предстоятелем Сербской Церкви был выбран епископ Жичский Герман (Джорич). За время патриаршества Германа было основано несколько новых епархий. В то же время в СПЦ произошло два раскола: в 1963 году «американский», который был преодолен, и в 1967 году – «македонский», продолжающийся до сих пор.

В 1990 году Патриарх Герман, в связи с болезнью, был отправлен на покой, и 1 декабря 1990 года новым Предстоятелем Сербской Церкви был выбран епископ Рашко-Призренский Павел. Одним из первых дел нового Предстоятеля СПЦ по вступлении на Патриарший престол было начало работы по преодолению церковного раскола в Америке и Канаде. В результате в 1992 году было восстановлено долгожданное каноническое единство.

Распад Югославии сопровождался кровопролитными и разрушительными войнами, сербский народ снова был изгнан с территорий бывших республик СФРЮ вместе со своим священством. Как и во время Второй мировой войны, разрушению подверглось большое количество православных храмов. Некоторые архиереи вынуждены были покинуть места своего

служения. К этому прибавились страдания Сербской Православной Церкви в Косово и Метохии, особенно после начала агрессии НАТО и размещения на этих территориях международных сил KFOR.

В настоящее время Сербская Православная Церковь насчитывается 46 епархий, более 3500 приходов, 205 монастырей, около 2000 священников, 300 монахов и 1200 монахинь. Подготовка будущих священнослужителей и законоучителей осуществляется в шести семинариях, действуют два богословских факультета.

«У нас прекрасный народ»

Патриарх Сербский Ирине́й (Гаврилович)

Святейший Патриарх Сербский, архиепископ Печский, митрополит Белgrado-Карловацкий Иринеи родился 28 августа 1930 года в селе Видова под городом Чачак. Получил начальное образование в родном селе, затем окончил гимназию в Чачаке, продолжил обучение в духовной семинарии в Призрене и на богословском факультете Белградского университета.

По окончании университета служил в армии, после чего назначен преподавателем Призренской семинарии. Перед вступлением в должность, в октябре 1959 года, принял монашеский постриг от Святейшего Патриарха Сербского Германа в монастыре Раковица с наречением имени Иринеи. В день святой преподобной Параскевы Сербской 27 октября того же года рукоположен в иеромонахи.

Продолжил образование в аспирантуре при богословском факультете Афинского университета. В 1969 году назначен заведующим монашеской школой Острожского монастыря, затем (1971) – ректором Призренской семинарии.

В 1974 году избран епископом Моравичским, викарием Святейшего Патриарха Сербского, хиротонисан 14 июля этого же года, с 1975 года – епископ Нишский. 22 января 2010 года на заседании Архиерейского Собора в Белграде избран на Сербский Патриарший престол.

23 января 2010 года в Белградском кафедральном соборе Святых Архангелов состоялась первая интронизация 45-го Патриарха Сербского Иринея. Вторая церемония официальной интронизации состоялась 3 октября 2010 года в Печской Патриархии (Косово).

Патриархия Сербской Церкви находится в самом центре Белграда, в старом городе, недалеко от крепости Калемегдан и кафедрального собора. Часто можно видеть, как Его Святейшество идет в собор служить вечерню, к нему подходят люди, просят благословения, задают вопросы, что-то рассказывают, и для каждого архипастырь находит теплое слово.

– Ваше Святейшество, расскажите о своем детстве, о семье. Когда начался ваш путь к Богу?

– Я родился в христианской семье, традиционно религиозной. Во времена моего детства было принято соблюдать посты, я ходил в церковь по большим праздникам, причащался один раз в течение поста, в семье праздновалась наша традиционная Слава – день памяти семейного святого.

Отца помню не очень хорошо, я был маленьким ребенком, когда он пострадал. Мама, очень верующая женщина, принадлежала к богомольческому движению, которым руководил

владыка Николай (Велимирович), она посещала соборы, которые устраивались в монастыре Жича^[1] и других обителях. Активным членом богомольческого движения был и мой дядя, благочестивый верующий человек. Это – атмосфера моего детства, оказавшая на меня сильное влияние. Также большое значение имело и то, что моя родная деревня находится поблизости от Овчарско-Кабларских монастырей. Мы регулярно ходили в храм женского восстановленного монастыря Йованье. Он очень хорошо был организован, расположен к нам ближе других, потому мы часто его посещали, хотя и другие монастыри тоже, особенно в дни их Славы.

Это стало и первым знакомством с монашеской жизнью, мысль о которой зародилась с детства и сопровождала в юности.

– *И вы приняли решение поступить в духовную семинарию? В те времена коммунизма, наверное, это было непростым решением?*

– Да, я очень рано полюбил монастырь. В монастыре Йованье был один святой человек, отец Макарий, у него я исповедовался в детстве. Меня завораживала эта жизнь, и однажды, против воли моей матери-вдовы, оставив учебу (тогда я учился в третьем классе гимназии), я ушел жить в монастырь и остался там. Однако позже понял свою ошибку, кроме того, один весьма образованный монах, которого я там встретил, рекомендовал мне продолжать учебу в гимназии, что я и сделал спустя год жизни в монастыре.

Таким образом, решение поступать в духовную семинарию не представляло для меня проблемы, хотя в те времена это решение было революционным. Итак, я окончил гимназию, поступил в семинарию, затем на богословский факультет Белградского университета и могу сказать, что у меня не было больших проблем в связи с моим решением, так как мой родной край тесно связан с историей, традициями, хранил их, а моя семья, широкий круг моих родных известны как христиане. Я не встретил особых препятствий и со стороны властей в то время.

– *Позже также не было проблем?*

– Слава Богу, и позже не было больших проблем, я не совершал ничего, что могло бы спровоцировать власти, был законопослушен, но держался христианского пути и христианского образа жизни.

– *Вы служили в армии? Как протекала служба?*

– В армию меня призвали после окончания факультета, и, несмотря на то что и в семинарии, и в университете были занятия по военной подготовке, нас это не спасало, мы не имели никаких преимуществ и снисхождений в смысле продолжительности срока. Служили два года, в то время как студенты, окончившие

иные факультеты или учебные заведения, служили так называемый учебный срок. На нас это не распространялось. Хотя именно я после богословского поступил на юридический факультет и, как студент юридического факультета, служил полтора года. В армии ко мне относились довольно уважительно. Конечно, здесь царила атеистическая идеология, и первым полученным мной распоряжением был запрет посещать храм. Это было понятно. Но меня уважали и солдаты, и офицеры, часто просили поговорить с ними – не с целью искушать меня, провоцировать, они просто хотели знать о том, чего не знали, и, очевидно, происходили из христианских семей, так что с этой стороны в армии у меня не было проблем.

– *Вы продолжили образование после армии?*

– После армии я приехал в Белград. В то время в Церкви были некоторые нестроения. Я продолжил учиться на юридическом факультете и даже начал работать, но так как умер один преподаватель семинарии в Призрене, мне посоветовали предложить свою кандидатуру, и я принял участие в конкурсе. Меня приняли как младшего преподавателя, но поставили условие: я должен быть рукоположен. Для меня это стало некоторой неожиданностью. Я размышлял и решил для себя, что если женюсь, то не буду священником, но, поскольку и мысли о монашестве были всегда, я в итоге принял постриг и отправился в Призрен уже как монах.

– *Ваше Святейшество, расскажите о своем опыте преподавания в Призренской семинарии. Что он вам дал?*

– Знаете, быть учителем – прекрасное призвание, и в этом призвании я нашел себя. Стремился к объективности при общении с учениками, и они это ценили и уважали. Мне удавалось найти контакт с молодыми людьми, такой контакт, который помогал им выстроить свою позицию по отношению к Церкви, к своему будущему служению. Это было очень хорошее время – период моей жизни, когда я преподавал в Призренской семинарии. Затем я был направлен на обучение в Афины, где провел год, вновь вернулся в семинарию в Призрен и, к моему большому удивлению, был назначен управляющим монашеской школы, два года исполнял эти обязанности.

– *Что это за школа? Где она находилась?*

– Это монашеская школа, которая была основана в то время, в ней преимущественно учились молодые люди после окончания гимназии или школы, монастырские ученики. Она существовала несколько лет, семь или восемь, затем была закрыта. Ученики были взрослые, школа не имела каких-то программ и планов, мы их разрабатывали сами, курс включал определенное количество

богословских и общих предметов. Работа приносила пользу тем юношам.

– *А они не были монахами?*

– В основном это были миряне, лишь несколько монахов, но преобладали миряне. Школа находилась в монастыре Острог в Черногории, и монастырь создавал очень благоприятную атмосферу для воспитания молодежи. Многие ученики впоследствии становились монахами, кто-то продолжал обучение, некоторые из тех учеников, именно из первых двух поколений, стали епископами: епископ Шумадийский Иоанн, епископ Канадский Георгий, епископ Британо-Скандинавский Досифей, епископ Враньский Пахомий и другие – все они из первых поколений той монашеской школы.

– *Ваше Святейшество, как вы восприняли известие о вашей епископской хиротонии?*

– После двух лет пребывания в Остроге я был назначен ректором Призренской семинарии, вновь вернулся в Призрен, а спустя еще два года был избран викарным епископом Его Святейшества. Это событие стало очень неожиданным для меня. Я очень активно занимался организацией семинарии, восстановлением ее зданий, делал это с любовью, радовался своей работе, и вдруг – избрание в епископы, но я принял его с благодарностью. В течение года служил викарием Его Святейшества, а затем стал епископом Нишским.

– *В каком состоянии вы застали епархию?*

– Там находился владыка Иоанн (Илич), он долго, почти сорок лет, руководил епархией, очень трудолюбивый благородный человек. Он поставлен епископом Нишским в 1933 году, сделал все тогда возможное, но пришла военная пора, стало совсем трудно, а он уже был стар, и его три года замещал епископ Жичский Василий (Костич), который вернул епархии порядок, наведенный когда-то владыкой Иоанном. Таким образом, я оказался в достаточно хорошо обустроенной епархии с изрядным

количеством священников, среди которых было немало моих учеников, призренских семинаристов, ставших верными сотрудниками в делах на благо Церкви и епархии.

– Расскажите, пожалуйста, о вашей дружбе с Патриархом Павлом^[2].

– Я познакомился с Патриархом Павлом, когда он был еще мирянином, в тот год, когда я находился в монастыре Преображение. Монастырь в духовном смысле был очень хорошо организован, там жили два известных духовника – отец Васиан и отец Евстатий-святогорец. Отец Васиан принадлежал к богомольческому движению, трудился как миссионер и проповедник, монастырь всегда наполнялся благочестивым народом со всех краев Сербии, поддерживался благочестивыми людьми. Это давало мне чувство силы веры, силы Церкви, осознание их значения в нашей жизни. Патриарх Павел, тогда еще Гойко Стойчевич, находился в соседнем монастыре Благовещение, так что мы знакомы с тех пор. Когда пришла пора отправляться в семинарию и необходимо было написать прошение епископу, пошел к Гойко, чтобы он помог мне это прошение составить.

Вскоре он, уже иеродьякон, был назначен преподавателем семинарии, и там наше общение продолжилось, а когда я стал преподавателем, он был уже епископом Призренским, так что мы на протяжении многих лет служили рядом. Это был благородный человек. Его слово было непоколебимо, позиция, которую он занимал, – всегда твердой, он не отступал от нее ни при каких условиях. В нас, молодых, это вызывало огромное уважение к его личности. Он со всеми находился в добрых отношениях, к нам, ученикам, обращался на «вы», в отличие от других преподавателей, и это как-то поднимало нас в наших глазах, укрепляло. Мы были с ним, я могу так сказать, в достаточно близких отношениях, тесно связаны, особенно драгоценной стала его помощь, когда я исполнял обязанности ректора. Из всего этого родилась наша истинная дружба, которая продолжалась позднее, в период моего служения епископом, и была для меня очень важна. Я всегда разделял позицию Патриарха Павла.

– Ваше Святейшество, какой была ваша первая мысль, чувство, когда вы узнали, что избраны Патриархом?

– Воспользуюсь возможностью сказать, что у меня никогда не было мысли, желания стать Патриархом. Я понимал, что это очень высокое место в Церкви, большая ответственность, звание, которое требует значительных жертв, служение и миссия, когда человек уже не принадлежит себе и живет не своей жизнью, а жизнью и проблемами священства, народа в современных

условиях. Когда начались разговоры на эту тему, я не придавал им большого значения. После смерти Патриарха Павла начались выборы, я оказался в последнем круге в числе трех епископов: митрополит Черногорско-Приморский Амфилохий, епископ Бачский Ириней и я... Я хотел поблагодарить и снять свою кандидатуру, но некоторые епископы убедили меня этого не делать, а дожидаться результатов выбора жребием (эти три личности были избраны Собором, а затем ожидался выбор жребием одного из трех епископов). Молился Господу, я рассказал об этом и Собору, чтобы чаша сия меня миновала, и предал себя в Его волю. Просил, чтобы Господь уберег меня от этого, однако случилось то, что случилось.

Да, это высокое звание, требующее огромной ответственности, ответственности перед Богом, перед народом, перед человеком. Я полагал надежду на Бога и на братьев-архиереев, так как Патриарх лишь один из членов Собора, первый среди равных, и все мы составляем Церковь, все трудимся, чтобы максимально послужить во благо Церкви и своего народа.

– Ваше Святейшество, в Сербии существуют теплые, близкие отношения священства и народа в пример многим, в том числе и нам. Хотелось бы спросить вас, как вы оцениваете эти отношения? Что вас радует, что беспокоит, существуют ли какие-то искращения?

– Знаете, это нормально. Церковь – это не только епископы и священники, Церковь – это и народ, в общении с народом мы составляем Церковь. Церковь – это одно тело, духовное тело. И естественно, чтобы отношения были духовными, искренними, близкими, родительскими, братскими, мы сами перед Богом должны быть такими. А народ должен знать и чувствовать, что в Церкви царит атмосфера духовного согласия, духовных отношений, чтобы мы спрашивали не «кто из нас больше?», «кто значительнее?», а кто может сделать больше для блага Церкви своим личным развитием в духовной жизни. И это нормально. Священство и народ – наши сотрудники, священники – самые непосредственные сотрудники в отношениях с народом, а народ – духовное поле, духовная нива, на которой сеется семя – слово Божие, и в этом должна быть гармония. Конечно, мы люди, а Церковь – это и Божественное установление и одновременно земное объединение людей, и тут бывает всякое. Есть благочестивые люди, есть светлые моменты, есть и другие, жизнь несет свое, но за нами остается поиск наиболее верных решений, чтобы устранять проблемы, исцелять возникающие раны, дабы тело Церкви было здоровым.

– Как бы вы охарактеризовали сербский народ? В чем его

отличительные черты в Православии?

– Сербский народ – часть Вселенского Православия, православной семьи, для которой существуют одни и те же правила и святые каноны, одна Божественная евангельская истина, и мы должны быть достойными членами этой большой семьи. Конечно, каждый народ имеет свои специфические черты, и у нас, сербов, они есть, так же как и русские чем-то отличаются от соседей. Отличает сербов то, про что говорится в народной песне: «Нико нема што србин имаде (...), свою крсну Славу, светителя Савву» («Ни у кого нет того, что у серба есть (...), красна Слава и святитель Савва»). Даже в песне об этом поется. И это верно: в душе нашего народа сильно выражено присутствие личности святого Саввы^[3] из-за всего того, что он сделал для людей и Церкви. Он не только создал Церковь, он вместе со своим отцом и братом создал и государство. Он оставил апостольский пример отношений Церкви с народом, народом Церкви. У нас есть святой Савва как наш сербский православный пример благочестия, того, как нужно любить

Церковь, как делать все для нее, как любить свой народ. Он бежал в монастырь на Святую Гору, но думал о своем народе, помогал ему, возвращался в Сербию, оставаясь святогорским монахом, ибо любил свой народ и не оставлял его. Вот в этом наше «святосаввие».

Есть у сербского народа и крестная Слава – одна из традиций, один из обычаев, образ благочестия, который отличает нас от других. Иногда спрашивают, откуда такая традиция? Вероятно, это восходит к языческим временам, когда каждый дом имел своего семейного божка, с которым людям трудно было расстаться с принятием христианства, и до святого Саввы с трудом уходил этот обычай. А святой Савва предложил: «Возьмите своего христианского святого в качестве защитника, хранителя семейного очага и рода, прославляйте его, празднуйте тогда, когда Церковь празднует». Таким образом этот благочестивый обычай очень способствовал утверждению и сохранению веры, формированию национального самосознания народа. Вот что отличает сербов.

– Вы не могли бы рассказать о важных для вас встречах с людьми, которые произвели особое впечатление, возможно, повлияли на вашу личность?

– Каждая встреча, каждый контакт с людьми приносит что-то новое, что-то особенное. Но мне кажется, что самые яркие воспоминания остались у меня от встреч с простыми людьми, с людьми, полными веры и Духа Святого. От таких простых людей вы можете услышать то, что не услышите от интеллектуалов, от

людей образованных, а это и есть действие благодати Божией, Духа, Который говорит их устами и через них. От образованных людей их отличает стиль и образ мышления, способ выражения воззрений. Конечно, каждая личность неповторима, имеет право на неповторимость, это очевидно, ясно и нормально, но подчеркиваю, что встречи с обычными, простыми людьми невозможно забыть, ибо мудрость Божия выражается и открывается для меня через них.

– Хотелось бы узнать ваше отношение к проблеме Косово и Метохии. Она представляет собой вопрос нашей общей ответственности. Что мы могли бы сделать для того, чтобы сохранить святыни и народ и облегчить людям жизнь?

– К сожалению, проблема Косово и Метохии очень серьезна для Сербии и сербского народа. То, чем Иерусалим является для еврейского народа, да и для всех христиан, для нас – Косово и Метохия, где находится тысяча пятьсот монастырей и церквей. Самые значительные наши монастыри, которые играют огромную историческую роль, расположены в Косово и Метохии. Уже не говоря о том, что для сербского народа Косово – это центр исторической государственности, здесь, на Косовом поле, особенно со времен турецкого нашествия и в Косовской битве 1389 года, столько крови народной пролилось, столько людей пострадало. А сколько переселений отсюда было из-за османского разорения – не только в 1690 году, но и позже, в XVIII веке, периодически происходило переселение сербов – страдания там продолжаются веками. А албанская пропаганда созданной в 1878 году «Призренской лиги», когда албанцы (шиптари), которые когда-то назывались арнаутами, планировали Косово присоединить к Албании? С тех пор они разрабатывают этот план, эту программу. С тех пор, вплоть до наших дней, сербы все больше и больше страдают, бегут из Косово и Метохии.

После Второй мировой войны коммунисты, когда, так сказать, освободили Югославию, Сербию, под влиянием Коминтерна запретили возвращаться сербам, изгнанным из Косово албанскими властями. Открыли границы с Албанией, и масса ее населения хлынула на территорию Косово под предлогом того, что они беженцы. На самом деле это был план захвата Косово: чем больше они заселяли край, тем больше сербов вынуждены были бежать, так как на них совершалось давление. И сейчас состояние очень тяжелое. Сербский народ борется за жизнь в очень тяжелых условиях, не имея того, что является самым главным для человека, – свободы, права на жизнь. Сербия старается что-то сделать, были раньше и есть теперь ошибки в политике властей

Югославии и Сербии, люди живут в невыносимых условиях. Как и чем все это закончится, будет видно.

Нас очень удивили наши союзники, недавние союзники, Европа и Америка, которые, не углубляясь в проблематику Косово и Метохии, встали на сторону албанцев, шиптарей, и усердно трудятся в их пользу. Это сложно понять. Мы очень надеемся на Россию и на государства, которые к нам расположены, – Китай, Индию и другие. К сожалению, европейские страны и США на другой стороне, они не хотят видеть страдания, отсутствие свободы, элементарных условий для самой обычной жизни и унижение достоинства человека.

– Ваше Святейшество, не так давно вы были в России с визитом, поделитесь вашими впечатлениями?

– Первый раз я был в России на похоронах Патриарха Пимена двадцать с лишним лет назад.

Россия тогда и Россия сейчас – это две разные страны, они совсем не похожи друг на друга. Сейчас я находился в России дольше, примерно пятнадцать дней, и у меня была возможность многое увидеть. Я восхищен тем, что Россия сделала для себя за последние двадцать лет. Господь дал России большие материальные блага, дал России русскую душу! Очень меня окрылила красота русских восстановленных монастырей и церквей, позолоченных куполов! Воодушевил меня народ, который носит в себе, в своей душе, Бога, способный часами ждать очереди, чтобы приложиться ко кресту святого апостола Андрея и другим святыням, наполняющий церкви. Сейчас России Бог дал две выдающиеся личности: Патриарха и президента, они вместе работают на пользу своего народа, своей Церкви. Особенно меня вдохновили слова президента Владимира Путина, когда он сказал: «Я не много знаю о вере, но мой учитель и мой советник – Патриарх, я учусь у него». Созвучие Церкви и государства необходимо каждому народу, а мне кажется, что в России оно в большой мере достигнуто. Конечно, есть и немало проблем, но они решаются наилучшим образом.

– *Расскажите, пожалуйста, как выглядит обычный рабочий день Патриарха Сербского.*

– Вот так, как сегодня. Мы начали в половине девятого. Почти каждый день приемы. Но прежде всего – богослужения в Патриархии. Кроме того, в силу обстоятельств, я администрирую епархию в Западной Германии и с недавних пор руковожу Славонской епархией, у меня два ставропигиальных монастыря – Печская Патриархия и Святого Саввы в США, в Чикаго. Работы много. Также – приемы дипломатов, политиков и других

деятелей. Главное, о чем мы печемся, насколько это в наших силах, – ничем не навредить Церкви, стараемся все проблемы решать в духе Предания, конечно, в сотрудничестве с епископами и священством. Только в совместном труде мы можем ожидать какой-то плод.

– *Каковы главные трудности сейчас в Сербии?*

– У нас прекрасный народ, но, к сожалению, трудностей много. Смертность значительно превышает рождаемость, люди едут в города, создавая там проблемы, деревни пустеют, соответственно, все меньше работают на земле. Земля не обрабатывается, значительна миграция, высок уровень безработицы, из-за которой многие уезжают искать счастья за границей. К сожалению, покидают страну самые образованные, дипломированные специалисты, состоявшиеся люди, инженеры, врачи и многие другие, что отрицательно сказывается на экономике страны. Это плохо для народа. Поэтому мы молимся, чтобы все как можно быстрее стабилизировалось, чтобы изменились к лучшему обстоятельства и тот народ, который остался здесь, мог бы найти работу и хлеб.

Также существует проблема и с большим количеством беженцев из Косово и Метохии, из Хорватии. Она решается за счет государства. Таким образом, обстоятельства весьма тяжелые, и надеемся на Бога, что Он нас не оставит.

– *Ваше Святейшество, Церковь имеет влияние на народ, он уважает Церковь?*

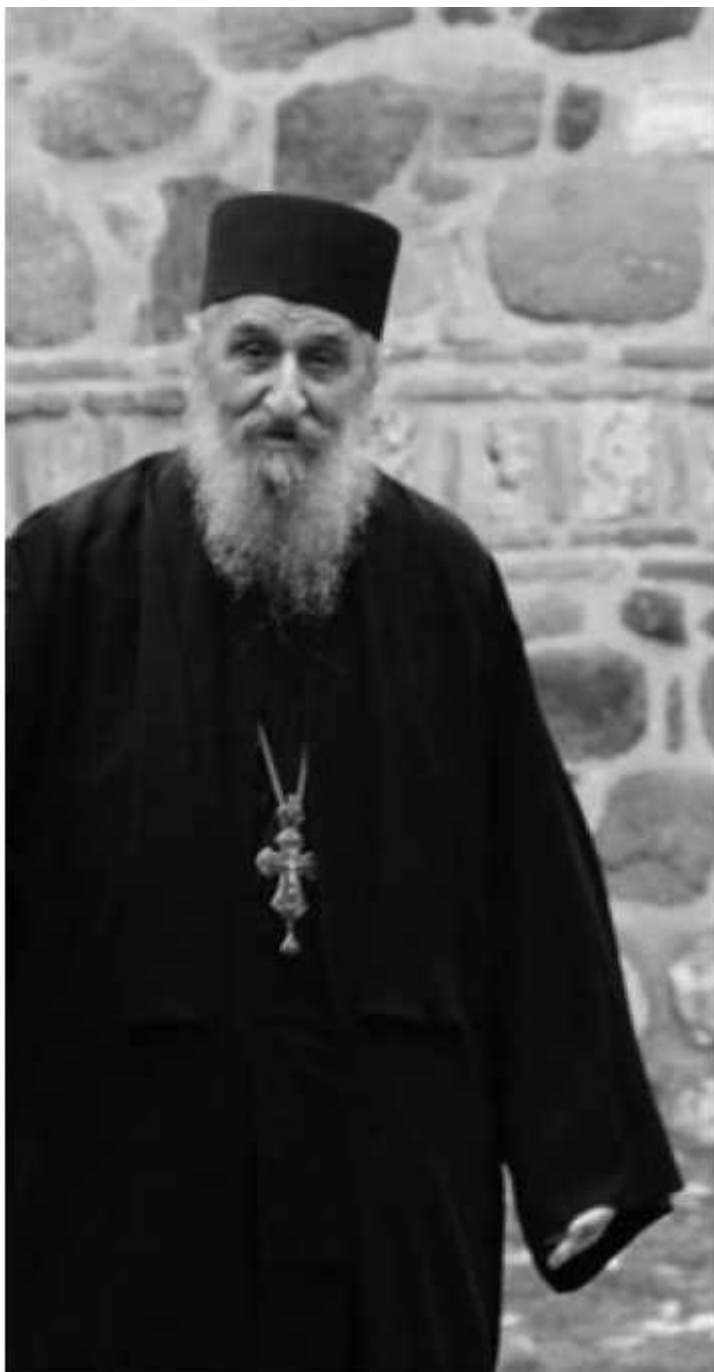
– Да, хотя эти сведения и относительны, однако, как сообщают СМИ, народ больше всего доверяет армии и Церкви. Я считаю, народ Церкви верит. Политики меняются один за другим, много обещают, не исполняют обещаний, теряют кредит доверия, хотя есть честные политики, которые стараются решать проблемы. К сожалению, такая ситуация не только у нас, она прослеживается в том или ином виде во всех странах, и, очевидно, наше время – это время смуты во всем мире. Значительную роль играют экономические отношения в государствах, а они часто оставляют желать лучшего, так как велика непорядочность тех, кто имеет доступ к материальным богатствам. Люди теряют совесть, а последствия потери совести – ослабление веры, и если мы рассмотрим состояние веры в мире, мы увидим, что здесь существует большая проблема.

– *Что бы вы пожелали нам, верующим, в России и Сербии?*

– Что я могу пожелать как Патриарх? Прежде всего – хранить нашу веру. Не просто хранить, не просто говорить о ней, но жить по вере, ибо именно так мы можем показать ценность и сущность веры – жизнью. И то, что нам необходимо сейчас, – единство,

единство православных. К сожалению, проблемы, существующие в мире, не миновали и нас, и у нас в Сербской Церкви существуют расколы, так же как и в России, в других странах. Так что и нам необходимо единство. А его отсутствие – это тоже одно из последствий ослабления веры, жизни по вере. Таким образом, самым необходимым в наше время является единство.

Послушник владыки Николая

Архимандрит Йован (Радосавлевич)

Архимандрит Йован (Радосавлевич) – профессор богословия, летописец, один из немногих ныне живущих учеников святого владыки Николая (Велимировича), его справедливо называют «живой историей монашества». В монастырь Жича пришел накануне Второй мировой войны (1938), видел, как эта великая святыня до основания была разрушена немецкими бомбами. Монашеский стаж отца Йована превышает семьдесят пять лет, он связан дружбой с семью ныне канонизированными святыми. Долго находился на Святой Горе, на горе Синай и в Иерусалиме, преподавал в монашеских и богословских школах в Призрене, Остроге, Крке. Автор более двадцати трудов, которые представляют собой своеобразную хронику современной истории Сербской Церкви, свидетель времени, свидетель трагических событий германской, болгарской, венгерской, итальянской, албанской оккупации и коммунистического режима. В Сербии сегодня не найти монаха, священника, которого не связывало бы с этим старцем воспоминание хотя бы о краткой встрече. И по причине возраста, но больше за сердечную доброту и открытость народ называет его не «отец Йован», а тепло и ласково «деда Йован». Направление нашего разговора он определил так: «Кто хочет критиковать, пусть критикует, времена сейчас такие, я же помню много хорошего и об этом буду говорить».

– *Отче, вы так рано пришли в монастырь, расскажите, как это произошло.*

– Начало моего пути связано с владыкой Николаем^[4], мы родом из одного села Лелич, что под Валево. По народному преданию, наши семьи состоят в родстве, это две ветви от двух братьев, которые когда-то там поселились, их потомки – Велимировичи и Радосавлевичи. Владыка Николай хотел, чтобы кто-то из нашего края пришел в монастырь, расспрашивал, узнавал, есть ли кандидаты, а я, тогда десятилетний ребенок, учился в начальной школе. У нас так принято – в семь лет поступают в начальную школу, учатся там четыре года. И как раз на Видовдан (день Косовской битвы), сразу после Духова дня, я окончил четвертый класс. В 1934 году пошел в школу, а в 1938 году решил идти в монастырь.

Владыка Николай посылал к нам миссионеров из богомольческого движения. Он основал это движение, его участниками преимущественно были люди из народа, простые, необразованные, образованных он не брал, так же как наш Господь, который позвал за Собой неграмотных рыбаков, учил и просвещал их. И наш владыка Николай звал простой сельский народ, народ, полный веры, любви, жертвенности и духовной трезвости, учил читать Священное Писание и пересказывать

прочитанное людям, преподавать другим основы веры, объяснять, почему мы, православные, крестимся троеперстием, верим в Святую Троицу: Отца, Сына и Святого Духа. Владыка учил основным вещам и всегда подчеркивал, что наш народ не знает много о вере, но знает главное и живет в благочестии. Так это началось.

– *Священников не было среди них?*

– Духовенства не было, только миряне, но, когда приходили куда-то, должны были сообщить местному священнику и брать у него благословение, чтобы настоятель знал, что это не самозванцы. Тогда их принимали с уважением. Священник объявлял, что пришли богомольцы-миссионеры, и народ собирался. Помню, как в наш дом батюшка приводил миссионеров, собиралось по пятьдесят и по сто душ, пели духовные песни, проповедовали, беседовали. Все это было очень важно для нас – и для детей, и для взрослых. Был у меня брат, в войну погиб, мы с ним разучивали песни, особенно любили петь: «Помоги нам, Вышний Боже». Так было, да. Владыка Николай посылал богомольцев по всей стране, шли, проповедовали, говорили о Боге. После войны народ мало знал о вере, о традициях, слишком долго мы были под турками. И греки делали что-то подобное...

– *Ваши родители были верующими? Чем они занимались?*

– Отец рано умер, но я его хорошо помню. Он был очень благочестивым человеком, членом христианской общины, вступил в богомольческое движение, основанное владыкой Николаем. Занимался пчеловодством, получал мед и воск, делал восковые свечи. Подогреет воск, потом раскатает, подготовит, а хлопка-то для фитилей у нас нет. Делали льняные фитили, сеяли лен и коноплю. Из конопли еще изготавливали грубую ткань, шили из нее повседневную одежду, а из льна шили нарядные праздничные рубахи, надевали их, когда шли в церковь. Купить одежду тогда негде было. Лен квасили и мяли, чесали и потом сматывали в клубки. Думаю, и в России в те времена так же было. И вот, брал отец такой клубок и делал фитили, по-другому никак. Я смотрел, как он работает, а мне было два-три года, и тоже возьму немного воска, разомну, сделаю свечку, потом прикреплю ее к стене – и горит свечка перед иконой, пока молимся. Так мы в детстве учились церковному поведению. Потом, когда мне сказали, что владыка Николай хочет, чтобы кто-то из нашего края пришел в монастырь, ответил: «Я пойду!»

– *И когда вы отправились в монастырь?*

– После окончания начальной школы уже был готов пойти, но не знал, куда и как. Однажды, это было в день святых апостолов

Петра и Павла, мои ушли в поле на жатву, я остался дома, смотрел за овцами и ягнятами. Пришел старший брат и сказал (а меня звали тогда Милисав): «Миле, ты собирался в монастырь, если хочешь, иди сейчас, у бабы Каты (так мы все звали владыкину мать, Катарину) гости, которых владыка послал, он и тобой интересовался, можешь с ними пойти». «Пойду!» – отвечаю я. О чем еще было думать? Оставил овец, побежал в дом, умылся, поцеловал порог дома, попрощался с матерью и пошел к бабе Кате, она рядом жила, поздороваться с ней и отправиться с ее гостями в Валево. Бабу Катю все уважали: народ, дети – все. Кроме владыки Николая у нее было шесть сыновей: владыка старший, за ним Стефан, Богосав, Душан, Милойко, Алекса, седьмого не помню, и две дочери – всего девять детей. Сын Душана, племянник владыки, – впоследствии епископ Йован, он много сделал, чтобы сохранить рукописи владыки от уничтожения коммунистами. Все братья владыки погибли во время Первой мировой войны, рано умерли, один владыка остался.

По дороге мы заехали в нашу церковь и в монастырь Челие (там потом находился авва Иустин (Попович)), взяли благословение и отправились в путь. Ехали на кукушке по узкоколейке до Валево, потом до Кралево, я тогда первый раз видел город, Валево показался мне огромным. На следующий день – святых Космы и Дамиана – добрались до Кралево, пришли в дом к владыке. Меня переодели в праздничную народную одежду, такую мы в церковь надевали, сейчас уже так не одеваются: рубаха до колен, штаны до щиколоток, короткая куртка гунь, войлочная шапка шайкача, кожаная обувь опанки. В таком виде я вышел к владыке. Тогда я еще не знал, конечно, что к нему следует обращаться «Ваше Преосвященство». Смутился, не смог ничего сказать, поцеловал ему руку, а владыка рассмеялся, спрашивает: «Где вы такого мальчика нашли? Откуда он?» Мои спутники стали ему рассказывать обо мне, он их остановил и говорит: «Сейчас я сам узнаю, молчите». Обнял меня и спрашивает: «Откуда ты?» Я говорю: «Из Лелича пришел, преосвященный владыко, от родителей Радомира и Даринки».

А потом он спрашивал меня о старожилах, которых сам знал: «А как Савва? Как Богосав? Как Тихомир и другие?» И так оставил меня ненадолго у себя, а потом отвез в Жичу. Благословил быть послушником в Жиче, но беспокоился, что я еще мал: «Маленький еще, если не выдержит, кто о нем позаботится?» Боялся, потому что для монастырской жизни все-таки надо было быть покрепче, повзрослее.

– И сколько лет вам было? Какое первое послушание назначили?

– Мне было одиннадцать лет, я получил послушание пасти монастырский скот, свиней, это было самое первое послушание для новичков, своего рода пропуск, удостоверение – если выдержит, то и другие искушения и трудности вытерпит. А свиньи такие неугомонные, да с поросятами. И достались они мне. Куда деваться? Привык, потом уже было не трудно, бегал, успевал.

Но случилась неприятность, свиньи заболели, а тот человек, который за мной наблюдал, старик Вучко, сказал настоятелю: «Отче, похоже, малец бьет свиней, одна хромает сильно, не может на ногу ступить». Настоятель меня спрашивает:

– Малыш, ты зачем бьешь свиней? Одна вот хромает...

– Я не бью свиней, ношу хлыст, но не бью, – отвечаю. А он не верит.

– Не станет свинья просто так хропать, ты ее ударил.

– Отче настоятель, нет, не бил!

А он опять:

– Смотри! Выгоню из монастыря!

Думаю: что же мне теперь делать? Не прошло и двух дней, захромала еще одна свинья, опять обвинения на мою голову. Как быть? Искушение, в чем же я виноват? Ни в чем. Настоятель сердился, даже за ухо таскал.

– Смотри, попадет тебе! Не нужен ты нам такой, если ты, разбойник, бьешь скотину!

Я ему:

– Батюшка, поверьте, не бью, я не знаю, что с ними!

Да без толку, поверил он деду Вучко. Однако через несколько дней уже все свиньи хромали. Тогда они сообразили, в чем дело, и дед Вучко просил прощения у меня:

– Сынок, прости, зря я тебя обвинил перед настоятелем, похоже, заболели свиньи.

Я ему:

– Дядя Вучко, я забочусь о них, ухаживаю, что такое с ними, не знаю.

Он пошел к настоятелю, все объяснил, позвали врача, оказалось, что животные заболели ящуром и могли погибнуть, но успели их вылечить, спасли. Так меня оправдали, я был очень рад: выяснилось, что я не виноват.

Но на все есть свои причины, потом бывало такое не раз, когда я собирался принять монашество, были похожие искушения от коммунистов.

– *Что происходило тогда?*

– Ну, всегда что-нибудь происходит, я это принимал как испытание, проверку терпения, могу ли я смиряться, есть ли во

мне необходимое монашеское устройство. Сейчас приходят в монастырь с дипломами и сразу хотят повелевать, не хотят слушаться, изменилась молодежь. Если он окончил гимназию, семинарию или факультет, он не хочет так жить: дай ему пасти свиней – он сразу уйдет. Сразу хотят занять место повыше – другие времена пришли. А раньше все было иначе.

Владыка мне сказал однажды: «Может быть, тебе трудно, надо было еще побыть дома, попозже прийти?» Я ответил: «Нет, преосвященный, я молодой, могу работать, успевать, бегать». А он: «Да я тебя не гоню, просто боюсь, что не выдержишь».

– *Как вы переносили все эти трудности?*

– В тех краях распространилась малярия, и в Жиче, и в Кралево была эпидемия, и я заболел, может быть, потому что был самый младший. Все уже думали, что умру, потому что если малярия долго держится, то страдают легкие, можно заболеть туберкулезом и отправиться на тот свет. Но владыка прочел надо мной молитву, и я поправился, потом он взял меня к себе в Кралево, я был послушником у него в доме долго, до самого начала войны.

– *Что вам приходилось делать? Может быть, что-то особенно вам запомнилось?*

– Я знал весь его распорядок, что и как у него было заведено. На его рабочем столе лежало Священное Писание и другие книги, перерезанные пополам листы бумаги, на которых он писал свои заметки, черновики. Десяток карандашей в стаканчике простых, цвета древесины, по утрам он остро затачивал два-три карандаша маленьким перочинным ножиком, он умел хорошо точить карандаши, готовил все необходимое для работы и, если не уезжал никуда, весь день работал. Каждый день, когда ему было что-то нужно, какая-то помощь, чай, кофе, то стучал ногой или тростью в пол, мы слышали внизу в кухне и приходили, не было у нас звонка, так как жили без электричества. Иногда мы слышали, как он играет на гуслях, они висели у него над кроватью. Владыка хорошо играл, знал много духовных песен. Были у него и три свирели, на них он тоже любил играть. Свирель – наш народный инструмент, в нашем селе все на нем играли. Я не умел, не успел научиться, рано ушел в монастырь, а братья мои умели, народ наш в селе играл. И вот так мы понимали, отдыхает ли владыка, или ему что-то нужно, какая-то помощь требуется. Иногда он выходил посмотреть, что делают мастера. К нему часто приходил Момир Корунович, архитектор, который участвовал в восстановлении монастырей Дечаны, Печская Патриархия, Студеница, Жича. У владыки был распорядок: по утрам богослужение, потом расходились по послушаниям.

Служил там еще один его земляк, повар и телохранитель – должен был кто-то охранять его, трудное было положение из-за конкордата^[5]. Ватикан хотел заключить союз с государством, что было опасно для Церкви. Владыка Николай занимал непримиримую позицию, говорил, что нельзя допустить вмешательства Ватикана, это агрессивная религия, которую они хотят нам навязать. Тогда Патриарх Гавриил^[6], большинство епископов организовали крестный ход с молебном в Белграде.

– *Известная кровавая лития?*^[7]

– Да, кровавая, потому что была разогнана жандармами М. Стоядиновича, председателя правительства. Священников, епископов избивали, разгоняли народ. Епископа Шабацкого Симеона закидали яйцами, всего перемазали, другого епископа повалили на землю и били, он истекал кровью. Жандармы, власть, скверно это было, знаете.

– *Какими были последствия?*

– По всей вероятности, Патриарх Варнава^[8] был отравлен. Об этом мало говорили и писали, но я пытался потом исследовать, что тогда произошло. Патриарший дьякон Углеша, он потом уехал в Америку, приезжал к нам в монастырь и рассказывал о последних днях Святейшего Варнавы. Они служили литургию в Соборной церкви, затем два протодьякона вышли проводить Патриарха, старший поднялся с ним наверх, а младший вернулся в алтарь, чтобы собрать облачения. Спустя полчаса произошло что-то невероятное: Патриарху и протодьякону Цветковичу принесли воду и закуску, чтобы перекусить перед обедом, освежить силы. Дьякон съел всю порцию, ему почти сразу стало плохо, он корчился от боли, потом выбежал из Патриархии, бежал по улице до Бранкового моста, бросился с него в реку и погиб.

– *А что было с Патриархом?*

– Патриарх остался, терпел боль, пожилой человек терпел. Его сразу отвезли на какую-то виллу рядом с королевским двором, Белым двором, как будто лечили, но все было кончено. Погибли и два его брата, которые приезжали навестить владыку, они умерли спустя три дня после той поездки. Племянник Патриарха рассказывал, он об этом знал, вся семья знала. Было известно, что Патриарх был отравлен, но власти не давали об этом писать. Вероятно, был замешан председатель правительства М. Стоядинович. Владыка Николай и священство требовали отставки правительства, протестовали, но все напрасно. Тогда несколько министров были отлучены от Церкви, на этом особенно настаивали владыки Николай и Гавриил, будущий Патриарх. Но после отъезда епископа Николая их вернули в Церковь, признали православными. Владыка сердился, и на Патриарха Гавриила

сердился, что он определенным образом это допустил, два года они конфликтовали...

– Патриарха Гавриила обвиняли в том, что он и с коммунистами сотрудничал...

– Нет, не сотрудничал. Он был твердый человек, черногорец. Описанные события, связанные с конкордатом, произошли в 1937 году, а помирились они только в 1940-м, когда вместе оказались в монастыре Любостыня. Уже было ясно, что в Европе идет подготовка к войне, и они, слава Богу, помирились, а потом и разделили одну судьбу в фашистском концлагере. Оба попали в заключение, но оба выстояли, были непоколебимы^[9]. Я написал об этом книгу – о том, как было в лагере Дахау, что там с ними делали. Я долго изучал материалы и сейчас продолжаю, еще одно переиздание будет, дополненное, но плохо успеваю, много других дел.

Когда владыка и Патриарх были в заключении, немцы пытались их заставить написать обращение к сербскому народу против коммунистов. Но это не дело Церкви, это политика. В Сербии была коммунистическая партия и Коминтерн работал. И вот некий Миша Брашич, редактор известного журнала «Новости», которого народ уважал, но не знал, что он коммунист, был в России. Его обязали извещать обо всем, что происходит в Сербии, распространять коммунистические идеи. У него имелась радиостанция, которая располагалась в Белграде на Пожаревацкой улице. Когда в столице начались обыски, чтобы немцы не нашли станцию, этот Брашич перебрался сначала в Крагуевац, потом в Княжевац, а оттуда сюда, в Чачак. Но немцы добрались и до Чачака, и ему пришлось скрываться в селе Дучиловичи за Овчаром в доме священника. Они с товарищем решили, что в доме священника будут вызывать меньше подозрений. Приезжал он и к владыке Николаю в Любостыню, потому как были знакомы еще до войны, даже дружили. Брашич дружил и с Патриархом Варнавой, со многими другими. Владыка Николай ему предложил: «Господин Миша, видишь, какая ситуация? Война, горе. Если ты в беде, оставайтесь здесь, пока военный ураган не стихнет, оставайтесь с нами, поделимся всем, что у нас есть». Но он не остался, а продолжал работать – ездил туда-сюда, разведывал. Владыка не знал, чем он на самом деле занимается.

Он работал на четыре разведывательные службы, сотрудничал с Коминтерном, с коммунистами Югославии, с немцами и с четниками, видите, как низко может пасть человек. Он приходил к владыке как четник, владыка ему верил. Потом он владыку оклеветал перед немцами, обвинил его в работе на

Англию, потому что тот там учился.

– Это послужило причиной ареста владыки?

– Это принесло владыке много бед. Немцы держали его под стражей, заключили в Любостыне. Однажды поставили охрану вокруг монастыря, блокировали пути, всю ночь следили, кто приходит, что владыка делает, но ничего не заметили, только допрашивали, почему в доме то загорается, то гаснет свет, кому он посылает сигналы, о чем сообщает. Владыка отвечал, что не знает, о чем речь, но думает, что поскольку у них нет электричества и монахи пользуются свечами во время молитвы или работы, то свечи экономят и, закончив послушание, гасят. Они проверяли, убедились в истинности его показаний, но на всякий случай вывезли его из Любостыни в Войловицу под Белградом и там держали под строгим надзором, как заключенного.

– Когда это было?

– В канун праздника святого Николая в декабре 1942 года, а через год, в 1943-м, привезли и Патриарха Гавриила из монастыря Раковица. Владыка и Патриарх были в Войловице вместе, в старом корпусе австрийской постройки, в западном крыле находился владыка Николай, в восточном крыле Патриарх, в середине располагались иеромонах протосинкелл Василий (Костич)^[10] и Йово, племянник владыки Николая, который был тогда преподавателем в Битольской семинарии.

Все это время их мучили, требовали написать манифест против коммунистов. Но Церковь не вмешивается в политику. У вас в России Патриарх Тихон, святой человек, занял твердую церковную позицию, и большевики его преследовали. А владыке потом коммунисты запретили вернуться в Югославию, Патриарха Гавриила как-то терпели.

Итак, Патриарх и владыка отказались писать обращение: «Мы рабы, арестанты, раб не может обращаться с воззваниями, только свободный человек может это делать, у которого есть выбор». Тогда им предлагали освобождение, говорили, что отпустят: Патриарх может идти в Патриархию, владыка – в Жичу. Но они не согласились.

Потом племянник владыки Йово мне рассказывал, что Патриарх спрашивал епископа Николая: «Владыко, что будем делать? Видишь, как немцы на нас давят, присылают то Недича, то Летича, что скажешь?» Владыка ему: «Нет, Гавро, Сербская Церковь борется не против коммунистов, они наши дети и братья, и может случиться, что после войны они вернутся к нам. Политика грязное дело, и не нам в нее вмешиваться. Сербская Церковь борется не против коммунистов, а против безбожия,

безбожия и слева и справа, против внешнего безбожия – германского и внутреннего – нашего».

Правильно сказал, задача Церкви – бороться против безбожия и не вмешиваться в политику, не примыкать ни к каким партиям, ни в коем случае. Владыка Николай очень мудрым был. И еще, когда от него требовали, чтобы он согласился выступить против коммунистов, он ответил: «Знаете, господин генерал, вы, немцы, все думаете одной головой, головой фюрера, у нас по-другому, мы другой народ, каждый серб своей головой хочет думать... Так это у нас, славян, бывает: каждый своей головой думает, каждый хочет иметь свое мнение, свою позицию, один думает так, другой иначе... Как рога в мешке, не можем уложиться, такие мы, понимаете?» И когда они поняли, что ничего не добьются, что владыка непоколебим, решили депортировать его в Дахау, в лагерь смерти. И отправили туда вместе с Патриархом через венгерский Бечкерек ранним утром 15 сентября 1944 года.

Потом я ездил в Дахау в Германию с одним священником, которого звали Николаем.

– *Когда и как это было?*

– Первый раз – в 1998 году, поехал в Германию, в Мюнхен, из Мюнхена в Дахау, чтобы увидеть, где был владыка Николай. Меня интересовало, где были бараки. Их стояло шестнадцать в одном ряду, шестнадцать в другом. Бараки – сто метров в длину и десять в ширину, в каждом – с десятков отделений. Лагерь рассчитан примерно на пять-шесть тысяч человек, столько могло поместиться в тех бараках, но они держали там до тридцати тысяч. Можно представить, как они страдали.

Дахау был своего рода школой, где обучали пыткам, оттуда «специалистов» направляли в другие лагеря в Европе.

Вот и владыка Николай был тут, и Патриарх. Тяжко пришлось, жестоко над ними издевались. Был там земляк владыки, сербский офицер Миломир Станишич, ему удалось выжить, потом он уехал в Америку, они общались с владыкой, разговаривали о самых разных вещах. После смерти владыки он писал о тех днях в Дахау. Когда Патриарха и владыку привезли в лагерь, то поместили отдельно от других заключенных, с другой стороны от колючей проволоки, где находились крематорий, в котором убивали и жгли, и здание для эсэсовцев – в нем было предусмотрено несколько помещений для заключенных. Там держали Патриарха, владыку и заключенных из стран Северной Европы.

Владыке и Патриарху было приказано каждое утро выносить бадью из уборной, они должны были нести ее на палке до ямы. Николай (Велимирович) был небольшого роста, а Патриарх

Гавриил высоким, оба изможденные, измученные старые люди. Идут, несут, фашист прикладом их погоняет, они спотыкаются, едва тащатся, Патриарх старается не упасть, чтобы не опрокинуть нечистоты на спину владыке, тяжело, бадья громоздкая, придерживает ее рукой, а владыка тоже идет, спотыкаясь. Комендант подходит, спрашивает Патриарха: «Ну и как вам тут?» Патриарх не знал немецкого, а владыка Николай знал почти все европейские языки. Гавриил обратился к владыке: «Что он сказал?» – «Спрашивает, как нам тут». Патриарх: «Что же спрашивает, неужели не видит, что им не сегодня, так завтра конец придет? Придут русские, и они ответят за все, за все свои злодеяния!» Владыка ему говорит: «Если я передам твои слова, то нас расстреляют на месте». Тогда жизнь была дешевле пули, да. И вот владыка немцу отвечает: «Господин полковник, Его Святейшество Патриарх Сербский господин Гавриил – произнес его полный титул, чтобы немец знал, с кем имеет дело, – отмечает вашу организованность и дисциплину, но просит вас освободить нас от такой унижительной работы, так как мы представители Церкви в Сербии и старые люди, больные, освободите нас». Владыка сумел хорошо сказать, и тому понравилось. «Гут, гут», – и освободил их от обязанности выносить нечистоты.

– *И что с ними было дальше? Известно ли это?*

– Да. Они находились там еще пять-шесть месяцев, с сентября до января. В конце января по ряду причин их перевели в Вену.

Но немцы не смели показать их такими – истощенными, грязными – и на несколько дней отвезли в отель близ Мюнхена, чтобы они привели себя в порядок. После этого перевели владык в Вену. Прибыли они в Вену. Там находился генерал Герман Нойбахер^[11]. Может быть, вы слышали о нем? Гитлер собирался отдать Банат и Бачку венграм, но румынский король возмутился: «Вы доведете нас до войны с венграми, в Банате наши церкви, наши люди, и если вы их бросите под свой сапог и будете обращаться с ними так же, как с сербами, нам придется действовать». Герман Нойбахер был назначен бургомистром Баната и инспектором Балкан, стран Румынии, Болгарии, Греции, Сербии и Хорватии.

Он знал, что епископ Николай и Патриарх Гавриил были в Войловице, и, похоже, был настроен к сербам дружески, видя, что гитлеровцы делают – за одного немца расстреливают сто сербов: «Мы пришли как оккупанты, люди унижены и борются за свободу, вы должны понять, что нельзя так, это уничтожение народа». Потом, после войны, он в мемуарах писал, что спас от смерти не менее пятнадцати тысяч сербов.

Когда при Тито судили Дражу Михайловича^[12], генерал Нойбахер его защищал, он считал, что Михайловича нельзя расстреливать, но напрасно, у коммунистов была цель – уничтожить его. Америка молчала, Англия молчала, все молчали, Тито видел, что может безнаказанно творить все, что хочет. Самого Нойбахера приговорили к двадцати годам заключения. Через десять лет он тяжело заболел, и, чтобы не умер в тюрьме, его отпустили. Потом бывший генерал написал книгу воспоминаний о том, что происходило в Югославии во время войны, я использовал некоторые фрагменты из нее.

– И что произошло дальше с владыкой Николаем и Патриархом Гавриилом?

– Затем, чтобы избежать возврата в лагерь, их перебросили в Ферне, в Альпах, держали под строгой охраной, война подходила к концу. Наши войска отступали, а там были и четники, и летичевцы, Красная армия наступала, объединялась с нашими коммунистами, четники должны были отступить и двигаться в сторону Австрии. Оказались там и Димитрие Лётич^[13] с воеводой Момчило Джуичем^[14]. Они договорились ночью пойти к Патриарху и владыке, попасть к ним помог полковник Черни, он отпустил охрану. Лётич пошел к владыке Николаю, а Джуич к Патриарху Гавриилу. Взяли для них чокань ракии, рыбу и лепешки, чтобы порадовать чем-то, ведь они изголодались. Джуич постучал в дверь, Патриарх спросил:

– Кто там? – открыл, увидел бородатого человека с длинными волосами. – Сынок, ты кто?

Джуич представился, протянул лепешку, которую Патриарх Гавриил, перекрестившись, начал есть. Воевода рассказал, для чего они пришли – выволить их из плена и увезти в Быстрицу. Патриарх говорил, что нельзя этого делать, потому как они доставлены туда по приказу Гитлера и если совершат сейчас побег, то их будут преследовать. Но все-таки Джуичу, хотя и с большим трудом, удалось убедить Патриарха Гавриила, вечером они отправились в Быстрицу. Прибыли на следующее утро, там их встречали воины-четники, построившись в шеренги, они просили благословить их и освятить знамена. Патриарх шел вдоль шеренги, повторяя: «Эх, четичи вы мои, четичи, благослови вас Бог». А владыка шел рядом и плакал, глядя на измученных воинов.

Прибыл туда и генерал Нойбахер. Собирались увезти владыку и Патриарха в Швейцарию. Генерал Нойбахер решил ехать с ними, сдаться американцам, договориться с ними, чтобы прекратили бомбить Вену, спасти город, решил пожертвовать собой. Но их не пустили через швейцарскую границу, вернулись,

вскоре пришла 36-я американская дивизия. Были в ее составе и сербские офицеры, они навещали Патриарха и владыку, видели, что они страдают и голодают, приносили им необходимое. Американцам не было дела до архиереев. В конце концов владыка попал в Зальцбург, затем в Брюссель, Патриарх – в Лондон, потом через Италию в Чехословакию, его пригласил председатель правительства в Карловы Вары, лечился там, вернулся в Белград.

Владыке Николаю въезд в страну был запрещен, Тито объявил его предателем новой югославской державы, который подлежит строгому наказанию. Он уехал в США, остался там, писал, преподавал в семинарии в монастыре Святого Саввы. Затем Маевский отвез его в русский монастырь. Владимир Маевский был другом владыки, преподаватель, они вместе находились в монастыре Святителя Тихона в Пенсильвании. Он провел в Сербии двадцать шесть лет, писал о владыке, рассказал о его кончине. Я многое почерпнул из его воспоминаний «Мои встречи и жизнь с владыкой Николаем», часто его цитирую. Русские отнеслись к нам человечнее, чем мы сами к себе. Так это в жизни и бывает – хуже нет, когда братья враждуют, не знают меры, не могут остановиться, а сосед трезвее, спокойнее смотрит на вещи.

Профессор Маевский пригласил владыку в монастырь: «Будьте с нами, мы знаем, кто такой епископ Николай!» Владыка хорошо знал русский, преподавал и Священное Писание, гомилетику. Маевский записал: «Драгоценен был для нас его метод проповедничества».

– Отче, а что вам еще вспоминается из тех дней, когда вы были у владыки?

– Очень запомнилась самая первая встреча, когда я только пришел к нему. Знаете, я никогда не видел таких людей. Длинные, с небольшой проседью волосы, борода, строгий проницательный взгляд, большие глаза, мне казалось, что он с неба сошел. Помню, как обнял меня, спрашивал, кто я, поддержал. Большая доброта в нем чувствовалась, но бывал и строг, сердился, иногда проверял нас, испытывал. Несколько раз в Жиче он со мной разговаривал, и я как-то чувствовал, что он меня испытывает. Многие его осуждали: и такой и сякой. Может быть, и был в молодости, пока учился в Англии. В этой стране было наше лобби, группа выдающихся образованных людей, которые вели переговоры с англичанами о помощи Сербии в Первую мировую войну. Владыка являлся в этом ключевой фигурой, бывал и в Америке, собирал добровольцев, деньги на питание и одежду. Вся страна ведь была в нищете, и правительство Николы Пашича^[15] его направило туда.

Да, вот что забыл рассказать. Когда я был у владыки Николая,

случалось, колокол звонит к службе, к этому времени мы, дети как дети, разговоримся, расшалимся, а сестра Мария соберется и уйдет в церковь, ничего нам не скажет. Приду я с опозданием, а владыка спрашивает ее: «Сестра Мария, слушается ли этот наш Милисав? Получится ли из него что-то?» И бывало, что она ему скажет: «Опаздывает в церковь, начал портиться, не слушается». И тогда владыка ей говорил: «Ну, если не будет слушаться, потрепи его за ухо, только не сильно, пока не заплачет». А я думаю: куда же больше, если заплачу? Если заплачу, это сильно. И так умел владыка пошутить. Но однажды, когда я снова опоздал и Мария пожаловалась, он мне сказал очень серьезно, что нельзя так, что Церковь должна быть на первом месте. И наложил на меня епитимию – двенадцать поклонов перед иконой Христа, три перед Богородицей, три перед святым Саввой и три перед святым Николаем, а также выучить наизусть все праздничные тропари до Успения. Так я и сделал, пришел к нему: «Исполнил епитимию, прости и благослови».

Владыка был не очень строг, но не давал ослушаться, не позволял каких-то вещей. Например, еще такое было. Один ученик взял динар с иконы на амвоне и купил конфет. Кто-то увидел, сообщил игумену, игумен рассказал владыке. И тогда владыка Николай произнес очень сильную проповедь о том, что значит жизнь в монастыре, каким должен быть монах, как все нужно делать по благословению – и есть, и пить, и спрашивать обо всем духовника, даже когда мы очень голодны.

Однажды я работал в саду, целый день собирал сливы, но не успел спросить благословения и не съел ни одной, хотя очень хотелось. Вот такой была наша монашеская жизнь, сейчас многое изменилось.

– Вы находились во время войны в Жиче, были свидетелем бомбардировок и уничтожения монастыря?

– Когда началась война, мы оставались в Жиче, а владыка – в Любостыне. Я снова заболел, вернулась малярия. Ребята мне говорят: «Милисав, вставай, посмотри на наших воинов – бородатые, выглядят как монахи, встань посмотри». Я встал, вижу: в самом деле, как монахи наши четники. В тот день они встретились с партизанами, чтобы вместе сражаться за Кралево, освободить город. Когда начался бой, мы убежали, я даже не успел переобуться, в шлепанцах убежал сначала в лес, потом спустились к ручью, туда, где были первые дома (а нас все соседи знали), переночевали там, а на следующий день я пошел посмотреть, что осталось после боя.

Немцы гнали четников почти до самого монастыря. Мы оставили им молока в казане. И вот казан пробит, молоко

вытекло, бомбы всю ночь рвались, вижу, как пострадала Жича от бомб – и церковь, и конак^[16], и келья владыки. Сердце плачет.

И тогда, во время этого боя, меня взрыв вылечил. Бомба разорвалась не далее чем в двадцати метрах, от сильного взрыва я упал на землю, все во мне оборвалось от страха. И с тех пор не было малярии, никогда больше не болел ею, иначе я бы остался там ночью в ледяном ручье, умер бы в горах, никто бы мне не смог помочь, а мне тринадцать лет было. Нет худа без добра.

– *Где братия находилась после разгрома Жичи?*

– В горах, там стояли какие-то оставленные опустевшие дома. Мы соорудили в одном из них крышу из хвороста и сена, грелись у костра. Холодно уже было, с октября по конец ноября – целый месяц там оставались.

Немцы при отступлении подожгли Жичу и ушли в Баня-Матарушку. Игумен сказал нам: «Милицав и Станислав, бегите, выпустите скот из загона, не то сгорит!» А у нас было десять хороших больших коров, четыре быка, пять коней, свиньи, овцы. И мы бегом до церкви на кладбище. Видим, мать Феодора, старица восьмидесятилетняя, тащит ведро, набрала воды и тащит в гору, мы бегом к ней. «Матушка Феодора, что такое?» Она нам говорит: «Вот! Видите что? Подожгли наш монастырь». Мы схватили ведро: «Сиди тут, матушка, не двигайся!» Куда ей, старице, идти? И опять бегом, а все уже полыхает, вбегаем в монастырь, кругом пламя бушует, большая соборная церковь разрушена, дом рушится, огонь выбивается из окон и дверей, все грохочет, как локомотив. Я по сей день удивляюсь, как мы смогли пробежать там и не сгореть. Бегом через сад до загона, выпустили скот – и коней, и быков, и коров, и свиней, и овец. Гоним их – игумен благословил пригнать овец, – а они не хотят идти, хотят пастись, вокруг стрельба, не видим, ни где мы, ни куда нам. Война.

Гоним овец, догнали до подножья горы, поднимаемся постепенно, вокруг бежит народ, каждый несет, что может унести, все бегут. Вижу, идет партизан, не четник, звезда у него на фуражке, и поносит нас: «Вы во всем виноваты, всех вас надо перебить!» Спрашиваю одного монаха: «Отче Тихон, в чем мы виноваты? Не мы все это сделали!» А он сделал мне гримасу, показал, чтобы я молчал. Долго мы шли, только к вечеру добрались в Столове, развели огонь, чтобы согреться, прийти в себя.

А когда выпал первый снег, пришлось нам резать овец, чтобы выжить в горах. Мы были легко одеты, есть было нечего. Иногда спускались в монастырский амбар, где была пшеница – пшеница не может сгореть: обгорит сверху, а внутри целая, – носили зерна на мельницу, мололи, мука черная получалась, но главное, что была пища. Потом владыка Николай благословил нас идти в Студеницу, и мы пошли – четырнадцать человек. Владыка потом прислал мне двести динаров, чтобы я купил себе обувь, узнал, что я босой. Но негде было купить, не было обуви, ни за какие деньги

– война. Один наш монах смастерил мне ботинки из старых сапог: верх из кожи, подошва деревянная, прибил к ней гвоздями кожу – вот и обувь.

Все это произошло в 1941–1942 годах, а в 1943-м болгары пришли, началась война с болгарами. Немцы отдали им Сербию, всю центральную часть Сербии от города Ужице до Дрины^[17] они держали. И в Студенице были болгары, и в Раче, в Раче сожгли все монастырские постройки. В Студенице, когда начались столкновения, хотели перебить всех нас и уничтожить монастырь. Поверьте, только Бог спас. Вот чудо! Тогда пропало несколько болгарских солдат, и, если бы не мужество нашего настоятеля, пришел бы нам конец. Он сказал: «Я пойду искать ваших солдат», – и пошел на поиски в лес, где были четники. Командовал ими какой-то Машан Джурович, он приказал расстрелять этих болгар, те уже копали себе могилу, но наш игумен вовремя успел, остановил его: «Машан, что ты делаешь, подумай о монастыре! Знаешь ли, сколько внизу болгарских войск? Уничтожат и монастырь, и нас, весь народ в округе, отпустите людей, руками болгар вы убиваете нас». Четники послушали, отпустили болгарских солдат, чтобы не было «сто за одного». Всякое бывало, война есть война, сохрани Господь, запутанная история. Тогда игумен спас монастырь, но эти болгары ночью все же избили нас. Пришла какая-то отставшая рота – мы уже разошлись по кельям, – выгнали нас на улицу, облили бензином и людей, и церковь, а потом избивали железными прутами...

Было там несколько русских монахинь из Введенского монастыря, которые прятались у нас. Мать Павла, добрая, как хлеб, Сузанна, Евсевия, еще одна слабенькая, умерла, там и похоронена. Говорит мне мать Павла (я был самый младший): «Беги с нами, я тебя мантией закрою», – у них были русские мантии широкие. А болгары выводили по одному и били, мужчин били железными прутами. Много костей переломали и монахам, и мирянам, очень было тяжело. Я съезился, прижался к матушке Павле, она меня закрыла мантией. Но один заметил ноги в брюках и говорит: «А ну-ка, иди сюда!» – отвел на несколько шагов от них и стал избивать. Я думал, он меня в муку сотрет, напрягся, чтобы выдержать удары, сильно он бил, до сих пор болит, правое бедро особенно. Отца Рафаила сильно избили, он, пока силы имел, стонал, потом замолк, и только удары были слышны, чудом остался жив. Потом разогнались на грузовике и преследовали нас, едва не передавили всех. А за ними шла другая рота, грабила монастыри, все тащили – одеяла, простыни, полотенца, часы, а что не могли унести, разоряли. Монастырь

Студеница богатый был, много запасали меда, вина в подвалах, они пооткрывали краны в бочках с вином, чтобы все вылилось.

– Иконы, святыни не трогали?

– Иконы не брали. Унесли все съестное – любители перца, у нас было много печеного перца, две монахини готовили запасы на зиму. Тяжело с болгарами. Мы хотели бежать, но архимандрит-настоятель сказал: «Дети, не бегите, давайте останемся здесь, если уйдем, и Студеницу сожгут, и нас перебьют». И мы остались. Надо было потерпеть. Пережили, слава Богу.

Требовали у меня ключ от церкви, а я не даю, молчу, жду, что настоятель скажет. А он лежит, избитый до полусмерти, потом спросил: «Милисав, сынок, у тебя ключ от церкви?» – говорю: «Да, у меня». Но даже привстать не мог, чтобы достать из кармана ключ. Один болгарин разозлился, замахнулся на меня штыком и если бы другой не остановил его, то насквозь бы пробил.

А тот сказал: «Посмотри, ребенок еще, не трогай!» Я плакал, не мог встать, он отпустил, но сказал: «Когда я спрашиваю, где ключ от церкви, ты не даешь, а когда игумен тебя спрашивает, ты немедленно даешь!» – и сквернословил, оскорблял. Потом мы встали, помогали друг другу, кто-то совсем не мог идти. Отец Рафаил не мог встать, пришлось его тащить, еле дышал, все тело было черное, троим переломали ребра.

Да, вошли они в церковь, встали у раки святого Симеона Мироточивого, а она мраморная: «Что вы тут прячете? Открывайте!» Мы говорим: «Ничего, это гроб». – «Какой гроб! Открывайте!» Потом подошел командир, сказал: «Видите, это граб», – так болгары говорят – «граб», и пошли в алтарь, начали раскачивать полиелей, чуть не обрушили, как будто нет в них веры. Но что делать, военное время.

Трудно было, война, очень тяжелая пора для монастыря Студеница. А мы после этого, если слышали, что едут грузовики, бежали, скрывались в селах.

А в 1944 году стало еще трудней, и мы бы еще больше пострадали, если бы не русские, русская рота, которая пришла, когда болгары нас оккупировали, – бывшие белогвардейцы, беженцы из России, немцы их не трогали. Они спасали нас от болгар. Долгая это история, много всего было, но это самые тяжкие моменты. Потом пришла Красная армия, я тогда находился в монастыре Вуян, это здесь недалеко от Чачака, по направлению к Горнему Милановцу, был там и будущий Патриарх Павел, еще мирянин, Гойко. Он остался в Вуяне, а мы с настоятелем бежали в село Брезницу. Тогда пришли красноармейцы, русские.

– Как они к вам относились?

– Они установили «катюшу» на горе, мы радовались: «Сейчас немцы разбегутся», это сразу было ясно. И как начала «катюша» «косить» (так у нас говорят): ударили по Чачаку, за два часа очистили город от немцев.

Но знали и то, что это поддержка для партизан и четникам придется отступать, не было выбора, что делать. Я должен был вернуться в Вуян, по дороге мы встретились с партизанами, они хотели меня забрать в свой отряд, а со мной была женщина, старица, у которой мы скрывались, она нас провожала. Мудрая была, сумела сказать, как нужно, и защитила. Вернулись в монастырь, там я нашел отца Юлиана и отца Павла, то есть тогда еще Гойко.

– *Тогда вы познакомились с будущим Патриархом Павлом?*

– Да, он пришел незадолго до меня, я сразу привязался к нему, он всегда был очень разумный человек, уравновешенный, рассудительный.

– *Сколько ему тогда было лет?*

– Ему было двадцать семь – двадцать восемь лет, а мне шестнадцать, мы о многом разговаривали... Потом владыка (митрополит Иосиф) благословил перебраться в монастырь Благовещение в Овчарско-Кабларском ущелье. Все вместе туда пришли: отец Юлиан, который впоследствии стал настоятелем Студеницы, Павел, тогдашний Гойко, и я. Два-три года мы там оставались.

В то время Тито рассорился со Сталиным. И всех наших коммунистов, которые были как-то связаны с русскими или симпатизировали им, выгоняли, ссылали на Голи-Оток^[18].

– *Много сербов пострадало за любовь к России, ведь не Сталина любили, а Россию?*

– Много, много, и в Черногории, и по всей стране. Политика дьявольская вещь, за одну ночь может все измениться, и тот, кого вчера любили, завтра может быть проклят. Не по-человечески это.

Слава Богу, мы были вместе с владыкой Павлом. Много он значил для нас там, в монастыре. Он принял постриг в 1948 году в день Петра и Павла. А в конце того года мы перешли в монастырь Рача и я ушел в армию – в 1948/1949 году, вернулся в 1950-м и принял монашество. В день святого Иоанна Крестителя отец Павел дал мне имя, был восприемником на постриге.

– *Кто вас постригал?*

– Отец Юлиан, он многих постригал, очень хороший был монах, настоящий, из ветви старых монахов, связанных с владыкой Николаем. В сегодняшнем монашестве что-то есть другое, они слабее, избалованные. Не должно быть в монашестве «буду – не буду», но: «если надо, то надо». Слушаться, стараться,

бороться. Сейчас не так.

– А когда вы приняли решение о постриге, не было колебаний?

– Ну как? Были сомнения, но, когда я пришел в монастырь, понял какие-то вещи, как и что. Я принял постриг после армии, хотели меня раньше постричь, до армии, и отец Павел, то есть Гойко, настаивал. Я ему говорил: «Господин Гойко, это вас наши отцы монахи убедили, чтобы вы немного надавили на меня, уговорили принять монашество. Мне в армию идти, а там коммунисты, безбожники, нельзя поститься, нельзя молиться, ничего нельзя. Лучше после армии принять постриг». А он опять: «Ну что ты, лучше сейчас». Может быть, боялись, что изменюсь там, не вернусь в монастырь. Спрашиваю его: «А вы почему не принимаете постриг?» – отвечает: «Я еще не принял решение о монашестве, думаю стать священником и врачом, служить на приходе». Он хотел изучать медицину и богословие, хотел быть врачом, служить в сельском приходе, помогать народу духовно и физически. Хорошая, очень хорошая идея, но Господь судил иначе.

Я ему говорю: «Ну хорошо, но вы же знаете, что у вас слабое здоровье (тогда он страдал болезнью легких), вы ни для прихода, ни для семьи, давайте примите постриг сегодня, а я завтра приму – пусть в армии коммунисты сдерут с меня кожу».

Любили мы его, хотели, чтобы он был с нами. Итак, ушел я в армию. А спустя три-четыре месяца мне сообщают: нет больше Гойко, Павел родился, все, теперь твоя очередь. Ответил им, что если моя очередь, то я согласен. Все мы хотели, чтобы он стал монахом, он был духовным, благородным. Мы с ним подолгу разговаривали, он помог мне в решении моих внутренних проблем.

Помню, когда Патриарх Викентий^[19] благословил его ехать в Грецию, чтобы продолжить учебу, тяжело нам было – и ему тяжело, и братии. Но что делать? Слово Патриарха не обсуждается. Проводили его торжественно, с молитвой, и слезы были. В зимнее время отправился он в своей скромной сербской мантии, в суконном пальто (мы все такие носили, тепло в них было) и в брюках зеленых. Мы купили ему в дорогу ботинки хорошие, но красного цвета, других не было, отдали сапожнику, он их выкрасил в черный цвет, но краска быстро облезла, появились красные пятна, а из-под мантии виднелись брюки зеленые. Так он предстал перед греками, смеялись они, когда его такого увидели, предложили ему другую одежду, чтобы переодеться. Была у них возможность, жили в лучших условиях по сравнению с нами.

Однако они очень его уважали. Он во всем был скромен, даже

плитку с собой туда взял, сам стряпал. Положит картофелину, лук, перец – он никогда не ел много. Однажды писал мне: «Сейчас не постись строго, со второй недели ешь рыбу, кроме среды и пятницы. Ешь крапиву: отвари, слей воду, заправь маслом и добавь капусты. А скоро пойдут одуванчики, промой их, как салат, и ешь. Тебе нужно поправиться, ты запустил свое здоровье и теперь страдаешь. Будь дисциплинирован, принимай лекарства. И да поможет Господь». Заботился.

Позже, когда он стал епископом, я пришел к нему в епархию. Много лет провел рядом с владыкой Павлом, пока он не стал Патриархом. Часто вспоминаю его слова: «Человек, который видит свою цель в служении Богу, не может быть несмирным, так как всегда знает, что ничего не сделал!» «Скрывать недостатки других и говорить только о добром, которое в них, – знак любви и самый лучший способ обрести любовь». «Сострадание ко всему живому необходимо для того, чтобы совершенствоваться в добродетели». «Человека возвышает над животными не власть над ними, а то, что он способен им сострадать». Потом я написал книгу «С Патриархом по жизни».

Слава Богу, я благодарен Господу, я прожил удивительную жизнь. Даже представить не мог, что доживу до таких лет, что войну переживу, такое там случалось, но остался жив. Восемьдесят лет – это определенная граница, скажу вам, а мне сейчас восемьдесят семь, и я еще в гору могу бежать, правда недолго: сердцебиение. А вообще, особых проблем со здоровьем нет, только бронхи, горло, но это еще с детства. Благодарен Богу, что могу работать, писать, что Он меня терпит. Много писал^[20] – обо всех Овчарских монастырях несколько монографий, писал о монашеской жизни вообще, как развивалось монашество в России, Румынии, Болгарии, Греции. Писал о нашем монашестве, об отдельных монахах, прежде всего об авве Иустине^[21].

– *Вы были и с ним лично знакомы? Когда и как вы с ним познакомились?*

– Конечно, познакомились в нашем селе, монастырь Челие находится в Леличе. Когда я ходил в церковь, встречал его, таким образом, он меня еще ребенком помнил и монастырским учеником. Отец Иустин меня исповедовал, я хотел, чтобы он был моим духовным отцом. Потом приводил к нему и отца Амфилохия (Радовича), Афанасия (Евтича), Иринея (Буловича), он затем постригал их в монашество.

– *Вы знали многих русских людей еще из первой волны эмиграции. Как вы оцениваете их роль в развитии церковной жизни в Сербии?*

– Много русских священников и монахов жили разрозненно в

Сербии и в других странах. Хорошо было бы хотя бы списки составить, чтобы знали, кто где подвизался, каким был монахом, что внес в духовную жизнь Церкви, это очень важно. Русские монахи, находившиеся у нас, думаю, служили примером нашему монашеству.

Еще когда я был ребенком и в 1938 году пришел в монастырь Жича к владыке Николаю, видел, что к нему приходили русские священники, с некоторыми из них познакомился. Знал отца Феодосия, он жил в монастыре Дечаны; удивительный он был, отец Феодосий, настоящий монах и духовник, думаю, что он был духовным чадом митрополита Антония (Храповицкого).

Всех, конечно, я знать не мог, они жили в разных монастырях, а я состоял послушником и не разъезжал особенно. Но некоторых помню. Я очень хорошо помню отца Рафаила. Писал я и об отце Харитоне, мы тогда и не знали много о нем. А он был профессором, долго жил в Париже, затем решил перебраться в Югославию, остался здесь и принял постриг в Раковице. Он хотел строгой монашеской жизни, выкопал себе землянку, укрепил досками, вместо двери поставил ящик, и в этой пещерке жил месяцами. Потом его послали в Жичу, это был 1939 год, тогда его звали Николай. Одевался просто, очень просто, прихрамывал. Мы думали, что он беженец или просто какой-то бедолага, он нам не рассказывал о себе, и мы иногда подшучивали над ним (при этих словах отец Йован расплакался. – С.Л.), хотели развеселить... Он жил в нашей ученической келье, нас там было пять-шесть человек. Потом он заболел, сильно заболел тяжелым воспалением легких. Лежит, стонет и молится: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Нам было жаль, что мы не можем ему помочь, мы плачем, дети ведь еще. Очень любили его, он был такой простой, добрый. Вечером собрались монахи, врач сказал, что больной долго не протянет. И тогда отец Вассиан и отец Макарий, тоже русский, который исповедовал владыку Николая (не помню его фамилию, но он долго был у нас в Жиче, служил, очень хороший монах, тихий, мудрый), переоблачили Николая в великую схиму с именем Харитон и где-то около полуночи он умер с молитвой «Господи, помилуй!» Утром сообщили владыке Николаю о смерти отца Харитона, он сказал, что будет на похоронах и отпевании. Отец Макарий просил владыку, чтобы все было по русскому монашескому Типикону. Владыка сам его отпевал, плакал, и мы все плакали. Потом об этом писали в «Политике», одной из крупных ежедневных газет, статья называлась «Сын малой Сербии оплакивает сына великой России». И так он ушел в схиму с именем Харитон.

Вот, он был русский, отец Макарий русский. Еще был

Онисим, из казаков, возрастом около шестидесяти лет, сноровистый, все умел, владел боевыми искусствами, борьбой, рассказывал нам о войне, мы слушали, дивились, он был для нас настоящий герой. Думаю, что он погиб в Кралево. Я искал его, расспрашивал, пережил ли он войну, ведь в Кралево в 1941 году были бои, в которых погибло около шести-семи тысяч кралевчан, половина жителей города. Долго я его искал, очень мы его любили, он беседовал с нами, детьми, а мы спрашивали его обо всем запросто, как ровесника. Нас интересовала история, Россия, и он так хорошо умел рассказывать.

И отца Димитрия (Бодрова) мне очень жаль, был в Девиче духовником. Он заболел, чувствовал, что смерть близка, попросил меня: «Скажи игуменье Параскеве, чтобы не одевали меня в новую мантию, в земле сгниет, не нужно, это плохо». Слово «плохо» сказал на русском. Хотел умереть на полу, сестры перекладывали его в постель, просили остаться лежать, но он всякий раз ложился на пол. Я был с ним, видел, как ему тяжело (есть у меня его фотография, поминаю его), служил ему. И как-то вечером, после одиннадцати уже, говорит он мне: «Иди отдыхай». Я ушел, вдруг сестры зовут: «Иди сюда, умер отец Димитрий». Подняли его с пола, одели в мантию, сообщили владыке Павлу, перенесли в церковь. Приехал владыка, служил, отпевал, похоронили отца Димитрия, удивительный он был, примером был.

И вот еще, давно пытаюсь выяснить, кем был отец Митрофан (Романов), он тоже бежал из России. Да, как будто он был из Харькова. Был в Жиче и в Студенице, мало говорил о себе, не рассказывал, кто он и откуда. На его надгробии написано, что он происходил из царской семьи. Вероятно, из-за фамилии Романов, но точно не известно, может быть, какой-то другой Романов. Наш митрополит Иосиф интересовался им, расспрашивал, но тот скрывался в труднодоступных местах, там, где его не знали, был в Иванице, в горах Голия, где монастырь Ковиле двенадцатого века, там его имя записано в монастырской летописи. Меня это интересовало, и я собирал материалы, ездил туда, где он похоронен, переписывал записи из церковной книги, запись о смерти, у меня есть эти данные. Исследовал, спрашивал, даже спрашивал полицию, нет ли у них в архивах записей о нем.

И в монастыре Хопово были монахини из России, много они для нас сделали, они принимали в сестричество сербских девушек, и постепенно наше женское монашество стало оживать. У нас тогда был только один женский монастырь во Врачешнице, его основал владыка Николай. Там была мать Елена, она тоже начинала у русских монахинь, приняла от них духовные дары. При турках иссякло женское монашество, монастыри опустели,

потому что турки превратили бы их в гарем. До Первой мировой войны у нас не было женского монашества, а у русских было, русские монахини через Карпаты приходили сюда и обновили наше монашество.

А еще помню, какое красивое богослужение было в русской церкви у отца Виталия Тарасьева, у него исповедовался и авва Иустин (Попович). Приход отца Виталия наследовал его сын

Василий, а сейчас там служит его внук и тезка Виталий. Писал я и об отце Серафиме Васильевиче Попове, русском военном священнике, он был, если не ошибаюсь, в чине полковника. Ему пришлось бежать от большевиков вместе со своим полком сначала в Африку, но там их не приняли, очень трудно было тогда русским беженцам. Затем они двинулись в Южную Италию, и там их не приняли, так они оказались в Королевстве Югославия. Только что закончилась война, это было в 1920–1921 годах, почти три года они скитались, покинув Россию.

Сербы приняли многих русских^[22], ведь они считали себя должниками России, а по вере и по крови мы едины. Российская империя много помогала Сербии во времена сербско-турецких войн и во многом другом, болгары их не приняли, не посмели, а Сербия сразу приняла. Много их было, в том числе и пять архиереев, среди них митрополит Евлогий (Георгиевский), митрополит Антоний (Храповицкий)^[23]. Сначала они находились в Белграде, потом их разместили по монастырям, и белого духовенства было много.

– Как вы оцениваете тот путь, что прошло сербское монашество?

– Во времена святого Саввы до правления князя Лазаря добрая была у нас страна: и монашество, и Церковь – все было устроено. Но попали под турецкое иго, и началась совсем другая жизнь. Монахам приходилось отступать от своих обетов, возглавлять народ и в бой вести, чтобы сохранить веру и людей. Как они выжили в те времена, только Бог знает, легко сейчас об этом рассуждать. Но все-таки сохранился народ, и святые люди в те времена были, святые монахи, больше семидесяти канонизированных святых. Мы долго были под турками, значительное время у нас не могло активно развиваться монашество. Наши монахи, особенно настоятели монастырей, становились вождями народа, ведь мы не имели политической власти. Народ слушал только Церковь, иначе всех могли потуречить. Некоторые сербы принимали ислам, потому что в такой ситуации оказались – под жестоким гнетом, помочь некому.

Посмотрите, что сейчас делается – эти войны в Боснии и в

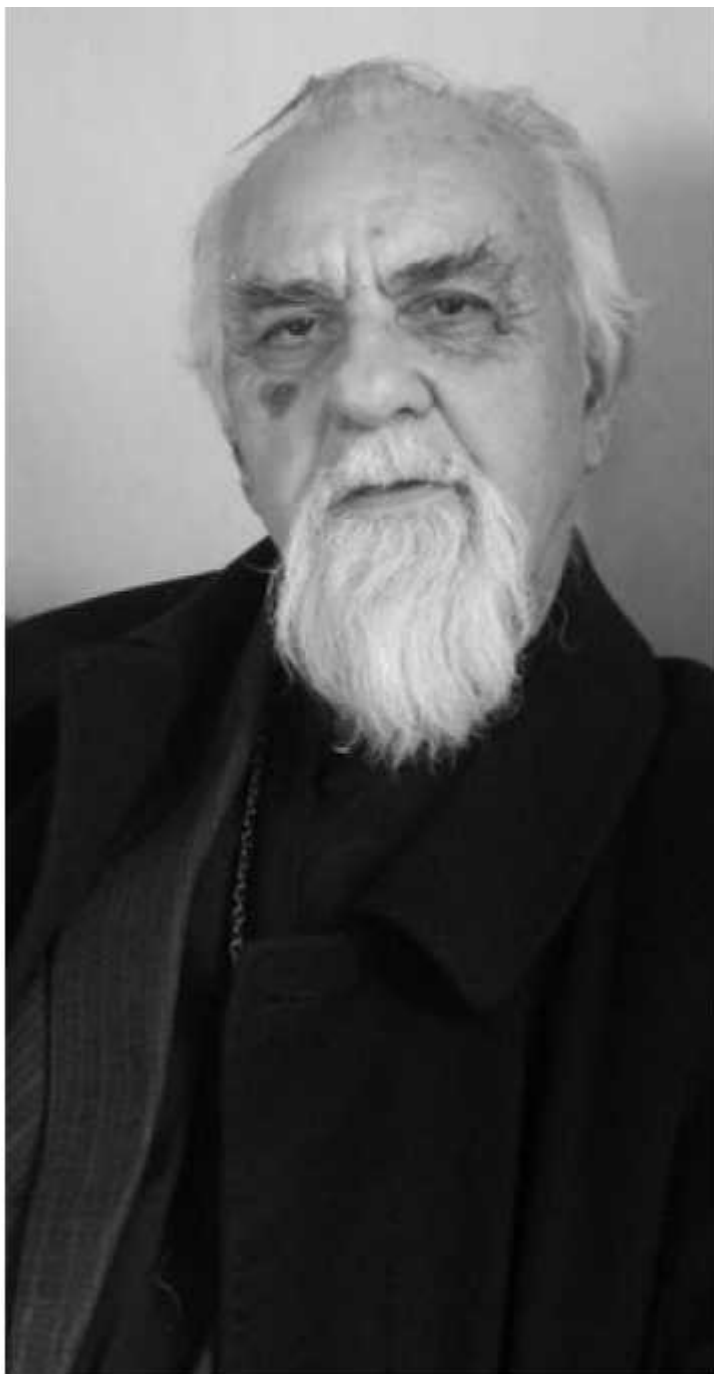
хорватской части. Честно вам скажу, около тридцати тысяч силой покатоличено, хочешь не хочешь – принимай католицизм, иначе снова скажут: «Вон отсюда, знать вас не хотим, вам тут не место, идите куда хотите!» А куда идти? Тут дом, дети. Вот и думают: какие-никакие, а христиане, есть у них душа, да идти некуда. Оставались и принимали их веру. А если посчитать, сколько после войны насильно покатоличено, – сотни тысяч^[24], большая беда, не знаешь, что и сказать, только молиться Богу, чтобы спас.

Во времена владыки Николая были у нас хорошие монахи, подвижники. Но обо всех такого не скажешь, ведь и у Господа было двенадцать апостолов и среди них – Иуда. Господь допускает, чтобы так было, потому что уважает свободу человека, но в этой свободе и большая ответственность. Бог дал человеку разум, свободу, дал и закон, нравственный закон, с которым мы рождаемся, глас Божий в нас, и если сделаем доброе – радуемся, а если дурное, даже если не узнает и не заметит никто, то совесть болит и спрашивает: «Зачем тебе это было надо? Можно было без этого!» Большая ответственность нам дана. Сейчас многие вам скажут, что они свободны и не хотят слышать о долге, обязанностях – называют их рабством, но так человеку недолго и убийцей стать.

Бог троичен, и в человеке есть троичность: разум, сердце и воля, и если они находятся в равновесии, то можно говорить о целостной личности, такому человеку все можно доверить, на любом месте он все сделает как следует. Если разум преобладает над сердцем и волей, то мы говорим – человек без сердца, без души, жестокий, корыстный. Если наоборот – сердце над разумом, такой все позволяет, как добренький «папочка», дети которого ходят на головах, а детей надо воспитывать в строгости и в любви, пока не окрепнут.

В Православии много об этом говорится. Святой Василий Великий писал о степенях духовности – есть степень сына, степень наемника и – раба. Если мы рабски смотрим на веру, на Бога, то ничего не можем, если как наемник, то за все ждем плату, а вот сын все делает по любви к отцу, и отец – по любви к сыну, и нет тут закона. Бог Отец все делает по любви к нам, ибо любовь выше закона и в законе нет нужды. Много этого в нашей вере, в Церкви, особенно в монашестве, и везде мы можем чувствовать себя счастливыми, если живем по принципам Церкви.

Воскрешающая любовь

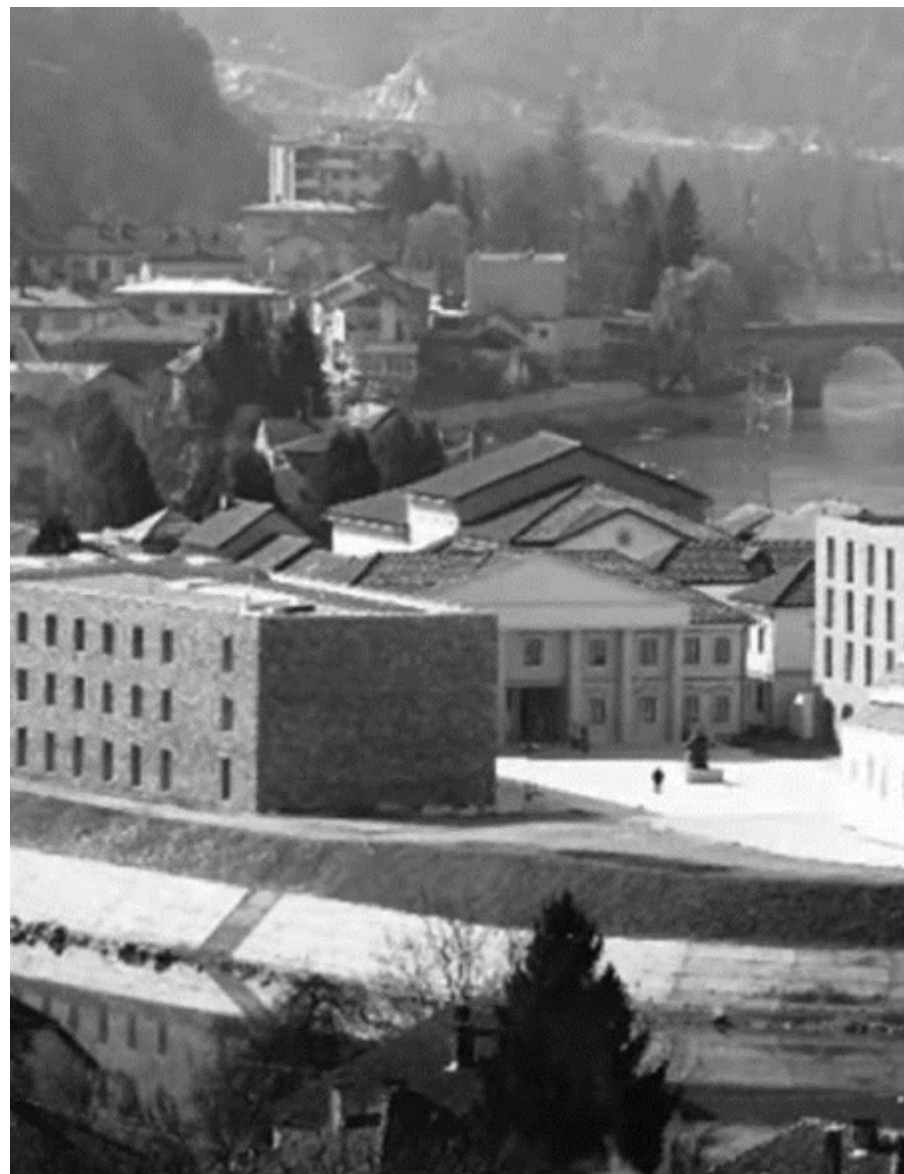
Протоиерей Деян Деянович

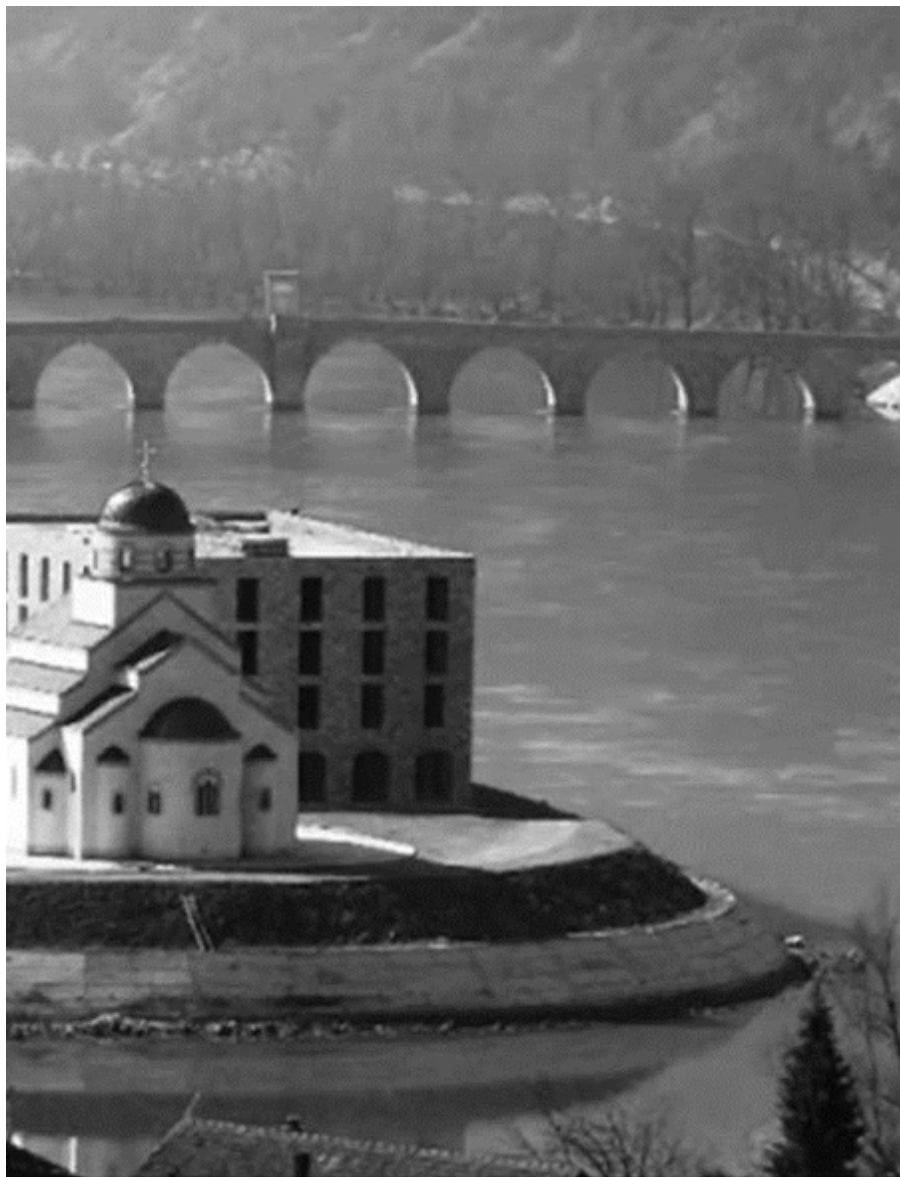
Общину верующих, которая собирается в храме на Топчидерском кладбище, где служит протоиерей Деян Деянович, без преувеличения можно назвать своего рода феноменом. Церковь Святого Мученика Трифона, возведенная в начале XX века известным белградским купцом и благотворителем Николой Спасичем, предназначалась для отпеваний и панихид. Однако каждое воскресенье и в праздники на литургию, которую служит отец Деян и его дьяконы-волонтеры, со всех концов города собираются люди. После богослужения обязательно остаются поговорить, выслушать, поддержать друг друга, получить благословение любимого пастыря. Двадцать лет назад, после смерти супруги Доротей, прота Деян, как называют его чада, решил не уходить на пенсию, а продолжить служение. Так началась новая жизнь малоизвестной кладбищенской церкви.

– *Отче Деян, расскажите о своей семье, где вы родились, каким было ваше детство?*

– Вот, моя дорогая, прежде всего, скажу, что я давно родился. В 1930 году, это значит, что мне исполнилось восемьдесят три года. К слову сказать, вот уже пятьдесят семь лет я на священнической службе. Итак, я родился в одном небольшом городке в Боснии, который называется Босански-Петровац, где мы жили до вынужденного бегства в Белград. Мой отец был уважаемым и богатым торговцем. В семье было двое детей, я и моя старшая сестра Велинка, которой, слава Богу, восемьдесят семь лет, она работала учительницей, тоже живет здесь, в Белграде. До начала войны 1941 года мы жили в Боснии, в Босанском Петровце, жили счастливо и благополучно, все у нас шло хорошо. Край, где я родился, принадлежал так называемому Независимому государству Хорватия (НГХ)^[25], этому страшному формированию, которое старалось полностью уничтожить сербский народ. Известно, что сербам пришлось пережить в этой державе невиданные мучения, жестокие гонения, истребление^[26]. Отец, видя, что нам здесь угрожает большая опасность, в мае 1941 года с одним своим товарищем отправился в Белград, чтобы посмотреть, где можно было бы устроиться, что следует предпринять. Мы с матерью остались дома в Боснии, однако не прошло много времени, как устали нас изгнали, и нам пришлось оставить дом, имение, богатство и взять с собой только то, что можно унести в руках, пришлось оставить родной край. С большими трудностями мы добрались до Земуна, сейчас это часть Белграда, а в то время он принадлежал НГХ. Не только мы, но и множество сербских беженцев пешком перешли мост через Саву и пришли в Белград. Там нас ждал отец, мой покойный отец Душан Деянович. Переезд в Белград принес нам большое облегчение, да,

он был оккупирован, но все-таки там была и сербская гражданская власть. Возглавлял так называемое сербское правительство генерал Милан Недич, и, вопреки утверждениям коммунистов, что он был предателем. Недич взял на себя очень тяжелую и неблагодарную роль – быть во время оккупации председателем сербского правительства, и сделал это с единственной целью – сохранить сербский народ и помочь беженцам. Именно благодаря генералу Недичу и его правительству мы, беженцы, придя тогда в оккупированный Белград, все-таки встретили сердечную помощь и понимание сербских властей и, конечно, народа, местных жителей.

Шли военные годы, очень тяжелые, часто голодные, но люди как-то жили и выживали. Интересно, что в то время все школы в Белграде работали, кроме университета. А мне было тогда одиннадцать лет, я окончил первый класс гимназии и сразу продолжил учебу, сначала в 8-й мужской гимназии, а затем в 3-й. Мы регулярно ходили на занятия, пока не начались так называемые бомбардировки союзниками. Представляете, как звучит? Бомбардировки союзниками! Первая была, как известно, на Пасху 1944 года, и тогда мы перестали регулярно посещать занятия. Но что интересно, выпускные экзамены все же сдавали в

саду, в селе Мириево. Тогда Мириево не было районом Белграда и считалось безопасным, туда и направили нас наши учителя. В тот июльский день мы приехали в сад к крестьянину и увидели, что преподаватели расставили столы под деревьями и ждут нас, так мы и ходили от дерева к дереву и сдавали, а они нас направляли: вот, под той сливой математика, под грушей химия, сербский язык под айвой. Конечно, мы все сдали экзамены, нет сомнения, что преподаватели учитывали не только наши знания, которые были средними, но и тяжелые условия, в которых мы жили.

– *Где и как вы жили?*

– Мы буквально скитались. Сначала мы жили у одной родственницы на Вождоваце, потом недолго в каком-то здании на улице Стояна

Протича, потом на Краля Милана, одно время мой отец с товарищем держал кафе «Лира» на улице Бриянова, и тут мы жили. «Лира» стала известна тем, что там собирались беженцы из Боснии, Герцеговины, из Хорватии, они встречались, обменивались новостями, письмами, пока немцы не закрыли его, закрыли и улицу, запретили движение по ней.

А бомбардировки союзников, когда американцы и англичане бомбили Белград, объяснялись тем, что они таким образом изгоняют немецких оккупантов. Однако нужно сказать правду: немцы пострадали меньше всего, а сербский народ, сербское население, жители Белграда сильно пострадали, многие погибли. Бомбардировки продолжались от самого дня Пасхи до сентябрь-октября, пока в Белград не вошли красноармейцы и партизаны. Особенно страшным был день восемнадцатого мая, когда на Пашином холме^[27] погибло от двух до трех тысяч белградцев. Это трагическая правда, которую нельзя забывать. Вот видите, а спустя много лет те же самые союзники опять бомбили нас – Сербию, Белград.

– *А где вы находились во время бомбардировок?*

– Тогда наша семья жила на Цвиичевой улице, которая принадлежала району Звездара, тогда Белград был много меньше, это была периферия.

Наши старшие, родители выкопали ров, и, когда приближались самолеты союзников, мы прятались там, слава Богу, пережили. И вот наступает освобождение. Вы меня поймете, если я скажу, что для моей семьи и многих белградских семей это стало так называемым освобождением. Объясню почему. Сразу, непосредственно после окончания битвы за Белград, тогдашние коммунистические власти – югославские и сербские партизаны – совершили страшное преступление над сербским народом. Хочу

сказать при этом, что мы, сербы, очень благодарны русской армии, которая тогда называлась советской, но мы всегда больше любили называть ее русской, которая как истинный освободитель пришла в Белград. А наши коммунисты, партизаны вели себя иначе. Тогда они за несколько месяцев арестовали и убили без суда и следствия не меньше двадцати тысяч белградцев. Это трагедия, которую невозможно и нельзя скрывать и которую коммунисты замалчивали. Что сказать об этом? Преступление говорит само за себя, не дай Бог, чтобы эти времена повторились.

– *И не дай Бог забыть об этом?!*

– Конечно, надо помнить и слова Патриарха Германа, который, посетив Ясеновац^[28], сказал: «Мы должны, как христиане, простить, но забыть не имеем права. И если правда, что история – учитель жизни, то этот урок мы должны хорошо запомнить».

– *В Белграде нет памятника жертвам?*

– Как я потом узнал, убивали тут – на Аде Циганлии^[29], в Банице^[30], в Лишчем Потоке, даже где-то здесь, на Топчидере. Но видите, прошли десятилетия с тех пор и нет никакого памятника, обозначения. Меня удивляет, что нынешняя власть, которая считает себя демократической, не предпринимает никаких действий, чтобы расследовать, показать нам все места, где погибли люди, чтобы поставить там крест, часовню. Ничего, до сих пор ничего.

Мой отец тоже тогда пострадал, он был обычным торговцем, обычным человеком, конечно, православным, православный серб. Ему было сорок пять лет всего, как и большинство, он придерживался монархических взглядов и ожидал, что на престол вернется король Петр II^[31], был, как и огромное большинство сербов, на стороне генерала Дражи Михайловича^[32]. Мой отец – мирный, порядочный, благородный человек. И что случилось? Белград был взят двадцатого октября, а уже двадцать пятого он был арестован. Аресты продолжались весь 1944 год и до начала 1945-го. Как я уже сказал, арестовано и уничтожено около двадцати тысяч человек. Мать после ареста отца искала его, расспрашивала о нем, ездила на Баницу, это район Белграда, где находился лагерь. И знаете, как тогдашние власти отвечали на вопросы? Так, будто этого человека никогда не было: «Кто? Какой? Душан Деянович, твой муж? Мы понятия не имеем, кто это». Так они отвечали всем семьям, которые искали своих братьев, отцов и мужей.

– *Так и не узнали о нем?*

– Никогда. Так и не узнали, где могила, в чем его вина. Вины не было, а те новые оккупанты, я свободно их могу так назвать,

даже не старались выдумать вину, не устраивали показательных процессов, но просто перебили людей и вели себя так, как будто этих людей не было на свете. Конечно, для нас, для тех семей, чьи отцы погибли, наступили тяжелые времена во всех отношениях. Я тогда был мальчиком-гимназистом четырнадцати лет, моя старшая сестра только окончила педагогическое училище и вышла замуж, я после окончания гимназии поступил на богословский факультет.

– *Как отнеслась к этому ваша мама?*

– Моя мама была не против, но боялась, что я пострадаю, как и отец, и просила меня в случае расспросов не говорить о его аресте коммунистами, просто сказать, что он умер. Боялась, что меня постигнет та же участь, что буду арестован из-за того, что поступил на богословский факультет и готовлюсь стать священником. И мама еще долго боялась за меня, пока не пришло время, слава Богу, когда коммунистический режим ослаб, хотя так или иначе давление на Церковь и на верующих продолжалось. За время режима Тито власти неровно себя вели, так скажем, и после страшных преступлений и убийств настало время относительно затишья, но давление было постоянным.

В тогдашней Югославии, особенно в Сербии, люди определенных профессий не могли допустить и мысли о посещении церкви. Преподаватели, учителя, военные, полицейские, судьи, люди, занимающие какие-то важные ответственные должности, не могли ходить в церковь, они моментально остались бы без работы, это было известно. Знаете, кто мог свободно ходить в церковь? Крестьяне. Они жили своим трудом, который не могли потерять, в городах – мелкие служащие и чиновники. И так продолжалось до нашего времени, когда мы можем сказать, что сейчас Церковь в Сербии не терпит открытого прямого давления, что в общественном мнении и среди молодежи заметно известное расположение к Православию, а наши верующие – преимущественно молодые люди. Преподавание Закона Божия введено в школе на факультативной основе, и, конечно, по сравнению с прошлыми временами, произошли значительные перемены. Слава Богу – к лучшему, особенно по отношению к Церкви.

– *Отец Деян, расскажите о ваших студенческих днях.*

– На богословском факультете, куда я поступил много лет назад, в 1950 году (прошло почти шестьдесят три года), училось очень мало студентов, что неудивительно, ибо мы знаем, какая обстановка была в то время. Считалось, что учеба на этом факультете представляет собой рискованный путь, неизвестность, и нас было совсем немного, а наши дорогие прекрасные

преподаватели, видимо, ценя это наше смелое решение, были к нам очень благосклонны, добры и любезны, относились по-родительски, и мы чувствовали их любовь.

– *Сколько было студентов?*

– Ну, в целом сорок-пятьдесят студентов, некоторые учились заочно, скажем, приходские священники, и на занятиях присутствовало двадцать-тридцать человек и, что интересно, было три-четыре девушки...

– *Что же они изучали?*

– Мы удивлялись, знаете, они были из верующих семей, и, вероятно, их родители считали, что время коммунизма пройдет и они будут преподавать Закон Божий. Конечно, прошли годы, но этого не произошло. Нас некоторые спрашивали язвительно:

– *Что изучаешь, парень?*

Мы отвечали:

– Теологию, – у нас говорят теология, а не как в России – Духовная академия.

Они нас переспрашивали:

– Технологию?

Мы поправляли:

– Не технологию, а теологию.

А наш злонамеренный собеседник говорил:

– Это там, где на попа учат?

– Да!

Тот не унимался:

– Вы ненормальные?!

Мы ему:

– Слава Богу, нормальные.

А если узнавали, что с нами учатся девушки, спрашивали:

– А... зачем они здесь?

А мы шутили:

– Они будут высококвалифицированными матушками, образованными.

И тогда знаете что случилось? В 1952 году, когда я еще учился, наш факультет исключили из состава университета и полностью перевели под юрисдикцию Церкви, нашей Сербской Православной Церкви, что привело к плохим последствиям и для профессуры, и для студентов. Преподаватели больше не получали государственного жалованья, их заработок стал намного меньше, платила Церковь, а нам, студентам, уже не полагалась отсрочка от армии, не было студенческих билетов на проезд, мы не могли ходить в студенческие столовые. Таким образом, считалось, что этого факультета просто не существует, это не образование, государством оно не признается. Так было, десятилетиями

факультет существовал как учреждение Сербской Православной Церкви, пока десяток лет назад его снова не вернули в состав университета, сейчас богословский факультет частично под юрисдикцией Государственного университета, а частично – Церкви.

– *А что было после окончания факультета?*

– После окончания учебы я был рукоположен в священники. Благодаря одному своему близкому другу, который уже тогда был священником в Славонии^[33], это часть Хорватии, где еще проживали сербы, меня рукоположил владыка Славонский Эмилиан, и восемь лет я служил приходским священником в одном славонском селе, это было очень трудное время для Церкви и для священства.

В каком смысле трудное? Власти постоянно, непрестанно запугивали людей, угрожали плохими последствиями тем, кто предан Церкви, кто ходит в церковь, что так и было. Люди не могли найти работу, получать стипендию, их агитировали уйти из Церкви, не разговаривать с попами, вступать в коммунистическую партию. Священников за малейшее нарушение, которое и не было нарушением, призывали к ответственности, и если власть могла что-то по закону запретить – запрещали.

– *Что, например?*

– Если нужно было отслужить молебен там, где когда-то стояла церковь, требовали получить разрешение. Огромное давление оказывалось на молодежь, на детей, преподавать Закон Божий стало невозможно. Тогда мы собирали детей хотя бы в день святого Саввы, чтобы чтением детских стихов, пением песен отпраздновать этот день. Однако учителя угрожали родителям, что если дети будут посещать занятия по Закону Божьему, то их исключат из школы, хотя по закону не имели права исключать. Мучительное тяжелое время, которое продолжалось десятилетиями.

Затем я перешел в Бая-Лукскую епархию, в Мркониц-Град, и там служил полных двадцать лет. Я оказался среди очень благочестивого и доброго народа, который проявил большое мужество в исповедании веры. Мне, представьте, в то время на протяжении нескольких лет даже удавалось преподавать Закон Божий, у меня было больше ста двадцати учеников. А как это случилось? Я обратился к родителям и сказал: «Приводите детей на занятия, неправду говорят отдельные учителя, будто детей исключат из школы. Не имеют права исключить по закону государства. Здесь обязательно восьмилетнее образование, и ученик не может быть исключен из-за посещения наших занятий».

Многие меня послушали. А в то время на богослужения приходило большое количество верующих, много молодежи и детей, и, что было особенно прекрасно, очень многие причащались, так что, скажем, в первую неделю поста мы причащали народ в течение трех часов, нас было два священника. И можете представить, сколько народа может пройти один за другим за три часа. Народ понимал, что Святое Причастие – великая святыня, что оно необходимо каждому верующему человеку. Такое следовало запомнить и рассказывать в других краях, епархиях нашей страны, насколько народ там почитал святыни. Люди с радостью помогали Церкви материально, и мы церковь, разрушенную во время войны устахами, не просто восстановили, но оборудовали всем лучшим, что тогда было возможно достать: колокола, часы, покрыли медью крыши храма и дома причта. Там я оставался до 1986 года, когда вернулся в Белград, откуда я когда-то и отправился, и вот с 1986 года – здесь.

– *А что вас привело в Белград?*

– Дети выросли, пора было поступать на факультет, моя покойная супруга, об этом должен сказать, умерла очень рано, ей было пятьдесят лет. Она родилась в Белграде, и мы, и при всех прекрасных событиях в Мркониц-Граде, все же скучали по Белграду и хотели вернуться туда, откуда начали. Ее отец умер, но мать еще была жива, и это тоже явилось одной из причин, по которой мы вернулись.

Вот что еще может быть интересно – мать моей супруги была русская, а отец серб, ее девичья фамилия была Чупич. Людмила Александровна Тюренкова, моя теща, мать моей жены, родилась в 1919 году в семье царского офицера. Ее привезли двухлетним ребенком после революции из России. Она родилась там, если не ошибаюсь, в Новосибирске. Она была настоящая русская и, конечно, прекрасно говорила на родном языке. Я запомнил и ее маму – ее называли бабуся Екатерина. Она была из Петербурга. Отца тещи не знал, он умер до Второй мировой войны, царский офицер. Вот видите, и я через мою супругу оказался в близком родстве с русской семьей.

Хочу особенно подчеркнуть, что еще ребенком начал ходить в русскую церковь^[34]. Да, первый раз я туда пришел в 1944 году, мне было тогда четырнадцать лет, и там я познакомился с Андрюшей – Андреем, сыном священника^[35], профессора филологического факультета. И вот почти семьдесят лет мы друг друга знаем, мне было четырнадцать, ему одиннадцать. И позже, особенно когда стал студентом богословского факультета, регулярно ходил в русскую церковь, прислуживал как пономарь,

или, как мы, сербы, говорим, чтец, и орарофорный чтец, орарофорный пономарь. Тогда настоятелем был Андриюшин отец, Виталий^[36], удивительная матушка у него была Людмила. Я часто проводил время в их семье, немного выучил русский, узнал самое прекрасное и драгоценное, что русский человек может дать нам, сербам...

– *А что это, что вы считаете самым драгоценным?*

– Знаете что? Это доброта, душевность, тепло, большое дружелюбие, гостеприимство. И когда меня спрашивают, почему я такой большой русофил, я рассказываю об этом и подтверждаю, всегда подтверждаю, даже во времена Советского Союза. Правда, тогда я добавлял: «Прошу вас, давайте объяснимся!» – так как были люди, которые любили Советский Союз, знаете, – коммунисты тоже называли себя русофилами. Поэтому я говорил: «Пожалуйста, давайте объяснимся, я люблю русских и все русское, исконное, православное, я люблю Святую Православную Русь, меня ужасает Советский Союз, потому что коммунисты – враги русского народа, я презираю Советы из любви к русским!» Была в свое время такая полемика. И так я остался доньше русофилом, как сказать, поклонником всего православного, русского, Святой Православной России. И в церкви, где я сейчас служу, где я настоятель, мы после каждой литургии служим молебен всем русским святым.

– *В вашем храме есть и частицы мощей русских святых, иконы...*

– Да, здесь у нас есть частицы мощей святого Иоанна (Максимовича) Шанхайского, святого Илариона (Троицкого), который был правой рукой святого Патриарха Тихона, также – пяти оптинских старцев, священномученика Сильвестра (Ольшевского), архиепископа Омского, распятого в 1920 году большевиками в тюрьме. Эти святые находятся в нашем храме, и, когда приходят русские братья и рассказывают о том, что они были в русской церкви на Ташмайдане, рядом с храмом Святого Марка, мы им говорим: «Хорошо, что вы там были, там подворье Русской Церкви, а здесь сербская и одновременно русская церковь, посмотрите на иконы».

– *А приходилось ли вам бывать в России?*

– Был однажды, очень давно, в 1972 году, еще в брежневские времена, тяжелые времена, но тогда нам удалось совершить паломничество в город Загорск (Сергиев Посад), провести несколько дней в Троице-Сергиевой Лавре – этой великой святыне Русской Церкви – и, конечно, осмотреть достопримечательности Москвы, все это осталось в нашей памяти, в прекрасных воспоминаниях. И еще был один интересный эпизод, как нам

удалось избежать похода в мавзолей Ленина, знаете, тогда подразумевалось, что все, кто приезжал из Югославии, наряду с другими достопримечательностями обязательно посещали мавзолей. И вот когда мы совершали автобусную экскурсию по Москве, а с нами был и владыка Баян-Лукский Андрей, экскурсовод, русская девушка, которая бегло говорила по-сербски, но с выраженным русским акцентом, говорит: «Дорогие гости, у нас осталось время для посещения мавзолея Ленина». А наш владыка сдержанно так отвечает: «Спасибо, у нас нет намерения посетить мавзолей». Она смотрит удивленно: «Как же это, вы приехали из Югославии, разве Югославия не социалистическая страна?! Не хотите в мавзолей?» – «Нет, спасибо большое, вы очень любезны, мы хотим видеть все, но не мавзолей». Избежали мавзолея, а редко кому это удавалось.

– Отец Деян, вы носите крест, подаренный Патриархом Алексием I, расскажите об этом.

– Ношу, но он не мне его подарил. Отец Виталий, настоятель русской церкви, отец покойного отца Василия и Андрея, моего старого друга, когда впервые приехал в Москву после войны, в 1956 году, получил в подарок крест от

Патриарха Алексия I. После упокоения отца Виталия его младшему сыну Андрею в наследство остались некоторые такие драгоценности, среди них и крест. И когда я был награжден Патриархом Павлом правом ношения наперсного креста (у сербов традиция отличается от русской, думаю, что русская традиция лучше, чем наша: русский священник на рукоположении сразу получает крест, а у нас, сербов, это знак отличия, который он получает от своего архиерея), тогда мой друг Андрей подарил мне этот крест, полученный его отцом от Патриарха Алексия. Да, я ношу этот крест. Когда Патриарх Алексий I в 1957 году приехал в Белград, это был первый визит русского Патриарха в Сербию, я недавно начал служить приходским священником в Славонии. Узнав о приезде Святейшего, я поспешил в Белград, в русскую церковь, чтобы увидеть его и получить благословение. Да, это было историческое событие, первый визит русского Патриарха в Белград и Сербию, а мы, кто долго живет, долго и помним.

– Отче, расскажите о ваших встречах с Патриархом Сербским Павлом.

– О Павле, знаете, я лишь могу повторить то, что наш сербский народ постоянно говорил: «Живой святитель!» Настоящий Божий добрый человек, полный любви и доброты, с одной стороны, а с другой – необычайно мудрый и образованный. Это со временем открылось, когда он начал говорить об отдельных проблемах Церкви или некоторых богословских

вопросах. Да, Патриарх Павел по своей скромности просто скрывал эти свои огромные знания, но о чем бы он ни говорил, всегда с большой ученостью и знанием. В его книгах, изданных под названием «Объяснения некоторых вопросов нашей веры», видны энциклопедические знания, а его наследник, нынешний патриарх, – мой школьный и студенческий друг.

– *Когда вы встретились?*

– Мы одногодки, в 1952 году он, тогда Мирослав Гаврилович, поступил на наш богословский факультет, окончив Призренскую семинарию. Симпатичный, обаятельный юноша, веселый, розовощекий, кто мог знать, что он будет Патриархом. Конечно, когда мы сейчас встречаемся, я веду себя с ним как подобает священнику, особенно в присутствии других людей, но мы друзья юности. И когда речь заходит о том, что кого ждет в будущем, иногда шучу: «Может быть, в наших семинариях сейчас сидит целый Архиерейский Собор во главе с Патриархом и, может быть, будущий Патриарх именно сегодня получил двойку по истории Церкви!» Шутка, но как знать, кто станет епископом, а кто и Патриархом. Если бы нам сказали тогда о студенте Мирославе: вот ваш Патриарх прибыл, мы бы просто посмеялись.

– *Отец Деян, с кем из великих духовников вам доводилось встречаться?*

– С владыкой Николаем не доводилось, но авву Иустина^[37] встречал не один раз, а моя первая встреча с ним произошла в 1954 году. Я шел с одним его знакомым по улице Князя Михаила, я тогда служил в армии и был в военной форме, в фуражке с титовой звездой, и вдруг мой спутник говорит: «Смотри, авва Иустин идет». Он был высокий, статный, приезжал обычно в Белград не в камилавке, а в той его черной шляпе с полями и мантии. Мы подошли к нему, мой товарищ меня представляет как студента богословия, а я смутился из-за формы, еще больше из-за звезды на фуражке, но взял у него благословение и говорю: «Отче, простите, я в форме». Он отвечает: «Ничего особенного, я тоже в форме», – имея в виду священническое одеяние, давая мне понять, что не нужно смущаться. И тогда мы немного поговорили. Я был счастлив, что вижу его, и смущен. Потом я еще несколько раз видел отца Иустина.

Но знаете, кого я еще встречал? Владыку Варнаву (Настича)^[38], чей праздник был вчера, он один из тех, кто сильно пострадал от коммунистов, много лет был в заключении. Сербская Церковь канонизировала его как священномученика и исповедника, и вчера вместе с кралем Милутином, преподобным Феокистом и их матерью Еленой, отмечался и день святого владыки Варнавы, которой упокоился в тот день. Он был избран

на кафедру в Сараево и уже на своей хиротонии в соборной церкви произнес проповедь, в которой открыто обличал безбожную коммунистическую власть. Конечно, он не выступал с какой-то политической позиции, но обвинял коммунистов за их преступления, давление на Церковь и народ. Недолго он служил в Сараево, его арестовали, отправили в заключение, в котором он провел долгие годы. Он родился в Америке, но еще ребенком вместе с отцом вернулся в Сербию, американская общественность, американские сербы пытались повлиять на здешние власти, требовали освобождения, и в конце концов его отпустили, но не дали вернуться на кафедру продолжать епископское служение и постоянно за ним следили. Он упокоился в 1964 году, ему было всего пятьдесят лет, и, по всей видимости, его отравили. Знаете, как он умер? Неожиданно. В тот день родственник отвез его к какому-то стоматологу, и, когда владыка вернулся в монастырь Беочин, где сейчас почивают его святые мощи, ему стало очень плохо и он умер. Поэтому существует оправданное предположение, что он был отравлен. Владыка Варнава – человек твердой веры, настоящего апостольского духа, мужества и бесстрашия, удивительно интеллигентный и образованный, я несколько раз присутствовал в обществе одновременно с ним, слушать, видеть его было истинной радостью. Он был небольшого роста, с живыми светлыми глазами, так я представлял себе апостола Павла. Владыка Варнава был выдающейся личностью нашего времени, настоящим апостолом. Отец Савва Йович написал книгу о нем.

Помню и Патриарха Гавриила, я присутствовал на его погребении, он вместе с владыкой Николаем был в изгнании и лагере смерти. Он умер в 1950 году, я хорошо помню его похороны.

Видите, какие это давние времена, для вас, молодых, это уже история, прошлое, да.

Знал я и отца Фаддея^[39], хотя мы не часто встречались, он жил в монастыре Витовница, многие ездили к нему, многие перерождались после разговора с ним. Я часто слышал, что после этих разговоров с отцом Фадеем становились другими людьми. Бывало и так, что он собирал народ, беседовал с людьми, давал наставления, и те, кто хотел спросить его о чем-то личном, получали ответ на свой вопрос в его наставлениях, это интересно.

– А кто был вашим духовником?

– Моим духовником был священник Душан Кордич, давно умер. Он преподавал в семинарии здесь, в Белграде, это один из немногих священников, их было всего три-четыре в нашей Церкви, так называемых целибатных, – он не имел семьи и не был

монахом. Отец Душан – очень интересная личность, до войны служил в городе Задар, в Далмации, в то время Задар принадлежал Италии, так что он находился, так сказать, за границей, но там было сербское население. Здесь, в Белграде, как и многие другие, он оказался как беженец. Отличался блестящим проповедническим даром. Преподавал в семинарии и служил в церкви Ружица^[40] на Калимегдане, там, как и сейчас, служили священники – преподаватели семинарии и факультета. Церковь Ружица не имеет прихода, в ней собираются люди со всей Сербии. Отец Душан, когда только начал там проповедовать, произнес одну прекрасную проповедь, которая окрылила белградский народ. Он проповедовал во многих белградских церквях. Рассказывал мне, что однажды его арестовали и держали несколько месяцев, не допрашивали, не обвиняли, просто держали в тюрьме, давая ему понять, что это наказание за его проповеди. Его проповеди были прекрасны, и, когда народ узнавал, что он будет говорить, все спешили, чтобы послушать его.

Одно время я исповедовался и у отца Сергия Марова из русской церкви, и уже незадолго до его смерти – у отца Виталия Тарасьева. Вот что интересно, у отца Виталия исповедовался авва Иустин. Он, когда приезжал в Белград, ходил в русскую церковь исповедаться у отца Виталия. И ученики аввы Иустина: епископ Афанасий (Евтич), митрополит Амфилохий (Радович), епископ Иринеи (Булович) – их так и называют: иустиновцы – рассказывали про авву Иустина, как спрашивали его: «Отче Иустин, простите, нас немного удивляет, что вы, архимандрит, монах, исповедуетесь у мирского священника, а не у какого-нибудь отшельника в монастыре». На что он ответил: «Эх, братия мои, ошибаетесь. Священник, который каждый день служит литургию, для меня лучший духовник, и я уверен, что он даст мне самый подходящий совет и поймет лучше других мою исповедь, хотя я монах и архимандрит». Таким был ответ аввы Иустина, да (отец Виталий в то время каждый день служил литургию в русской церкви, когда остался там один). Когда отец Виталий умер, это случилось в 1974 году, ему было не так много лет, всего семьдесят четыре года (говорю «всего», потому что мне сейчас намного больше), в его отпевании участвовал Патриарх Герман и несколько епископов, огромное количество священников, величественные были похороны. Я тоже принимал участие, приехал из своего прихода, но тогда мне пришлось испытать некоторую неловкость, волнение. Если хотите, расскажу вам почему.

– *Расскажите, пожалуйста.*

– Служит Патриарх, многочисленное священство, я в то время был молодым священником, мне следовало стоять и молиться, я не ждал даже, что мне достанется какой-то возглас, потому что впереди меня еще тридцать священников. Однако во время отпевания ко мне подходит отец Василий, сын отца Виталия, и говорит: «Знаешь, здесь будет говорить Патриарх, потом протоиереи такой-то и такой-то, и было бы хорошо, если ты сказал бы что-то от имени младшего духовенства и студентов, которые приходили в русскую церковь». Сообщил мне это и ушел. Отступать некуда. А я, должен признаться, очень волновался – Патриарх здесь, преподаватели-богословы. Знаете, я стал молиться Богу, чтобы Он открыл мне ум и дал разум. Если бы я знал хотя бы за день до этого, что буду говорить, я бы подумал. Отпевание заканчивается, что делать? Однако Бог мне помог, и, когда пришла моя очередь, я начал с того, что поделился своими воспоминаниями об отце Виталии, о русской церкви. Потом мне сказали, что получилось хорошо, хотя я так себя со стороны и не услышал. Андрей говорит, что где-то сохранилась запись всего отпевания, хотелось бы мне послушать, тогда я был много моложе, мне было сорок четыре года, а сейчас восемьдесят три. Когда это было... Вот такое воспоминание об отце Виталии, дивном русском батюшке, который был полон любви и доброты и умел привлечь нас, молодых людей. Доброта завоевывает, доброте никто не может противостоять.

– Да, отче, так же как и ваша доброта, и вы собрали вокруг себя много молодежи, в церкви много молодых людей. Многие исповедуются у вас, вы умеете сразу ободрить, поддержать человека.

– Знаете, когда человек начинает рассказывать о своих человеческих слабостях, он часто склонен думать, что это непоправимо, гибель, конец. Я говорю: не надо, брат мой, так. Все, что можно исправить, не страшно, а исправить можно почти все! Люди боятся из лучших намерений, конечно, – боятся часто причащаться: «Мы грешные, недостойные!» Мы всегда недостойны, и если так рассуждать, то лучше всего не причащаться никогда, не дай Боже. Но вопреки этому надо приносить свою молитву Богу, приносить плоды покаяния, и Господь умудрит нас, ободрит. Господь пришел ради грешных, а не ради праведных, грешных больше, мы большинство Божие. У нас, священников, есть такая поговорка: «Сто раз пал? В сто первый встань! Сто один больше, чем сто, и, наверное, у Бога милосердного перевесит».

А по стечению обстоятельств сюда приходит много молодежи, когда я начал здесь служить, тут никого не было.

– *Вы восстанавливали эту церковь?*

– Наша церковь посвящена святому мученику Трифону, который пострадал в 250 году во времена гонения на христиан. В его житии упоминается, что он родился в Византии, в области Пригия, в селе Кампсада. Наши прихожане запомнили это название и, поскольку мы тут собираемся, стали называть нашу общину Кампсада, это стало нашим тайным адресом: Кампсада, а мы кампсadge. Церковь стоит здесь уже сто десять лет, это задушбина^[41] Николы Спасича, известного сербского благотворителя, богатого купца, здесь захоронены и его останки. Но раньше на нее смотрели больше как на церковь для отпеваний и панихид, поскольку она расположена на кладбище. И вот молодежь стала приходить, вы видели сейчас тут много молодежи, ожива эта церковь, слава Богу, вот сейчас строим и церковный дом.

– *Как случилось, что люди стали собираться на кладбище?*

– Знаете, я раньше был приходским священником в храме Святой Троицы на улице Господара Вучича. Однако священник, который был здесь до меня, однажды сказал мне: «Если хочешь, приходи, служи в этой церкви, увидишь, церковь красивая, много зелени, тебе скоро на пенсию, найдешь здесь покой». И я решил прийти сюда и могу сказать – Богу слава, что пришел, ни разу не пожалел об этом. Что было в начале моего служения? Редко кто приходил в церковь на литургию, считалось, что в кладбищенскую церковь не ходят на богослужение. Можно сказать, что так было от основания церкви в 1903 году. И сам Никола Спасич построил ее, чтобы тут совершались отпевания и панихиды. Так и было. Я регулярно служил литургию, всегда кто-то пел на клиросе, но народ не оставался: зайдут, постоят и уходят. Однажды на литургии я заметил молодую женщину в благословенном положении, которая отстояла всю литургию. Я немного удивился, потом подошел к ней и сказал: «Госпожа, добро пожаловать, но откуда, почему вы пришли к нам на литургию?» Она ответила, что они с мужем венчались в день святого мученика Трифона и, узнав о нашей церкви, она захотела прийти именно сюда. Эта молодая женщина – теперь матушка, супруга отца Василия, который служит со мной в этой церкви, и в их благословенном и счастливом браке родилось десять детей. Отец Василий по образованию юрист и богослов, секретарь богословского факультета. Наш дьякон доктор Петр Дабич – кардиолог, он тоже по воскресеньям и праздникам приходит и служит с нами.

– *И другой дьякон?*

– Это Андрей Тарасев. Да, мой старший кум, друг, русский

человек, рожденный в Белграде. Его прадед, дед, отец и брат – священники. Он регулярно с нами в церкви, он профессор филологического факультета на пенсии и, как это у русских обычно бывает, прекрасный знаток церковной музыки и пения, он учит нашу молодежь.

Каждый день я здесь, в церкви, приезжаю в полвосьмого утра и остаюсь по необходимости. Церковь не приходская, поэтому у меня нет обязанностей приходского священника, у меня остается достаточно времени, чтобы уделить внимание людям, исповеди. Дня не проходит, чтобы люди не приезжали на исповедь. Вот и сегодня было с десятков исповедников.

– *Ваши духовные чада?*

– Приходят люди, которые часто бывают здесь на богослужении, приходят по рекомендации от кого-то из них – или вместе с друзьями, родственниками. Много времени провожу здесь.

– *Отче, расскажите о ваших детях.*

– У меня два сына и пятеро внуков, у нас с супругой была и дочка, но она, к несчастью, погибла в годовалом возрасте, и потом родились сыновья Павел и Душан. Как я уже говорил, моя супруга Доротея давно умерла, двадцать лет назад, ей было всего пятьдесят лет.

– *Отец Деян, как бы вы охарактеризовали качества сербского народа, чем он отличается от других православных народов?*

– Знаете, каждый народ имеет свою историю, через которую он прошел, события и испытания которой, без сомнения, оставили свои следы. Наш православный сербский народ во всех исторических испытаниях оставался верен своей Церкви, своей вере, за веру и пострадал. Но с другой стороны, в силу этих разных неблагоприятных исторических обстоятельств, ему в его большинстве не удалось духовно сформироваться, глубоко узнать свою веру, и таким образом, большая часть народа задержалась в традиционной религиозности: празднуются Славы, праздники, соблюдаются обычаи, и только. Но, слава Богу, положение начинает меняться к лучшему. Сейчас наша Церковь преимущественно состоит из молодежи. Когда говорю «молодежь», подразумеваю людей в среднем возрасте, до сорока лет, многие из них крестились уже будучи взрослыми, нередко происходят из атеистических семей и сознательно приняли решение о крещении. Они сейчас представляют новую волну в Церкви, стараются стать настоящими верующими, знающими свою веру, которую приняли серьезно и ответственно, стремятся регулярно участвовать в богослужениях, исповедоваться, причащаться, или, как мы говорим, хотят стать литургическими

верующими. Это та новая волна последних тридцати лет, которая, слава Богу, ширится, распространяется и становится новой характеристикой, так можно сказать, сербского Православия. А та часть, о которой я ранее говорил, традиционных верующих, они, хотя и не знают так хорошо догматику, но, поверьте, очень хорошо знают ее этику. Этот народ, может быть, не мог бы вести дискуссии о богословских вопросах, в которых он часто неграмотен, но понимает суть евангельской христианской нравственности, знает, как уберечься от зла и греха, знает, что богоугодно и правильно. И это все тоже важно. И благой Господь не оставит, но, конечно, очень важно и необходимо знать свою веру. Вот что я могу сказать о характерных особенностях сербского Православия.

– *Мне кажется, сербскому Православию еще свойственны теплые, близкие отношения священства с народом, которые во многом могут служить примером...*

– Да, можно так сказать. Мы, священники, привыкли к этому, и нас это радует, в отношении каждый вносит свой вклад – и священство, и народ. Когда кто-нибудь обижается на священника, я часто говорю: «Ну, будет! Он такой же, как ты, он твой, родной, что поделаешь». Думаю, что у русских так же.

– *Не всегда, мы довольно дистанцированы друг от друга, а здесь видишь, как и Патриарх идет по улице и люди могут к нему подойти так же, как к архиереям, священникам.*

– Да, но русский народ сам по себе сердечный, теплый, а мы, мы обычный малый народ, и сейчас, как видите, очень бедный. У нас много экономических проблем и многих других. Знаете, когда недавно бомбардировали Сербию, мне пришла мысль: «Слава Богу, что с русскими такого не случится!» Правда же? В этом преимущество большого народа. Если бы, не дай Боже, американцы бросили на Москву бомбу, такая же упала бы и на Нью-Йорк, и они это знают. А на Белград могут, потому что мы не можем ответить той же мерой. И не дай Бог, чтобы подобное повторилось в будущем. Видите, что мы в своем роде специфический народ. В Европе мир, а на нас падают бомбы, и мы привыкли к этому, знаете, воеет сирена, а мы едем в трамвае, ходим на рынок, в магазин, как будто все нормально, но совсем ненормально, куда там...

Так было, и так будет. Мы понимали, что Россия из-за нас не могла пойти на военное противостояние с Америкой, это нам было ясно. Но нас очень тронуло, что по всей России проходили протесты против действий НАТО. Эти преступления не остались незамеченными, русский народ, обычные люди поддерживали нас. А теперешний президент Путин завоевал наши большие

симпатии, это человек, который вышел из коммунистической среды, но, дал Бог, он оказался хорошим и верующим по-настоящему человеком, а не просто для порядка. Слава Богу! Знаете, мы, старики, думали, что умрем и не увидим, как рухнет коммунизм, но вот дождались.

– Отец Деян, вы известны и миссионерской деятельностью, на ваши «Духовные трибуны» (лектории) собирается множество людей...

– Да, трибуны – это хорошее дело, мы проводим их в здании общины Вождовац. Уже двести восемьдесят их было на разные темы – духовнонравственные, исторические, в них принимали участие многие священники, монахи, епископы, известные духовники, врачи, профессора. Слава Богу, вот уже больше десяти лет мы собираемся. Людям интересно, и вообще это благодарный способ миссионерской деятельности.

– Только что была трибуна, в которой принимал участие епископ Липлянский и патриарший викарий Йован (Чулибрк), речь шла о новомучениках ясеновацких...

– Да, он занимается этой проблематикой, особенно историей Второй мировой войны. Многие факты, знаете, можно проверить, доказать, никто не говорит, что и сербы не совершали преступлений, но в сравнении с тем, что хорваты делали с сербами, они несопоставимы, это страшно. Сам государственный принцип НГХ провозглашал террор и истребление сербов, государственная политика открыто прокламировала треть уничтожить, треть выгнать и треть перевести в католическую веру, и Католическая Церковь в Хорватии это явно поддерживала. Вы, вероятно, хорошо знаете «случай Степинаца»? Видите, Степинац, с одной стороны, смелый человек, ибо противостоял коммунистам, это хорошо, но почему не пытался остановить усталые преступления?^[42]

Я рад, что благодаря вашей работе, вашему интересу к нам русский читатель узнает, как выглядит современный серб, священник, епископ и просто верующий. Думаю, что любовь сербов к России взаимна, не помню, кто из русских людей сказал, что русским из всех народов ближе сербы, что нам было очень приятно, радостно, раньше было опасение, что русские больше симпатизируют болгарам.

– Это было заметно в советские времена.

– Может быть, из каких-то политических соображений... Видите, сербы и болгары, хотя и православные, не очень мирно жили. Знаете, во время Первой мировой войны они были оккупантами, русские нас освобождают, а они оккупируют, разве не так? Вот трагическая история, дай Боже, чтобы не повторилась.

Интересные они, болгары, всегда рядом с тем, у кого сила, а мы всегда против сильного. Конечно, везде есть и добрые и злые, но в разных народах те или другие преобладают. Может быть, где-то кто-то и встретился с бездушным русским, есть такие, наверное, но большинство – душевные, сострадательные, непосредственные, это их характеристика. Да, существуют клише о народах, но есть в них и правда, например, англичане – ненадежные союзники, это сербы на себе испытали.

– *Много горя видел сербский народ, даже от ближайших соседей.*

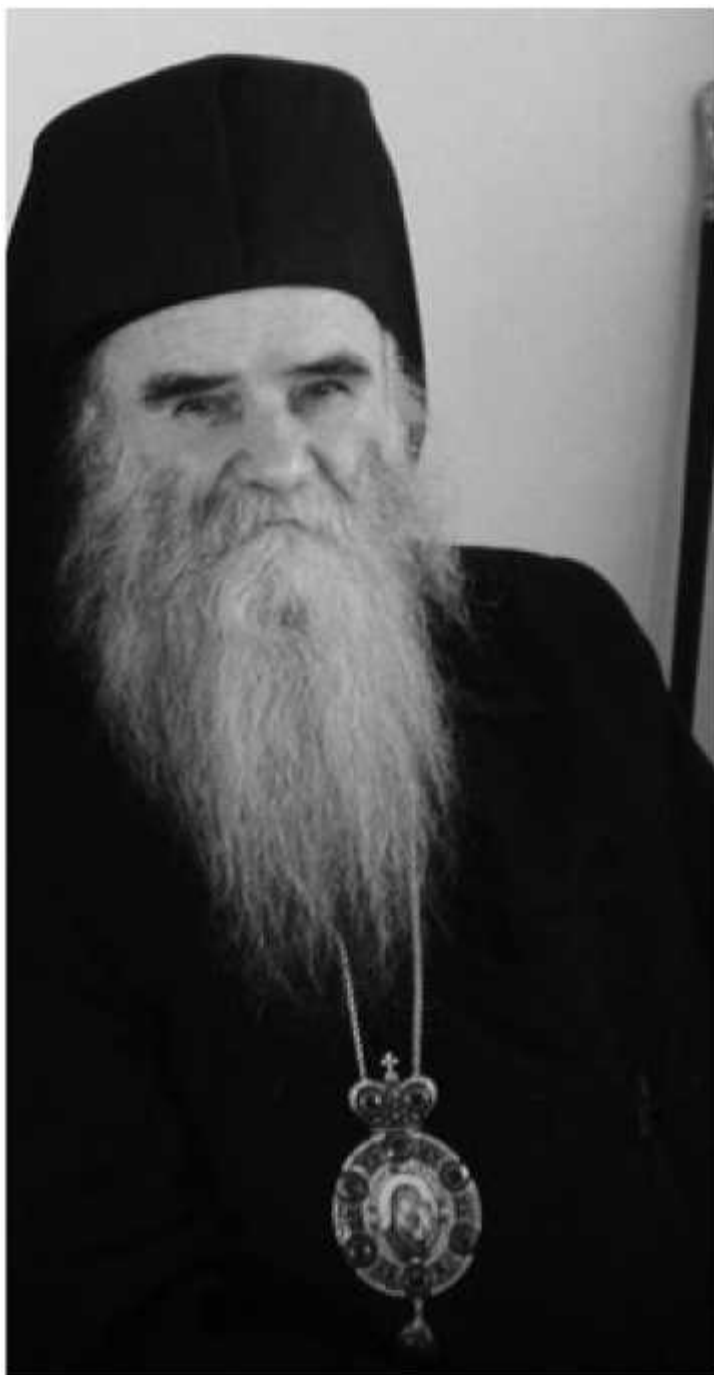
– Да, конечно, каждый народ по-своему пристрастен, но все-таки есть исторические факты, которые нетрудно доказать, и, когда кто-то утверждает очевидную ложь, это тяжело.

– *Отец Деян, в чем главные проблемы современного человека и что вы советуете людям, как помочь?*

– Перед молодыми людьми, которые еще не создали семью, стоит много проблем: образования, работы, безденежья, потом приходят сомнения, с кем создать семью, будет ли будущий супруг или супруга верующим. К сожалению, и в семьях христиан нередко возникают конфликты, непонимание, ссоры супругов, детей и родителей, люди страдают. Свой след на личной и семейной жизни оставило и то, что пережил наш народ уже в современной истории, за последние годы. Случается, что возникают и разные психические болезни, пусть и в легкой форме, – страхи, неврозы, человеческие слабости. Иногда обращаются за советом к психологам, психиатрам, конечно, и это бывает нужно, мы ничего не имеем против, но мой совет как священника всегда один: обратиться к Богу с искренней молитвой, истинным покаянием, чаще исповедоваться и прищаться, как Господь сказал: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную...»

Ведь почему люди приходят на исповедь, просят совета у священника? Потому что убеждаются: Православие не доктрина, не теория, вера православная – это жизнь и опыт. И если бы такого опыта не было, то немногие бы верили, но Бог действует через Свои животворящие Таинства, действует на человеческую душу, дает мир, покой, утешение и силу, а люди, ощутившие эту силу, которую посылает Бог, следуют дорогой веры, хотя мы люди грешные, это известно. Знаете, в Священном Писании Господь назван Эммануилом, а это значит: «С нами Бог!»

Наследник святителя

Митрополит Черногорский и Приморский Амфилохий

«Человек-церковь», «небесный человек», «наш апостол» – такие слова часто можно услышать о митрополите Амфилохии от самых разных людей, и в этом нет преувеличения. Владыка – выдающийся иерарх, богослов, духовник, любящий и сострадательный отец для каждого, кто приходит к нему за поддержкой, помощью, с вопросом.

Митрополит Черногорский и Приморский Амфилохий родился в день Рождества Христова, 7 января 1938 года. Он является потомком воеводы Мины Радовича, одного из черногорских князей, был крещен с именем Ристо (Христос). Начальную школу окончил на родине, в небольшом селе Баре Радовича. Затем учился в Белградской духовной семинарии имени святого Саввы Сербского, поступил на богословский факультет, диплом об окончании которого получил в 1962 году, параллельно учился на философском факультете Белградского университета, изучал классическую филологию. Последипломное обучение проходил в Берне и Риме, затем в течение семи лет в Греции, где принял монашеский постриг с именем Амфилохий и был рукоположен в священнический сан. Во время учебы в Греции на богословском факультете Афинского университета защитил докторскую диссертацию на тему «Тайна Святой Троицы по учению святителя Григория Паламы». После года, проведенного на Святой Горе Афон, отец Амфилохий уезжает в Париж и становится профессором Свято-Сергиевского богословского института. Вернувшись в Югославию, в 1976 году становится доцентом, а затем профессором на кафедре православной педагогики и методики преподавания богословского факультета СПЦ в Белграде. В мае 1985 года Амфилохий (Радович) назначен епископом Банатским. 30 декабря 1991 года происходит наставление владыки Амфилохия на кафедру Черногорско-Приморской митрополии. Полный титул – архиепископ Цетинский, митрополит Черногорско-Приморский, Зетско-Брдский и Скендерийский и экзарх Святого трона Печского. Митрополит Амфилохий владеет греческим, русским, итальянским, немецким и французским языками, является автором целого ряда богословских работ, занимается переводческой деятельностью. Его труды изданы на сербском, греческом, русском и других языках. Владыка – член Союза писателей Сербии и Черногории, известен как активный общественный деятель. Амфилохий (Радович) взшел на престол митрополита в очень тяжелое для Православия в Черногории время. Пятьдесят лет коммунизма оставили свой след, превратив

исторически православную страну в духовную пустыню. Церкви и монастыри в запустении, священства практически нет, целые поколения, отравленные коммунистической пропагандой, утратили религиозное и национальное самосознание. После принятия кафедры от своего предшественника, митрополита Даниила (Дайковича), который хранил по возможности Православие в самые тяжкие времена, нужно было начинать все заново – возрождать церкви и монастыри, обучать священство, возвращать народ к истинным ценностям, к сербской святосавской Церкви, ибо пять десятков лет анти-сербской и антиправославной политики в Черногории принесли горькие плоды, одним из них стала так называемая «Черногорская Церковь». Владыке Амфилохию за двадцать с лишним лет служения в Черногории с помощью духовенства и народа удалось восстановить более шестисот церквей и монастырей, построить новые. С 1992 года издается журнал Черногорско-Приморской митрополии «Светигора». Также с 1992 года в Цетине возобновила свое существование Духовная семинария имени святого Петра Цетинского, закрытая коммунистами в 1945 году. В 1988 году началось круглосуточное вещание радио «Светигора». В 1993 году впервые в истории в митрополии состоялся внеочередной Архиерейский Собор СПЦ. В 1993 году Черногорию посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, вместе с Патриархом Сербским Павлом они освятили фундамент собора Воскресения Христова в столице Черногории Подгорице; торжественное освящение самого храма состоялось 7 октября 2013 года. В освящении собора и Божественной литургии приняли участие главы и представители Поместных Православных Церквей.

– Дорогой владыка, вы известны как видный богослов, выдающийся иерарх, проповедник, писатель, поэт. Предполагал ли юный Ристо Радович, родившийся в день Рождества Христова 7 января, что именно таким будет его жизненный путь?

– Правду сказать, не предполагал, даже в голову не могло прийти. Но вот, человек предполагает, а Бог располагает. Так проходит человеческая жизнь, и, когда мы оглядываемся назад, видим, как будто кубики ложатся в мозаику, и пока их складываешь, то не всегда достаточно хорошо понимаешь, что из всего этого получится, какой лик здесь откроется. Только в конце появляются формы и картины, и ты понимаешь, что все шло и идет по определенному порядку – вообще человеческая жизнь и жизнь каждого из нас. Видишь, что за всем этим стоит какая-то великая тайна. Но от нас зависит, как мы употребим данный Богом талант, закопаем ли его или умножим, какой плод

принесет наша жизнь.

– Вы могли бы рассказать о своем детстве, родителях, родственниках? С точки зрения сегодняшнего человека жизнь вашей семьи, подвиг вашей мамы Милевы могут показаться невероятными. Какова была эта жизнь?

– Мой отец Чиро рассказывал о своем отце, моем деду, о том, как мама Милева пришла в дом Радовичей. Мой дед Радисав рано овдовел, первому ребенку, моему отцу, едва исполнился год. Отец хорошо учился, и дед сказал ему: «Сынок, вот окончишь гимназию, уедешь в далекие края, а кому меня оставишь? Не надо уезжать». После войны отец был самым образованным человеком в наших краях, ему предлагали стать школьным учителем, но он отказался: «Не могу воспитывать детей в безбожии». Предлагали работать в местном управлении (общине), но и от этого отказался. Он сохранил свой исконный крестьянский статус, в том числе и благодаря народной песне, Негошу^[43] и Достоевскому – это были его любимые писатели. Помню, как, закончив все хозяйственные дела и отложив заботы, он аккуратно брился, закручивал усы и пел под гусли народные песни (отец был хорошим гуслиаром) или читал Достоевского. Потом я, когда уже учился в школе, достал то чудесное довоенное издание. Рядом с отцом мне удалось многому научиться. Однажды, классе в восьмом, я писал в школе сочинение о Негоше, он посмотрел и говорит: «Сынок, давай я тебе это поправлю». Он много читал и много знал.

Дед Радисав и мой отец жили в селе одни, как два отшельника-пустынника, без хозяйки в доме ни много ни мало 25 лет, пока мой отец не женился. А как женился? Говорит, приснился деду Радисаву сон. Летящая с востока голубка, а за ней стая голубей, и решил дед пойти на восток искать невесту сыну. Пришел в село Равне в дом к Луке Бакичу – примерному хозяину. Лука радушно его принял, оказал ему гостеприимство, дед оставался у него три дня и не говорил, для чего пришел: смотрел, наблюдал за жизнью в доме, а больше всего за дочерью Милевой, как себя ведет. И наконец говорит: «Лука, я у тебя третий день, а ты не спрашиваешь меня, зачем я пришел». Лука отвечает: «Радисав, ты сам скажешь, когда время придет, ты всегда дорогой гость». «Лука, понимаешь, у меня в доме сын, пора ему жениться, и у тебя, вижу, невеста в доме, я бы хотел с тобой породниться». А Лука ему: «Хорошо, мне честь и радость отдать дочь в дом

Радовичей». Род Радовичей был княжеским, воеводским, известным в Мораче^[44]. «Но не можем мы с тобой сами решать, надо спросить Милеву». Лука позвал дочь и спрашивает: «Вот

пришел Радисав, хочет, чтобы ты стала ему снохой». Виделись ли Чиро и Милева в Успенском соборе в Мораче – она ходила в монастырь причащаться, – но ответила стыдливо и скромно: «Лушо (так все звали ее отца), как ты скажешь. Если ты скажешь, что так будет, я согласна».

Так пришла Милева в дом Радисава Павичева. И оставила за собой широкий след. Она была супругой своему мужу, матерью своих детей, снохой свекру, которого любила как родного. Дети рождались один за другим, а тогда в той местности не было ни докторов, ни акушеров, она сама все делала стыдливо, где-нибудь под яблоней. Однажды, когда я уже был выбран в епископы и начал по-владычески что-то указывать, она мне говорит: «Слушай, что ты тут важничаешь? Знаешь, где я тебя выгрузила?» Спрашиваю: «Где ты меня выгрузила?» – «Вот там, над обрывом». А под нашим домом, за садом, напротив ручья, росла смоковница, и когда начались схватки, она, взяв с собой флягу ракии и пеленку, пошла туда, там родила, омыла меня, завернула, вернулась с ребенком домой, покормила и продолжила домашние дела.

И когда я смотрю на ее жизнь, а она прожила семьдесят и семь лет, вижу, что была она одной из тех матерей, которых, без сомнения, в нашем народе, особенно в Черногории, немало. И все-таки моя мама Милева – особенная мать. Она всегда была в работе, без ропота, без жалоб, что ей трудно или что она не может. Особенно тяжелой стала ее жизнь в годы Второй мировой войны. Отец скрывался в лесах, и ей приходилось все делать самой: и пахать, и копать, а еще и детей рожать продолжала. Запрягала коня, грузила на него небольшой урожай фруктов, везла из Морачи в Колашин, чтобы продать и купить килограмм соли, немного муки, литр газа, потому что тогда не было электричества, возвращалась обратно. Потом, после войны, когда мы пошли в школу, она стирала по ночам рубашки, чтобы утром мы надевали чистое. Никогда не слышал от нее, чтобы кого-то осудила, и если слышала, что кто-то о ком-то скажет дурное, говорила: «Молчи, дитя, не разглашай его грех!» И вообще, то, что происходило в доме, за порог не выносилось.

Нелегко ей было, вообще нелегко с черногорскими мужьями, было ей трудно, и не раз. Бывало и такое, что иногда уходила из дома. А мы перепуганные сидим: нет мамы! А она, бедная, где-то в горах молится Богу, дождется зари и утром, когда мы просыпались, снова здесь с нами. И никогда дурного слова о своем муже не скажет. Мой отец, конечно, очень любил мою маму, в этом нет сомнений, но, может быть, потому что сам рос без матери, иногда в нем прорывалась какая-то агрессия,

нервозность. Это бремя она несла, терпела до конца своей жизни. Смогла все покрыть любовью, жертвой и благодаря этому сохранить семью изнутри. Не случайно женщина называется у нас основой дома. Именно такой она была, боролась, как львица, сохранила многочисленную семью, ее единство, взаимность любви в детях, которая существует до сегодняшнего дня. И отец, конечно, не жалел себя, отдавал себя семье, особенно что касается веры. Но мать таким молчаливым, ненавязчивым, жертвенным образом посвятила себя своему потомству, всегда предоставляя первенство отцу. Она была тут, но как будто ее не было.

Только после смерти отца, я думаю, по Промыслу Божию, она вдруг проявилась во всей полноте материнства, и не только материнства, но и взяла на себя роль отца. И это было так естественно, как будто почувствовала: «Я теперь еще и он, я должна заботиться о детях так, как он». И потом она каждый год, хотя болели суставы, носила подарки, вязанные носки, сушеные сливы и все, что у нее было, от дочери к дочери, от сына к сыну. От Подгорицы до Никшича, через Сараево и Белград, чтобы всех нас повидать и вернуться домой, продолжить служение, не думая о себе. Она была тут, чтобы служить, а не чтобы ей служили. И вот сейчас не только нас девять, но и внуки, правнуки, зятья, снохи, когда все собираемся, то больше ста человек получается, широкий след за ней остался.

– В годы войны вы с мамой бежали от бомб, она вас кормила, оберегала, как это ей удавалось в те тяжкие времена? Вы вспоминаете о тех событиях?

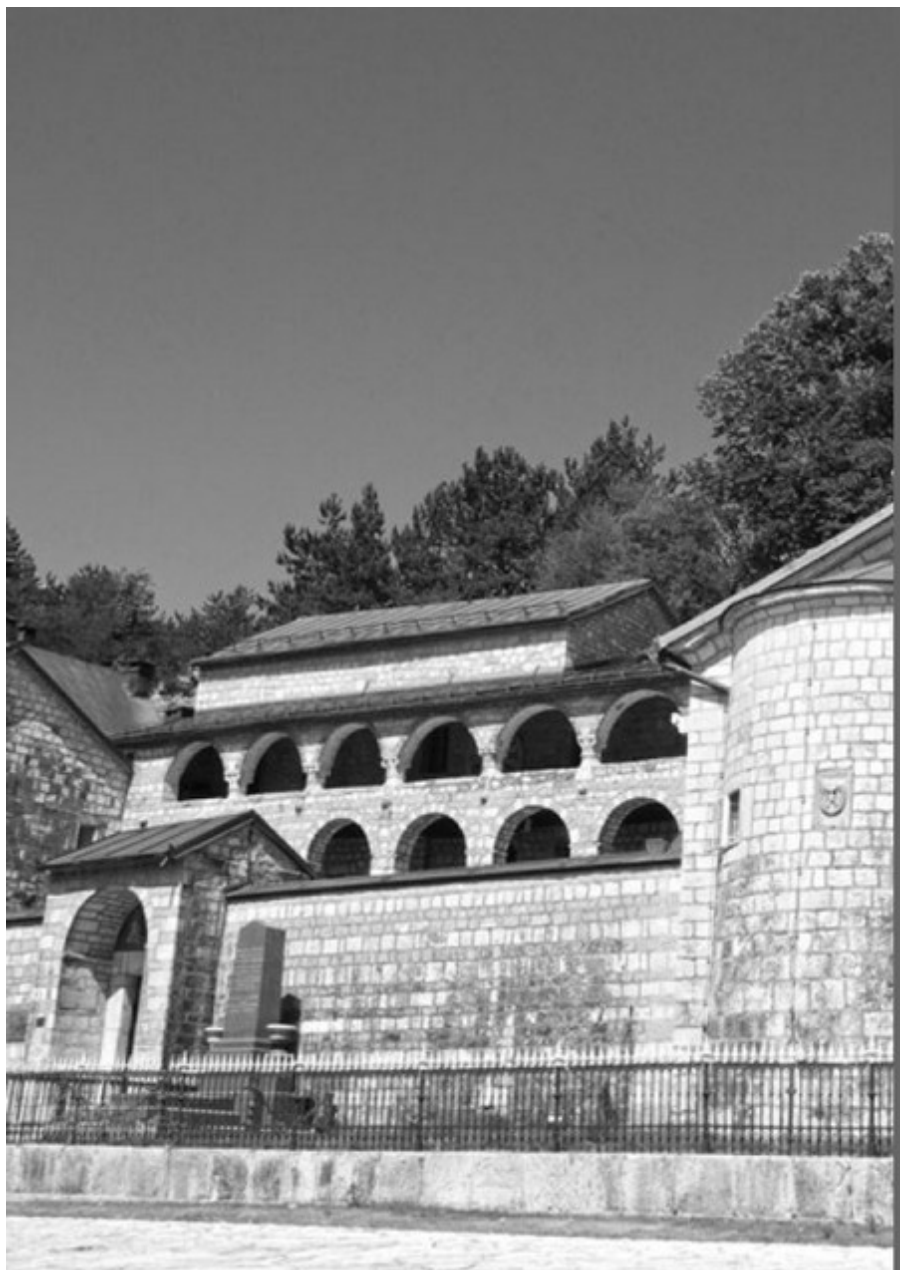
– Как – это только Бог и она знают. Помню, она возьмет плуг и коня и пашет или косит, а сама беременна. Правда, когда дети подрастали, начинали включаться в работу, помогать, особенно старший брат был очень трудолюбивый и ревностный. А еще помню, что в 1942 году было страшное столкновение четников и партизан (параллельно с немецкой оккупацией у нас шла гражданская война), там, в сторону Колашина, где города Црквине и Быстрица, гора Вучье. Братья перебили друг друга! А мы, то есть мама с нами, поднялись в Быстрицу, кончилось сено. И только мы поднялись, вдруг начался этот кошмар, ужас, ад, пулеметы, бомбы... И сегодня, когда вспоминаю, ужасаюсь, ношу это где-то в себе как самый страшный момент моей жизни. И куда ей, бедной, деться? Только назад! Снова грузит на коня вещи, овец и коров вперед, а за ней: Велько, Вучица, Миляна, я (родился в 1938), брат Павич и Добрия под сердцем. Бежим в Морачу, а за нами ад! Как она это выдержала, как она это вынесла, не могу представить!

– В семье было девять детей, какие отношения были между собой, с родителями, были ли у родителей любимцы?

– Нет, тут было беспрекословное равенство. Когда кто-то получал привилегию? Если кто-то из детей был слабым или болезненный, тогда мама говорила: «Это оставьте ему!» А мы все, особенно в то военное время, ели из одного котла, и если кому-то из нас, более застенчивому и слабому, не доставалось, она замечала, подталкивала его ближе, а остальным говорила: «Подождите, это для него, это его!» Без всякой школы ей было свойственно педагогическое чутье, она умела, с одной стороны, держать детей в равенстве, а с другой – уметь мягко и ненавязчиво позаботиться о том, кому была нужна поддержка, помощь. И не только это, она никогда не защищала провинившегося ребенка только потому что это ее ребенок. Помню, например, один случай, который должен рассказать. Как-то мы, дети, были на горе Вучье, и девочки с нами, одна из них – дочка какого-то Даниловича. И что-то мы повздорили, я взял камешек, да что там камешек – камень, и бросил в нее так, что брызнула кровь. Ведая, что меня ждет, спрятался в доме под кроватью. Когда мама узнала об этом, схватила прут, вытащила меня из-под кровати и так отхлестала, что не забуду, пока жив. Это было очень справедливо с ее стороны – забота о другом ребенке, другой матери, едва ли не большая, чем о своем, без всякого материнского эгоизма, который, к сожалению, сейчас преобладает, особенно в семьях, где один или двое детей. В нашей семье тогда этого не было, каждый получал по заслугам!

– Вы в пятнадцать лет покинули родительский дом, поступили в семинарию в Белграде в те времена, когда учиться в духовной школе было непопулярно. Как вы и ваши родители переживали разлуку?

– Должен признаться, что в отношении родителей мне не было трудно, но возникали другие сложности, связанные с давлением, которое оказывалось на тех, кто решался поступать в семинарию. Это ведь событие – сын Чиро Радовича пошел в семинарию. Едва ли не вся Черногория, не только Морача, знала об этом. Я пришел в первый класс с двух-, трехмесячным опозданием, потому что мне не разрешали поступать учиться. Я собирался ехать в Призрен, там военная зона, а военкомат в Колашине не давал разрешения. Целью было не допустить, чтобы я поехал учиться. И тогда мой отец, горемыка, осенью 1953 года прошел пешком от Морачи до Цетине^[45], чтобы попасть к тогдашнему митрополиту Арсению (Брадваревичу)^[46] и просить его перенаправить меня из Призрена в Белградскую семинарию, где не было нужно разрешение военкомата. Так и получилось.

Знаете, у тех, кто вырос в селе, особенно в такой здоровой духовно семье, не существовало чрезмерной эмоциональной привязанности. Это было естественно – уехать и вернуться, и тебя встречали с любовью, как будто ты был где-то здесь, за ближним ручьем. Но проблема притеснений и издевок, которые практиковались в то время, отягощали мою жизнь, подростку это

нелегко вынести, но, как я понял потом, они стали хорошей проверкой для меня, для моей веры.

– Вы окончили аспирантуру в Риме и в Берне, защитили докторскую диссертацию в Афинах, преподавали в Богословском институте в Париже. Практически одиннадцать лет вы не были на родине – и по делам учебы, и в силу тогдашнего режима. Как вы переживали это?

Монастырь Рождества Богородицы, Цетине, Черногория

– Опять же это ощущалось как-то естественно, потому что я полностью погрузился в учебу, занимался решением вопроса своего жизненного пути и должен был быть один на один с собой. Признаюсь, тут я согрешил перед отцом, который ждал меня, как озябший ждет солнца, хотя бы писем от меня, но я редко писал, особенно когда уехал в Грецию и принял монашество. Тогда мне казалось: зачем мне им писать, я монах, а монахи отказываются и от отца, и от матери, и от всякой связи с миром. Позже я понял, что нужно было писать, потом я исправил эту ошибку, когда вернулся на родину.

– *А как родители, как мама встретила ваше решение принять монашество?*

– Ну, как мама? Знаю только одну, может быть, двух матерей, обе гречанки, которые с радостью благословили своих сыновей уйти на Святую Гору. У нас не знаю ни одной, и моя мать не исключение. Однажды, когда я уже окончил семинарию и поступил в университет, мы сидели с ней где-то на Мораче и она меня спросила: «Детка, что думаешь делать, когда окончишь учебу?» «Ну, – говорю (я тогда еще только размышлял, еще не принял решение о монашестве, но сказал так, как бы в шутку), – пойду в монахи». – «Не пойдешь, не дай Бог в монахи!» А я ответил: «Вот у тебя еще две дочери, шестеро сыновей, все они тебе народят внуков и правнуков, а этого отпусти идти своей дорогой». – «Ох, Господи, матери радость от каждого и утешение». А потом говорит, первый раз мне тогда это сказала: «Впрочем, и твой покойный дед говорил, что ты станешь попом». – «Как он это сказал?» Рассказала: «Я была еще беременна тобой и пошла поклониться святому Василию Острожскому. Слава ему и милость! Перешла через Морачу, пешком же ходили, через горы, через Талу, чтобы добраться до Острога. Там переночевала, причастилась, и когда вернулась домой, то дед сказал: «Эх, невеста (так он называл), то, что под сердцем носишь, если будет мальчик, будет мой поп!» Я говорю маме: «Хорошо, но есть попы, которые женятся», – а она мне: «Да, и он думал о тех, которые женятся». И все-таки она приняла мое решение, не переубеждала, просто дала понять, что хотела бы иметь потомство от всех своих детей.

Интересно, что она редко ходила в церковь, домашние обязанности не давали ей. Она соблюдала пост, особенно строго постилась в первую и последнюю неделю Великого поста, и нас так воспитывала. Но ходить в церковь не могла, куда идти, когда столько детей, когда за скотом надо ухаживать, дом содержать. Если ее отпускали, то надевала народный черногорский костюм и шла в Успенский собор к престольному празднику в Морацкий

монастырь. Но это – если отпустят! И она просила: «Дайте раз в год на мир посмотреть, святыне поклониться». И конечно, раз в год ходила причащаться, как правило, в Федорову субботу или в канун Пасхи, и для нее это была большая радость. Но в то же время сама ее жизнь была церковной жизнью, все ее поведение, ее слова, отношение, молитва: «Господи, помоги!» Это была ее молитва. Не умела она читать молитвенники и другие книги, но: «Господи, помилуй! Матерь Божия, святой Василий, святой Петр Цетинский!» – и перекрестится. Такими были ее молитвы, молилась как дышала, как ребенка кормила, хранила в себе молитву, живя в страхе Божиим, в почитании Бога и уважении ко всем.

– Это подлинный пример для воспитания человека, не случайно вы так много внимания посвящаете этому вопросу.

– Да, это питание и воспитание, воспитание веры, чем глубже вера, тем больше готовность к любви и жертве. А чем вера меньше, тем эгоизм, самовлюбленность больше, попечение о себе и своем удобстве. Вера рождает готовность к жертве. Это не легко – это мучительно. И снова вспомню свою мать, она упокоилась в семьдесят семь лет от болезни сердца. И я смотрел на нее, роза лежала на лице, и лицо светилось внутренней красотой, я замечал это и прежде, особенно на лицах тех, кто отдал свою жизнь в дар ближним и Богу. Мертвое лицо начинает светиться большей красотой, чем при жизни. Это я видел на лице своей матери. И поскольку сейчас существует обычай не показывать детям покойников, сказал снохе: «Дайте внукам взять благословение у бабушки, поцеловать ее руку, как это было в старину. Не скрывайте от детей! Прежде всего ребенок должен встречаться с реальностью жизни, а во-вторых, для него это будет радостью на всю жизнь, что он простился с бабушкой». Я всю жизнь помню моего деда Радисава. И сегодня мне тепло на сердце, что я помню, как он последний раз вздохнул на руках у моего отца, у печи, на своей кровати, вижу его лицо. И сейчас мне утешение и радость, что я был рядом с дедом в самый важный момент жизни, и он живет во мне донныне.

– Владыка, вы знали старца Паисия, окормлялись у него. Поделитесь воспоминаниями о нем.

– Да, я имел благословение Божие встречаться с отцом Паисием^[47] много раз. Впервые – в афонском скиту Катунакia в 1967 году. Это был Божий человек нашего времени, именно современный святой. Человек огромной любви к Богу и людям. Человек огромного терпения, сострадания, любви ко всему Божиюму творению. Слава Богу, что на русский язык переводят его труды.

Однажды, когда я был у отца Паисия на Святой Горе, в 1987 году, он печалился и говорил: «Вот смотри, владыка Амфилохий: мы, люди, наводнили мир грехами, и Господь, как и во времена пророка Илии, закрыл небо. Вот уже полгода на Афоне нет дождя, и все страдают: и люди, и земля. Но люди страдают, потому что виноваты, а эти несчастные малые звери за что? Вот смотри, несколько дней назад пришла ко мне змея. Пришла и как бы просит: „Дай мне немного воды“. (А у него была миска, ее подарил старец Тихон, русский монах, афонский подвижник, старец Паисий из нее и пил и ел.) И отец Паисий рассказывает дальше: «Знаешь, я налил воды в миску и дал змее напиться. Она, бедная, все выпила и потом поднялась на хвост и кивает головой, благодарит. Бессловесное животное, но знает, что благодарность необходима. А мы, люди, ни Бога, ни друг друга не благодарим...» А я ему: «Отец Паисий, ну как же ты змее воды дал? Я бы на твоём месте, я бы... как сказать, голову бы ей разбил». Он говорит: «Ты – дикарь. Как же убить бедное животное? В чем оно виновато?» Такой была его любовь, сострадательная, она всех обнимала.

Однажды застал я его в таком дивном глубоком молитвенном настроении, тогда он сказал мне: «Отче мой Амфилохий, самое прекрасное на свете, когда ты ничего не имеешь, но вся Вселенная твоя!» И в тот момент я впервые почувствовал, что значит быть наедине с Богом и что значит открыть всю космическую ткань в себе, ощутить ее во всей силе и подлинной красоте и в то же время быть над ней. То есть природа ограничивает человека, а человек безграничен по своей природе. Помню и такой эпизод. Вместе со мной к отцу Паисию приехал мой школьный товарищ, наш писатель, журналист Комнен Бечирович, эстет, романтик, мой земляк. Он был восхищен красотой Афона и в этом своем восторге говорит: «Отец Паисий, как я завидую вам, что вы каждый день видите эту красоту: море, небо, Афон...» А отец Паисий спрашивает меня: «Он не рассердится, если я ему скажу кое-что?» – «Нет, почему, говори свободно». И он продолжает: «Переведи, что я ему желаю быть немного над Афоном, когда приедет в следующий раз...» Вот так в нескольких словах он открыл истину, которая сокрыта от многих нас, живущих в гуще мира.

– Недавно состоялась канонизация афонского старца Порфирия^[48], вы встречались и с ним, поделитесь с нами вашими воспоминаниями.

– Встречался в 70-х годах уже прошлого века в Афинах. Я слышал о нем, но мне не предоставлялось возможности встретиться. Он состоял духовником в афинской больнице, и о

нем говорили как о хорошем духовнике. Наряду с ним был известен как хороший духовник и отец Епифаний Теодоропулос, выдающийся богослов, канонист, автор многих научных работ по церковному праву, по канонам Вселенских и Поместных соборов. Очень уважаемый священник, которого и Священный Синод Афинской архиепископии приглашал, чтобы выслушать его мнение как специалиста в области устройства Церкви и канонов. Я исповедовался у него вместе с моим духовным братом, ныне епископом на покое Афанасием (Евтичем). Прекрасный был духовник, полный внутреннего духовного огня. Встреча произошла в Миссионерском центре трех святителей, присутствовал там и отец Порфирий. Я тогда не знал, что он начал свой путь на Афоне, где впоследствии его и завершил. Когда же я лично встретил отца Порфирия, он был уже священником на покое, ушел в запущенный заброшенный скит Калисия, недалеко от известной горы Пенделис. С ним была и его сестра – старица, жившая как монахиня, хотя, вероятно, она не принимала пострига. Было видно по их отношениям, по ее поведению, что это очень благочестивая семья. А некоторые из моих университетских преподавателей ездили к нему на исповедь и рассказывали мне об этом. Среди них – и Константинидис, и Панайотис Нелас, известный богослов, который был духовным чадом отца Паисия. И вот эти благочестивые профессора ездили к отцу Порфирию на службу и на исповедь. Однажды, в один воскресный день, и я с ними оказался вместе. Он произвел на меня впечатление человека, глубоко погруженного в молитву, это было видно и по его поведению, по выражению лица, а больше всего по богослужению. Но тогда я не успел у него исповедаться. Было известно, что он прозорлив, но я пошел к нему не потому, что он был прозорливым, хотя должен сказать, что во время исповеди я почувствовал, пережил на опыте его дар знания человеческой души, дыхания человеческой души. И вот уже в другой раз, когда я отправился к нему специально ради исповеди и просить совета в одной духовной проблеме, которая меня мучила в тот момент, он мне сказал: «Отче Амфилохий, вот я служил в больнице и наблюдал за врачами, часто пациент говорит: „Доктор, у меня вот тут болит, справа в груди, а врач ставит свой аппарат на другую сторону и говорит, что там, где у тебя болит, это следствие, а причина здесь“». И таким разъяснением моей проблемы, духовной и душевной, он мне точно показал, что мое понимание было неверным, причина того, что меня мучило, лежала в другом. Старец с такой добротой, с таким вниманием, собранностью со мной разговаривал, что до сих пор, когда я вспомню об этом, мне тепло на душе. Эта встреча

с подвижником была одной из самых благодатных в моей жизни.

– *Вы встречались и с другими благодатными духовниками, Божиими людьми...*

– Еще упомяну и старца Амфилохия с Патмоса и старца Ефрема и старца Тихона – духовника отца Паисия. Через них Господь посетил и нас, как и прежние поколения на земле. Бог во все времена посылает людей-свечильников, которые указывают нам путь в этом мире. Святость Божия проявляется через этих людей, они открывают нам Божию любовь, Божие смирение, через них нам является Господь. Это ризница Церкви Божией, это святость Божественная. И какое нам благословение, что мы в нашей малой Черногории имеем такие сосуды Божественной святости, какая это радость! Вот тут рядом с нами святой Петр Цетинский^[49], когда я переоблачал мощи святого Петра, ту же радость, тишину и любовь чувствовал, что и при встрече с отцом Порфирием. Посмотрите на его руку! Как будто он и сейчас голубит нас своей рукой, он с нами здесь, и он жив. Или святой Василий Острожский^[50]... Всякий раз поражаюсь – недавно служили ему молебен в полночь, а вокруг, повсюду народ со свечами! И дети пешком приходят из Никшича. Я думаю: «Господи, без всякой пропаганды, как наши партии, политики делают, сколько святой Василий вокруг себя народа объединил!» А когда переносили его мощи из Герцеговины? Даже конь шел за ним, стадо коров спустилось и пошло перед мощами святителя, птицы всю ночь пели, никогда столько птиц не пело ночью. Церковь не какой-то общественный институт, предприятие, но живая жизнь. Бог не Бог мертвых, но Бог живых.

– *Расскажите, какова сейчас ситуация в Косово. Насколько тяжел там религиозный конфликт?*

– Сегодняшнее положение в Косово и Метохии представляет собой продолжение фашистской оккупации времен Второй мировой войны с далеко идущими последствиями. (Сегодняшние трагические события на Украине тоже являются продолжением фашистской оккупации и ее последствиями.) Многочисленные испытания для Церкви в Косово и Метохии. Главное испытание как для Церкви, так и вообще для правды и справедливости в Косово и Метохии – это плоды здешнего и международного насилия, одностороннее провозглашение независимости Косово. Очень глубоко косовские раны, старые и новые: разрушенные храмы, отнятое церковное и народное имущество, сотни тысяч изгнанных от своих вековых очагов православных сербов, невозможность их возвращения, все большая нищета и угроза самому существованию еще оставшихся здесь сербов, да и всех жителей Косово. Тамошний народ, выдержавший пятивековое

турецкое рабство и верный своему косовскому завету, выдержит, несомненно, и это новейшее.

Сейчас больше ощущается конфликт национальный. Но в его глубинах лежит религиозное столкновение, ведь большинство косовских албанцев – бывшие христиане. Изменение веры изменило и национальное самосознание. И корень жестокой ненависти именно в том, что этот народ хочет уничтожить свою память, свои корни, которые до сих пор где-то в глубинах присутствуют.

У нас есть такая поговорка: «Кто вырвал око твое? Брат. Потому и язва такая глубокая». Когда братья ненавидят друг друга – это самая ужасная ненависть, ненависть, порождающая безумие. Так вот и случилось, к сожалению, в Косово.

Конечно, косовские албанцы ничего бы не могли сделать без поддержки Соединенных Штатов Америки и пакта НАТО. США имеют свои геополитические интересы: через Косово прокладывается дорога на Украину, в Россию и через Сибирь на Восток. Косово всегда было геополитически важной точкой: через него проходили дороги с Востока на Запад и с Запада на Восток. Символично, что сегодня, как и в XIV столетии, именно тут, в Косово, решается судьба мира.

В Косово уничтожено множество храмов. Сотни тысяч людей изгнаны из домов, лишены возможности вернуться. Особенно это касается больших городов, например Приштины. В Приштине было почти сто тысяч сербов – сейчас их осталось всего шестьдесят-семьдесят человек, а город вырос в три раза, туда приезжают из Албании, из деревень. Вот уже пятнадцать лет идет оккупация. Албанцам помогают американцы и европейцы, а сербский народ находится на новом распятии.

У каждого народа и каждого человека есть свое предназначение, свое историческое призвание. У нас, как и у каждого народа, есть свое призвание. Мы через христианство и Церковь Божию стали зрелым народом, и, как зрелый народ, мы ответственны перед историей, а зрелость как личности, так и народа приобретается в страдании, в распятии. Люди и народы, которые проходят страдания, но не споткнутся в нем, если примут его не как проклятие, а как благословение, приносят свой плод. Наш народ, конечно, в XX веке был распятым народом, народом на распятии. Это с нами происходило и в начале XX века, и в середине, и, может быть, мы среди редких народов Земли, с которыми это случилось также и в конце XX века. Не будем забывать, что 2000-летие христианства Европа отметила бомбардировками грешного, но все-таки древнего христианского народа, сербского народа. Но, несмотря на все страдания и

искушения, это показатель, что Бог не забыл наш народ.

– Владыка, многих взволновало ваше выступление на митинге в Белграде после подписания Брюссельского соглашения, которое отторгло Косово и Метохию от Сербии.

– Я не мог поступить иначе, я написал четыре книги о новом распятии косовском. Я многократно был в Косово, своими руками собирал отрезанные головы, тут, в окрестностях Печской Патриархии, хоронил Милицу Марич, которую четверо учековцев^[51] изнасиловали и зарезали, как ягненка, зарезали на глазах у ее матери. Хотя бы это вспомним!

Мой отец воспитывал меня на «Горном венце»^[52], Косово с детства у меня в крови. Не только у меня – у сербского народа! Это вертикаль нашей жизни, моей жизни. И вдруг мы видим, что власти Сербии, а до этого, к сожалению, и Черногории, под давлением, конечно, не по доброй воле, при насилии, насилии невиданном в истории, отказались от Косово. И это тоже последствие бомбардировок 1999 года. Никогда в истории не было, чтобы девятнадцать вооруженных стран, такая мощная армада, двинулись на маленький народ, маленькую страну, на Косово и Метохию, Сербию и Черногорию. Все, что происходило и происходит, – последствия насилия. И до такой степени это насилие дошло, что добились сначала отказа властей Черногории, которых обвели вокруг пальца, от Косова, от части Косова. Но Метохия! Метохия – главная артерия древней Зеты, со времен Воиславлевичей^[53], чья столица была в Призрене. Не многие это знают. Следовательно, то, что сейчас произошло, – брюссельское подписание так называемого соглашения, – в сущности, не соглашение, а насилие, диктат.

Церковь хранит историческую память о Косово. Что есть Косово и Метохия, если не Церковь? И народ, оставшийся там, – Церковь. Не я – Церковь, и не Патриарх Ириней или какой-то другой владыка. Мы просто несем особую службу в этой Церкви в данный момент. Церковь – это мощи святого короля Стефана Дечанского, Церковь – мощи святых патриархов, архиепископов печских, Церковь – святой Иоанникий Девичский, Церковь – моя чудесная игуменья Анастасия Девичская, вот Церковь. И я как человек, принадлежащий этой Церкви, этому народу, могу ли промолчать? Заглушить свой вопль?!

Я не вмешиваюсь в политику и в их выбор, но я обязан, как тот, кто должен хранить вековую память и жизнь народа, сказать: «Подожди, ты избран для того, чтобы защищать Конституцию Сербии? Ты выбран хранить границы Сербии в том виде, как она вошла в ООН? Что за государство, что за власть, которая вошла в ООН с Косово и Метохией и признана таковой двумя сотнями

государств, а сейчас отказывается от них? Подожди, кто дал тебе право отказываться от того, ради чего ты был избран на этот пост?!»

Вот почему я это сделал, это не политика, это вопрос – быть или не быть народу. А Церковь испокон веков была хранителем народа, народного самосознания. Занимайтесь своей политикой, но не смейте предавать народ, не смейте отдавать святыни в чужие руки. Вместо того чтобы обеспечить сотням тысяч людей возможность вернуться к родным очагам, двум сотням тысяч сербов, находящимся с 1941 года в изгнании, еще раньше запретили вернуться в свои дома! Это – еще в 1945–1946 годах! Надо прочесть сообщения епископа Рашско-Призренского Павла^[54], начиная с 1956 по 1991 год, до того, как он стал Патриархом. Там детально описано все, что происходило в Косово и Метохии! Систематическое насилие, преследования, грабежи, организованное принуждение народа покидать родные дома и одновременно, начиная с 1941 года, регулярное заселение края албанцами из Албании. И мы должны это принять как норму? А вершина всего – бомбардировки! И затем мы подписываем соглашение? Если бы Церкви не было, где было бы это государство? Те, кто вне Церкви, те, чей бог – чрево и, чем его набить, не важно, давно отказались от Косово. Власть нам говорит: «Судьба народа в наших руках! Бедная Сербия умрет с голода, если не подпишет Брюссельское соглашение!» Эх, да когда же Западная Европа нас кормила?!

Сербский народ оказался, по определению аввы Иустина, на пылающем перепутье, он веками оказывается в гуще исторических событий, не только балканских, но европейских и мировых, ибо тем или иным образом все начинается здесь.

– Владыка, беспокойная ситуация и в Черногории, духовенство Сербской Православной Церкви находится под давлением со стороны властей. Священство не может получить регистрацию, узаконить свое пребывание на ее территории.

– Это лишь одно из беззаконий государственных органов в Черногории. Имею в виду создание помех для регистрации и получения разрешений на пребывание некоторых не имеющих черногорского гражданства священников, монахов и монахинь, многие из которых давно находятся в Черногории, несут служение в Сербской Православной Церкви. Тем не менее нынешнее МВД Черногории ссылается на Закон о религиозных объединениях от 1977 года, по которому вновь сформированные религиозные объединения должны сообщать о своем появлении и регистрироваться. Это происходит впервые в истории, чтобы инспекторы полиции проявляли интерес к монахам, монахиням и

священникам, их посещения монастырей продолжаются уже последние три месяца. Инспекторы буквально запугивают священство, врываясь в церкви, угрожая монашествующим, что они будут выгнаны, особенно тем, кто не урегулировал вопросы своего пребывания в Черногории. Среди них есть монахи и священники из России, Сирии, Боснии и Герцеговины, Сербии. Подобное необъяснимо и неприемлемо, и я с полным правом могу сказать, что это невиданное в истории Черногории насилие полиции над духовенством и монашеством Православной Церкви. Подобного насилия не было даже во времена турецкого ига, не было ни во время правления венецианцев, ни во времена австро-венгров, ни при нацистах, ни при коммунистах. Удивительно, что правящий режим применяет этот закон в отношении Сербской Православной Церкви – института, который существует в Черногории более восьми веков и представляет ее становой хребет. Церковь и создала Черногорию во времена династии Петровичей. Сама СПЦ и ее служители не уклоняются от обязанности проходить регистрацию, уважают закон и тот факт, что Черногория стала независимым государством со своей Конституцией. Но в той же мере мы ждем не только от государства, но и от его органов уважения к Церкви и ее многовековым правам, чтобы сохранялись ее идентичность и непрерывность существования. Государство жило и умирало, меняло свои границы, а Церковь была и есть, и мы не требуем ничего сверх того, что нам принадлежит по закону.

Церковь имеет свои вековые законы, уважает государство и власть. Конечно, она не может приветствовать всякого властителя, но требует от государства, как бы оно себя ни называло, уважать Церковь и ее вековое устройство, не навязывать ей свои идеологические принципы. Если Константин Великий тысячу семьсот лет назад издал эдикт, в котором написал, что разрушенные церкви должны быть восстановлены, а отнятое церковное имущество возвращено, то мы надеемся, что и в начале XXI века нынешняя так называемая «современная демократическая власть» проявит интерес к Церкви, ее правам и миссии.

– Здесь играет свою роль и так называемая «Черногорская Православная Церковь»?

– Церковь в Черногории с начала Второй мировой войны постоянно находится под давлением. С 90-х годов прошлого века стали происходить определенные изменения в отношении Церкви, но начались и новые попытки ею манипулировать, возникла угроза ее первенству в связи с появлением в 1993 году секты под названием «Религиозное объединение Черногорская

Православная Церковь». После объявления независимости Черногории ее основатели пытаются представить эту группу как «поместную церковь». Ожидалось, что власть и политическая элита Черногории после достижения независимости Черногории, ради чего и было создано это религиозное объединение, перестанут манипулировать Церковью. К сожалению, этого не произошло, по крайней мере со стороны официальных государственных органов и СМИ. Главными защитниками так называемой «Черногорской

Церкви» являются преимущественно вчерашние гонители Церкви, марксисты, титовцы и атеисты. Идеологический кризис и кризис национального самосознания якобы ищет себе религиозное основание в своей «Церкви». На самом деле это представляет собой современное язычество национализированного типа, подрывающего фундамент Церкви Божией.

– Владыка, что вы могли бы сказать о сегодняшней жизни Сербской Церкви?

– Духовная жизнь возрождается. Территория бывшей Югославии: Сербия, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина, Хорватия – каноническая территория Сербской Церкви. Большой духовный подъем начался под влиянием опубликованных трудов святого преподобного Иустина (Поповича)^[55] и святого Николая (Велимировича)^[56]. Владыка Николай между двумя войнами много сделал для русских, значение его деятельности со временем все возрастает. У нас теперь больше образованных священников. В Сербской Церкви три богословских факультета: в Белграде, в Фоче (Босния) и в Либертвилле (Иллинойс, США). Восстановлены многие монастыри, возрождается приходская жизнь, издается много книг, появляются новые церковные журналы, работают православные радиостанции. Во всем большая заслуга нашего Патриарха – блаженной памяти Павла, человека глубокой духовной жизни. Как личность он сыграл неопределимую роль и для Косово и Метохии, где в течение тридцати четырех лет был епископом, и для всей Сербской Церкви в годы его патриаршества.

В 2010 году состоялась канонизация старца Симеона Дайбабского^[57] (он учился в Киевской духовной академии), преподобного Иустина Челийского (Поповича) – автора двенадцати томов житий святых, тридцати томов сочинений, в которые входит «Догматика», «Толкование Священного Писания». Как и в России, у нас идет прославление новомучеников. До и после Второй мировой войны множество православных: епископы, священники, миряне – пострадали за Христа. Например, епископ

Варнава (Настич)^[58] много лет провел в заточении, умер в 1964 году, по всей видимости, был отравлен. Поэтому мы почитаем его как исповедника, священномученика. Он был викарным архиереем, его слово, его жизнь и его страдания свидетельствовали о Христе. Прославлены моимишские мученики^[59]. Как сказал древний писатель Тертуллиан, «кровь мучеников – это семя Церкви».

– Владыка, сегодня многие люди верят декларативно, часто не понимают, зачем идти в церковь, причащаться, понятием «духовность» нередко злоупотребляют. Почему так важно участвовать в литургии?

– Я давно заметил, что истинно духовные люди меньше всего говорят о духовности. Люди, у которых есть жажда духовности, и это положительная сторона, они о ней говорят, пишут, то есть, можно сказать, как бы восполняют недостаток духовности в себе разговорами о духовности. Бывает религиозность магического типа. Это когда человек недостаточно духовно созрел и Бог ему нужен только в какой-то беде, одновременно он найдет и какого-то экстрасенса или астролога, которые скажут ему, где и сколько свеч надо поставить. То есть такие люди верят магическим образом, как пословица говорит: «Схватить Бога за бороду». Такой магический подход сейчас очень распространен, к сожалению, и он всегда возникает, когда происходят серьезные духовные изломы, искажения. А в душе нашего народа произошел большой излом, все мы так или иначе инфицированы тем, что происходило с нами в течение последних пятидесяти лет: насилием над нами, насилием над цветком веры в наших душах. А этот цветок, как и все живое, хочет нежности, тепла, небесного тепла.

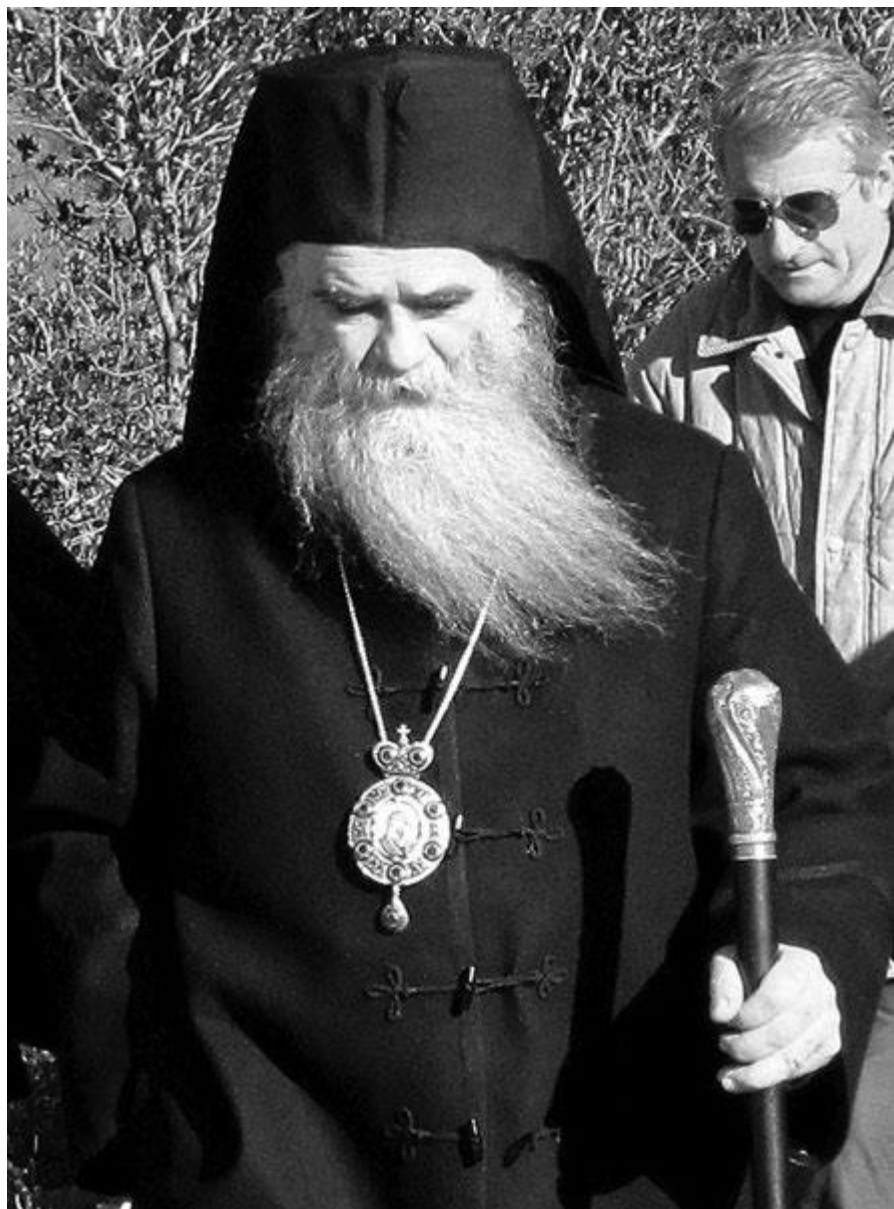
От таких времен, которые мы пережили, когда молотом били по душам, остаются следы. Но душа не может без Бога, это ясно. Человек по природе религиозное существо. Помню, что отец Иустин (Попович) говорил: «Я живу настолько, сколько капель крови доливаю в лампаду своей веры», – это поэтически сказано, но и экзистенциально сказано – вера требует подвига. Настоящая вера не для каждого, поэтому так много тех, кто прибегает к суррогатам веры. И что значит эта «индивидуальная» вера, «я могу жить без Церкви»? Это эгоизм. Это значит, что человек превозносит себя над многовековым опытом Церкви. Например, ученый, из любой области, если он не способен смириться перед опытом веков, научным опытом, он никогда не станет настоящим ученым, он не будет способен к этому богатому опыту добавить свой вклад. И если такая позиция необходима в изучении природы, то тем более важен для изучения человека глубокий

соборный опыт святых Божиих людей, пророков и апостолов.

Церковь содержит в себе идею, точнее, реальность о человеческом достоинстве. Как говорил Григорий Нисский, «у человека одна граница – безграничность». Церковь – носитель вечности, которая открыта нам в личности Богочеловека. И эта безмерная мера не дает покоя тем, кто живет в Церкви, они все больше жаждут, они все более способны служить этой тайне. Литургия – это сердце Церкви, это сама Церковь, как говорил Хомяков в XIX столетии. Кто знает, что такое литургия, тот знает, что такое Церковь. Суть Церкви именно в литургии. В ней и Ветхий, и Новый Завет, и Откровение Божие. В ней образ подлинной христианской жизни, образ покаяния и смиренномудрия. В ней основное свойство Церкви – ее соборность. В ней Дух Святой, дары Которому мы приносим и Который пресуществляет их в Тело и Кровь Христовы. В ней – Сам Христос, Тот же, что был вчера, есть сегодня и будет завтра. Живой опыт Христа, причастие Телу и Крови Его – вот что дает литургия. Современный человек рационален, он – человек опыта, он хочет все проверить, ко всему прикоснуться, как говорит апостол Фома: «Если не вложу пальцы в ребра Его – не поверю» (см.: Ин. 20: 25). Так вот, язвы Христа – в литургии. Потому после литургии поем «Видехом свет истинный, прияхом Духа Небесного». Все силы Церкви собраны в литургии. И жизнь за пределами литургии должна быть ее продолжением.

Интересно, что митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) в советские годы, когда западные журналисты его спрашивали: «Как же вы воспитываете народ, если нет уроков Закона Божия?» – отвечал: «Мы служим литургию». Я думаю, это очень глубокий ответ. Именно литургия, которая совершалась во время большевистских гонений на Церковь, сохранила целомудрие русской души.

– Владыка, почему люди теряют веру и уходят из Церкви?

– Это последствие того же безбожия, того же разорения нравственности. Торжествует идеология «плотоядной жажды», по меткому выражению Достоевского, когда ценно только тело – плоть, только тело, земное, только земное. Опыт Церкви говорит, что наш христианский долг – в сохранении своей души, свидетельстве о Христе. В конце концов, в словах Христа не так много оптимизма: «Когда придет Сын Человеческий, найдет ли

веру на земле? Но не бойся, малое стадо» (см.: Лк. 18: 8; Лк. 12: 32). И все же Господь не говорит, что веры не будет, но спрашивает: найдет ли? Значит, вера сохранится. Вера – стержень жизни, вера должна быть нашей повседневностью, мы сами должны стать ее олицетворением. Очень опасна для христианина самонадеянность, а в нас часто бывает силен этот дух фарисейства и отсутствует дух смирения. Очень важна и вера в милость Божию. «Милость Твоя поженет мя во вся дни живота моего» – Господи, как это глубоко!

Многие из тех, кто возвращается в Церковь сегодня, возвращаются туда не всем сердцем и душой, а с желанием устроить Церковь по-своему, не имеют смирения и истинного покаяния. А без покаяния невозможно понять, что такое Церковь

Христова. Покаяние – главное измерение человеческой жизни. Там, где есть покаяние, существует и возможность возрождения, возможность единства. В этом и состоит роль Церкви в наше время: через покаяние возрождать душу народа, а через возрождение души восстанавливать отношения между Церковью и государством, потому что и государству нужно покаяние и освобождение от заблуждений. Мы надеемся, что Дух Божий действует и народ найдет путь, ведущий в жизнь вечную.

Необходимо в первую очередь возрождать душу, иначе богослужение станет для нас просто красивым ритуалом, вызывающим приятные эмоции, но не тронет по-настоящему, не возродит.

Нынешняя цивилизация уделяет слишком много внимания внешнему, забывая о нравственном возрождении, воспитанный ею человек и в Церкви находится в опасности остановиться на внешнем, забыть, что одно только внешнее не приносит духовных плодов.

– Владыка, в России известна ваша книга «Основы православного воспитания». Иногда люди, недавно пришедшие в Церковь, бывают слишком категорично настроены против культурного наследия, исключают его из своей жизни. В чем, по-вашему, состоит истинное духовное воспитание?

– В сербском языке слово «воспитание» означает «кормление», «питание», ведь от того, что человек вкушает, зависит его жизнь. Душа человека тоже должна иметь пищу, ее пища – слово Божие, «хлеб жизни, сошедший с небес» (см.: Ин. 6: 51), Христос Господь, Его Евангелие, заповеди Божии. Цель духовного воспитания – насыщение человека «хлебом жизни».

С другой стороны, особенно в юности, как говорит святитель Григорий Палама, человек может воспитываться и светской мудростью – литературой, науками. Но если в результате знание

не приводит к единому на потребу, не воспитывает человека, если, умножая знание, человек начинает ставить себя выше Бога, такое знание бесплодно. Если знание удаляет от Христа, лучше его оставить и остаться со Христом. Сегодня в мире много зла, поэтому необходимо помнить о равновесии в духовной жизни. Ведь перед лицом смерти не поможет ни музыка, ни творчество, ни наука. Останется только вопль: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Поэтому многие простые люди, кроме Закона Божия не знавшие ничего, стали святыми.

В творчестве человек не должен пытаться соперничать с Творцом, есть творчество Божие, а есть демоническое. Необходимо иметь ясное представление о том, что в творчестве золото, а что – солома, ибо, по слову апостола Павла, все пройдет через огонь и останется только золото, останется только благородный металл, благородство и добродетель. Но не только то, что человек пишет, сочиняет, рисует, является творчеством, сама наша жизнь – творчество, рождение ребенка – творчество. Почему православная икона так сильно действует на душу человека? Потому что в ней присутствует целомудрие, Божественное и человеческое, а когда эти два начала находятся в равновесии, то Божественная красота проявляется в красоте человеческого творчества, сохраняя внутреннее целомудрие. Именно к такому творчеству призывает нас Господь. Достоевский сказал: «Красота спасет мир», но Андрей Тарковский сказал глубже: «Стыд спасет человечество». Красота бывает разной, ничто не может так разрушить, развратить человеческую сущность, как злоупотребление красотой. Только красота, несущая целомудрие, должна быть основой творчества.

– В чем причина вашей любви к России? Расскажите о встречах со священниками Русской Церкви, ваших учителях, среди них были русские? Какие воспоминания сохранились у вас о них?

– Еще в семинарии я читал русских писателей, общался с русскими преподавателями, которые очень тепло к нам относились. С любовью вспоминаю своих дорогих профессоров: моего отца Павла, дьякона, бывало, что мы спорили иногда, но я чувствовал, что он меня любит. А когда у меня после окончания факультета возникли трудности, то знал, к кому надо обратиться за советом. Я написал ему письмо, и он сразу же мне ответил. Понял мою ситуацию. Отец Викентий Фрадинский преподавал у нас на факультете историю Церкви. Так он просто жил ею: рассказывал о Первом Вселенском соборе, словно сам был его участником! И в Швейцарии общался с русскими: помню отца Петра Парфёнова, царского офицера, владыку Антония (Бартошевича) и его брата Леонтия, они учились у нас, в Сербии,

а потом стали епископами Зарубежной Церкви. Владыка Антоний, когда встречал меня, часто шутил, вспоминая слова служившего в Закарпатской Руси митрополита Иосифа Скопского, сказанные между двумя войнами: «Мы – дураки сербы, и вы – сумасшедшие русские». Потом в Париже (1974) я встретился с Александром Солженицыным, тогда он был выслан из страны, и подарил ему крестик с Афона со словами: «Александр-крестоносцу афонский крест». А в 2003 году уже в Москве, когда мы награждали писателя орденом святого Саввы Сербского (это была награда от Архиерейского Собора Сербской Православной Церкви), он мне показал, что бережно хранит тот крестик с Афона.

Помню и дивного русского старца Никандра, я встретил его во Франции, когда ему было девяносто четыре года, он жил ранее и в Сербии, упокоился в девяносто семь лет. Мы семь часов были на богослужении, тогда служил и митрополит Филарет (РПЦЗ), за все это время старец ни разу не присел. После службы мы пошли на торжественную трапезу, которую приготовили монахини того монастыря. Я спрашиваю одну из них: «А где отец Никандр?» Она говорит: «У него нет времени, чтобы терять его тут с нами, он остался молиться». И я пошел к нему и спрашиваю: «Старче, разве вы не устали? Я много моложе вас, но я устал». А он отвечает: «Отец Амфилохий, я в монастыре уже восемьдесят лет, и в России, и в Сербии, и во Франции, и раньше в молодости я много дней не умел или не хотел молиться, был недостаточно ревностным. Я не наполнил молитвой годы и дни, данные мне Богом, вот теперь знаю, как это важно, но не знаю, сколько мне еще осталось быть на земле, потому хочу восполнить это».

Наш духовный отец архимандрит Иустин (Попович) исповедовался у митрополита Антония (Храповицкого), потом у отца Виталия Тарасьева^[60] в русской церкви Святой Троицы^[61]. Отец Виталий был в Белграде любимым священником и среди русских, и среди сербов. Общие страдания сближают нас.

Глубоко меня трогает судьба Царственных страстотерпцев. Я всем рассказываю о доме, в котором они были убиты, и о Ганиной яме. Само событие убийства Царственных страстотерпцев – это историческая грань мирового масштаба. Так же, как и прославление их в лике святых. И эти храмы на их крови – именно явление мирового масштаба.

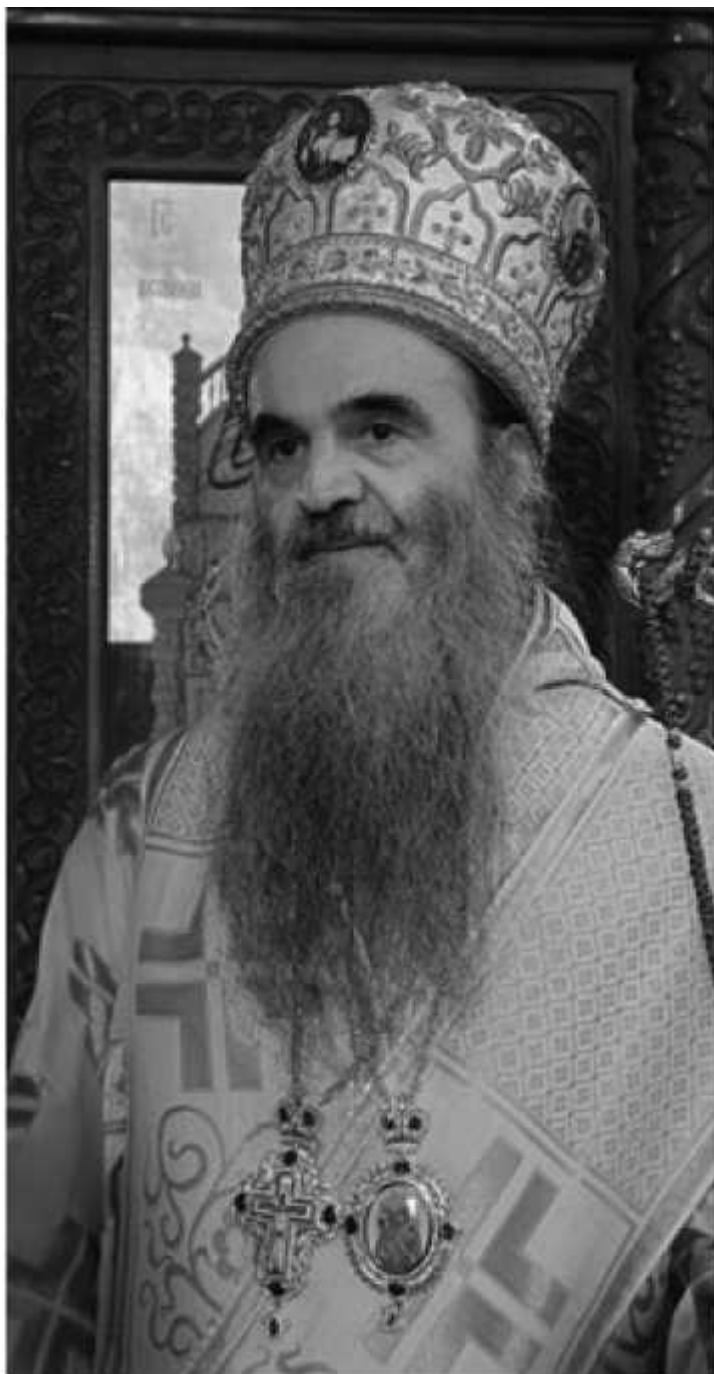
У нас тоже построен небольшой храм в их честь в монастыре Рустово. И еще должен сказать, что в Охриде (Македония) была часовня, посвященная святым Царственным страстотерпцам, которую в 1930-х годах построил святой владыка Николай Охридский и Жичский^[62] – намного раньше, чем в России произошло прославление. К сожалению, наши коммунисты после

войны уничтожили часовню. Но это все-таки показывает любовь нашего народа и особое отношение к последнему русскому императору Николаю II. На личные средства русского царя Николая в Черногории сооружен храм Святого Василия Острожского, а недалеко от него стоит Царев мост, построенный в честь императора. Он собирался также возвести храм и в Цетине, но начались войны, сначала Балканская, за ней Первая мировая, и строительство не состоялось. Мы очень любим святого царя Николая и за то, что он поддержал Сербию и Черногорию в борьбе против Германии и Австро-Венгрии, спас сербские войска от гибели.

В Черногории хорошо знают и чтят русских святых, существует несколько храмов в честь них. В городе Херцег-Нови действует храм Святого Федора Ушакова, он стоит на русском кладбище, строится монастырь преподобной Матроны Московской. А в Будве уже определено место, где вскоре будет построена церковь в честь преподобного Серафима Саровского. В сентябре 2013 года на острове Святого Стефана был освящен храм Святого Александра Невского.

Мне очень близки слова святого Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде». И я очень хочу, чтобы сербы жили по этому завету, который оставил русский святой князь.

«Все наши пути ведут к Литургии»

Епископ Крушевацкий Давид (Перович)

Епископ Давид (Перович) родился 17 июля 1953 года в Джураковце в Метохии, относящейся к Рашско-Призренской епархии. В юности работал деревообработчиком на мебельной фабрике во Франции. В 1972–1976 годах учился на литературном отделении филологического факультета Белградского университета, затем на режиссерском факультете в Академии театра, кинематографии, радио и телевидения Белграда. С 1977 по 1983 годна Белградском богословском факультете.

Принял монашество в Царской Лавре Высокие Дечаны в 1983 году. В 1983–1989 годах преподавал в духовных семинариях – Трехсвятительской в Крке и Кирилло-Мефодиевской в Призрене. В 1989–1994 годах подготовил докторский труд «Пневматология^[63] по учению святого Василия Великого» в классе патролога Стилианоса Пападопулоса на богословском факультете в Афинах, защитился в Белграде. Изучал французскую филологию в Сорбонне и Французском языковом союзе в Париже в 1995–1997 и 1999 годах. В 1999 году работал над докторской диссертацией «Христология святого Максима Исповедника на основе писем XII–XV и XIX» в Школе высших исследований при Сорбонне, в классе профессора патролога Алена Лё-Буллюэка.

Его работы и переводы (с греческого, французского, английского и русского) публиковались в церковной периодике и светских изданиях, включая книги, учебники, монографии, сборники и антологии, журналы. Епископ Давид сотрудничал при создании ряда документальных фильмов, телепередач и сериалов («Букварь Православия», «Вероучитель на дому», «Церковь и язык», «Планета Косово», «Кар-жес – врата Востока», «Жизнь по Евангелию»). Стал сооснователем и сценаристом кинематографической студии «Наос» при Белградском богословском факультете в составе Издательского фонда АЕМ Сербской Православной Церкви. Участвовал в ряде международных христианских собраний и фестивалей, богословских и научных симпозиумов. Один из основателей радио «Слово Любви» Белградско-Карло-вацкой архиепископии. Участвует в реализации проекта Издательского фонда той же архиепископии по подготовке и выпуску собрания сочинений Патриарха Павла. По благословению святейшего Павла находился в Печской Патриархии в 2000–2002 годах в миссии выживания сербского народа в Косово и Метохии, спасения святынь, подвергавшихся уничтожению. С 1995 года преподает предметы «христианская нравственность» и «аскетическое богословие» на богословском факультете Белградского университета. На Архиерейском Соборе Сербской Церкви 1626 мая 2011 года был избран в епископы восстановленной Крушевацкой кафедры. 23

июля 2011 года в Крушевацком соборе Великомученика Георгия состоялось его наречение. 24 июля 2011 года Патриархом Сербским Иринеем в сослужении сербских архиереев в Крушевацком соборе был рукоположен в епископы Крушевацкие.

Владыка известен как ближайший сотрудник Патриарха Павла в последние годы его жизни; их знакомство состоялось еще в школьные годы владыки в его родном Пече.

До хиротонии владыка жил в небольшой комнате студенческого общежития богословского факультета, будучи преподавателем того же факультета. Именно там произошла наша встреча и беседа.

– Уважаемый владыка, поделитесь своими воспоминаниями о вашем детстве, родном крае, ведь вы родились в Косово и Метохии.

– Первое, что вспоминается, как мы проводили лето на Мокрой горе, лесные прогулки, страх встретить медведя, монастырь Черная Река и святой Петр Коришский, бабушка Петкана, как она охлаждает молоко, делает сыр и каймак, месит хлеб, Миомир и Драгомир, мои младшие братья. Первое воспоминание – о храме Святых Апостолов Петра и Павла в Истоке, о его потемневшем иконостасе и моем первом причастии, на которое водила меня другая бабушка – Велика. С бабушкой Великой пошел в истокскую церковь на Богоявление, там вырвался из ее рук, чтобы подойти к священнику и причаститься, не зная толком, что это такое. В тот же храм я вошел несколько десятков лет спустя. И наконец, в 2000 году я в последний раз видел этот иконостас целым: вскоре он был сожжен шиптарями. Потом помню, как, заболев оспой, лежал в кровати один дома в Джураковце, как боялся умереть, если встану и побегу во двор, где играли мои братья и сестры. Помню августовский Преображенский собор (престольный праздник) в Будисавцах, проходивший вокруг монастырского храма-задушбины Патриарха Макария (Соколовича). Косово и Метохия навсегда остались в моей душе, в самом моем существе.

– Вы после окончания гимназии в Пече уехали за границу, жили и работали во Франции. Что вам дал этот опыт?

– Это было гастарбайтерство – поехать в одну из европейских стран. Во Франции жили мои родственники. Получив документы, я начал учиться, тогда меня интересовала психология, литературой я уже занимался давно, но надо было на что-то жить, зарабатывать на хлеб, что подразумевало необходимость работать. Работал на мебельной фабрике. Овладеть этим ремеслом было нетрудно, потому что мой отец был деревообработчиком и детство прошло не только под знаком

плотницкого ремесла, но и рядом с настоящими мастерами: строили, дерево находило надлежащее ему место.

– Из Франции вы вернулись в Белград, выбирали между литературой и киноискусством. Что повлияло на ваш выбор? Почему были колебания? Как складывалась жизнь в Белграде?

– Колебания – это мягко сказано, скорее был период онтологического смятения, которое привело к большим душевным потрясениям, пробуждавшим дух в нашем смысле слова – христианском, монашеском. Все было в русле поиска идеи, поиска Слова, в жажде найти смысл, но не абстрактный, каким были наполнены и литература, и кино, и все виды творчества, которыми я в той или иной степени занимался. А только Лик, только живая Личность как носитель смысла и податель его мог насытить душу. Христос, Которого я в детстве знал как икону, как Спасителя, как Человеколюбца, появился в душе как зов, как жажда. И позже мне стало понятно, что это была жажда Христа и богоискательство. И, последовав за этим зовом, за этим тихим гласом, за тихим дуновением, я предпринял богоискательские путешествия, как стало ясно потом. Этот зов привел на Святую Гору, там произошло то, к чему я так стремился: встреча с живым Христом, не с картонным, не с воображаемым, но с живым. Это случилось в Хиландаре, когда в один из вечеров в церкви Пророка Илии, в том месте, которое описывается в книге «Старец Силуан» – там состоялась встреча старца со Христом, – некая искра в один миг осветила всю мою тьму, это изменило меня, укрепило, окрылило. В тот же год я отправился в Иерусалим. И тогда стало ясно, что толкает вперед некий внутренний эрос, божественный эрос к монашеству и к богословию – к одному и к другому как к священнодействию. И в этом был обретен душевный мир, умиротворение после онтологического смятения, соответствовавшего молодому возрасту, как и у других это бывает: молодой человек отправляется завоевывать мир и не успокаивается, пока не найдет искомое или искомого.

– Были ли какие-то особенные встречи, которые помогли в вашем духовном поиске?

– Моими любимыми преподавателями в Академии кинематографии, театра, радио и телевидения были Радош Новакович, профессор кинорежиссуры, и Душан Стоянович, профессор теории и эстетики кино. Педагогическая позиция Новаковича гласила: прежде всего говорить о том, что в человеке лучшее. Стоянович же своим талантом, с помощью умелого подбора фрагментов из шедевров киноклассики, умел окутывать свои лекции мистикой. На богословском факультете все мы,

тогдашние студенты, были в восторге от наших преподавателей – епископов Афанасия (Евтича), Амфилохия (Радовича), Даниила (Крстича) и протоиерея Душана Кашича.

Важной была встреча с аввой Иустином (Поповичем) в монастыре Челие в 1977 году. Преподобный отец Иустин был подобен ангелу во плоти: весь белый как снег, с огненным ликом. Тогда он обратился к игуменье, показывая на меня: «Мать игуменья, вот у нас есть кандидат в монашество».

– Тот период был переломным и для Белграда, когда из Греции вернулись иеромонахи Амфилохий (Радович), Афанасий (Евтич), Иринеи (Булович). Молодежь, студенты собирались во Введенском монастыре. Как это отразилось на вашей жизни?

– Да, я участвовал в той духовной Пятидесятнице в Белграде, носителями которой были не просто известные, но и всеми почитаемые отцы. И это стало золотой эпохой современного богословия нашей Поместной Церкви, которое не было академическим или неосхоластическим. Да, оно было научным, но и харизматическим. Литургия, покаяние были нашими границами, усвоение богословия происходило истинным методом – через Святые Таинства. Этому способствовала и наша молодость, открытость, наш поиск духовной идентичности, которая не мола быть сформирована нигде больше, как только в Церкви, в харизматическом литургическом святоотеческом богословии.

– Как вы находите общий язык с теперешними студентами?

– Рецепт – не воображать, что ты педагог, не изображать педагога перед молодыми, но быть самим собой настолько, конечно, насколько это возможно, не играть, но быть. Нужно иметь учительский дар, который согласуется с Промыслом Божиим и по Божиему Промыслу умножается.

– Владыка, вы были духовным сыном блаженно почившего Патриарха Павла, вы были рядом с ним до последней минуты его земной жизни. Вы могли бы рассказать о нем, поделиться с нами этим опытом?

– Первая встреча с епископом Рашско-Призренским Павлом^[64] произошла в Призрене в 1977 году, в январе. С тех пор и до 1989 года Призрен стал местом моих чудесных духовных встреч с епископом Павлом, впоследствии Патриархом Сербским, которые я описал в книгах. Нужно быть искренним. Нет более недостойного ученика, чем я, и более достойного учителя, чем он. Владыка был драгоценным даром в моей жизни. Мы должники святых отцов, всю свою жизнь предаем в их руки, как Самому Господу, делаем это добровольно, а они, как чадолюбивые, знают, куда нас вести и вывести. Все, что из его отеческих рук, с его

благословения приходило, решалось, самые тугие узлы развязывались. Слово его было словом евангельским, словом святоотеческого предания, словом, укрепленным благодатной силой. Оно было даровано ему за его подвиг созидания Церкви и прославления Христа, Которого он так любил, и другие рядом с ним чувствовали его заботу, были напоены, накормлены, одеты, наставлены. Что еще привлекало меня, «пероголика» – человека, для которого перо любимый инструмент, – это его наставления, его выражения, его размышления, его наблюдения, и, к счастью, я не ленился, записывал их и записываю. Со временем они становились и моим словом, мыслью, решением. Его слова стали куполом, полным энергии. До тех пор, пока у владыки были силы, пока он считал, что это необходимо, наставлял. Он учил с юмором, мягко, всегда оставаясь человеком общины, общения, открытости, человеком реальным, зрелым, настоящим, целостным.

Хотя жизненные силы уже оставляли его, дух становился еще сильнее, возрастал, укреплялся. Это отражалось и на внешнем облике Патриарха. В конце жизни его тело стало подобием совершенного изваяния из желтого мрамора, тело просто светилось изнутри, а по сути, это было тело новорожденного ребенка, пречистого чада Божия, вновь рожденного для Царства Его. Мы вместе находились в монастыре Святой Троицы на Шар-Планине, этот монастырь был разрушен шиптарями после 2000 года. Мы там жили по несколько дней в соответствии с монастырским уставом, в молитве, трудах и разговорах, «зарабатывая и обед и ужин», как выражался владыка Павел. В одной личности был старец, мудрец, отец, сосуд Духа Святого и дитя, дитя Божие, которое боролось за объятия Отчий. И верю, что, он наконец и обрел Его объятия, что он в руке Божией и в неизгладимой и вечной памяти народа, который Патриарх Павел так любил, подвизался за него, защищал его, невзирая на цену и опасности, он, как лев, боролся за свой народ. Он обо всем говорил мирно, считая, что, спокойно выражая свою позицию, делает больше для достижения понимания, говорил без раздражения, нервозности, гнева. Если же его слова не были поняты и приняты или были неверно истолкованы, сознание того, что истина все же побеждает народы и города, подавало ему мирность духа.

– Владыка, вы известны как человек глубоких знаний и широких интересов, поделитесь своими мыслями об искусстве, культуре? Как соотносятся монашеская жизнь и искусство, дополняют ли друг друга или мешают одно другому? Может ли монах разбираться в искусстве, особенно современном, интересоваться

им?

– Не только может, но должен, ибо дары даны нам, чтобы их умножать, созидать, восполнять, и творчество, искусство тут являются своего рода школой со многими классами, от начальных до старших – у нее есть начало, есть свои взлеты, шедевры. В то же время монашеское, церковное, духовное искусство – это сверхискусство, искусство Духа Святого. Следовательно, уметь петь, например, исконно народную песню, любую настоящую, красивую песню, петь в опере – это прекрасно, но также необходимо уметь петь и церковные гимны. Харизма и служение церковного певчего не мешают, но дополняют первоначальный дар, ибо усовершенствованию нет конца. Надо начинать с искусства, во всяком случае, оно – помощь в периоды потери смысла, гонений, трагедий, но также и еще более необходимо находиться в области сверхискусства Духа Святого, где все ветхое становится новым, все обветшалое – сияющим. Дух Святой – податель всех даров, всякого умения, всякой науки. Искусство вообще сверхнасушно, а сверхискусство еще более сверхнасушно. Если первое живет и развивается в истории и в мире, чтобы украсить мир, другое развивается и в истории, и в эсхатологии. Все мы, у кого есть хотя бы один талант к творческому созиданию, истощаем его и сами им истощаемся до того момента, пока Дух Святой не призовет нас к сверхтворческому созиданию для украшения своих телесных и душевных храмов, чтобы стать избранными сосудами Духа Святого и чтобы, ни более ни менее, стать Христом по благодати. А Христос прекраснее всех созданий. Каждый человек обладает даром и потенциалом стать богом, источником света, стать достойным

Сверххудожника и Творца всей твари, всей красоты и доброты. Поэтому искусство представляет собой практический, исторический материал для этого сверхискусства, так же как воплотившийся Христос практически и реально взял на Себя нашу природу: зачавшись в Приснодеве Богородице, взял элементы Ее тела и одновременно космос целокупного творения, чтобы, как Логос, облачиться в нашу природу, словно в ризу. Это чудесная риза, нерукотворная, эта риза – Церковь, Церковь Христова и детей, данных Ему Богом Отцом, Его же благоизволением.

– Искусство кино наиболее вам близко, расскажите о любимых фильмах, режиссерах.

– Да, Ингмар Бергман^[65] ворвался в мою жизнь, как стихия, космическая стихия, как философ, который заложил закваску серьезности и глубоких размышлений в жизнь девятнадцатилетнего юноши. Я тогда был еще мал, чтобы

понимать Бергмана, но этот рыболовный крючок оказался слишком острым, чтобы не раскровить мне губу. Но Тарковский^[66] позже исцелил эти раны благодаря своему всестороннему философскому, психологическому, историческому подходу и богословскому углу зрения на искусство. А оно способно умертвить или воздвигнуть из мертвых. Следовательно, кино – инструмент, латерна^[67], которая имеет невероятные возможности. Это понял и «инфант террибле»^[68] мировой кинематографии Дэвид Линч^[69], веселый человек, который настолько серьезно относился к своему способу выражения, что ушел в заумность. Современный зритель может быть благодарен Абелью Ферраре^[70] за то, что он вместе с ним шел за любовью до такой степени, что сошел во ад. Не без черного юмора можно сказать, что он следовал за любовью до самого ада, чтобы и там найти любовь и быть ее спутником. И если Феррара из этой авантюры, этого хождения по канату вышел как зрелый кающийся христианин, то Линч за этот эксперимент заплатил дорогой ценой. Но и его Господь просветил, направил так, чтобы все-таки смотреть на любовь в границах происходящего на земной поверхности, где встречаются реальные люди, и избегать стезей, полных капканов, избегать не только прелести, но и гибели тела и души.

– А Ларс фон Триер^[71]?

– Я по-настоящему беспокоюсь за душу Ларса фон Триера. Он как будто исчерпал все темы, не коснувшись истинной, он как будто ищет неприятностей ради неприятностей и сам попадает в них. Как бы то ни было, его голос – еще один голос вопиющего, но не из пустыни, а из северных скал, откуда мы слышали и голос Ингмара Бергмана, но как крик об истине, глубокой и настоящей.

– Остается ли у вас время для чтения? Что вы читаете, только ли книги, связанные с вашими исследованиями, специальную литературу? Что бы вы могли посоветовать нам?

– Да, книги, которые я читаю, связаны с тем или иным состоянием, в котором нахожусь, изменениями, через которые прохожу. Конечно, я открыт для очень разной литературы. Последнее, что попало мне в руки, это книга о церкви святой Параскевы в одном из ближних приходов, скромная, небольшая по формату, но за ней стоят очень интересные люди. И невозможно описать и исчерпать все, что рассказывали мне, когда дарили книгу. Просто в ней видите боголюбивых людей, о которых Божий Промысл заботится и чьими делами управляет. Вместе с той или иной книгой приходит человек, целый мир, намного более таинственный, чем описанный в самой книге. А вообще, книги, как и люди, бывают полными добродетели или

захваченными стихией страстей, одна книга поет, другая наставляет, третья – словно храм, четвертая – как могила. Одна благоухает, другая наполнена мертвыми костями, одна вас возрождает и исцеляет, другая отравляет и убивает.

Посоветовал бы книги: Священное Писание, молитвослов, «Охридский пролог», «Кассиана» и «Любостыньский стослов» епископа Николая Жичского, жития святых аввы Иустина (Поповича), патерик, «Старец Силуан» Софрония (Сахарова). Это книги на все случаи нашей жизни.

– Ваше Преосвященство, что стало причиной возрождения Крушевацкой епархии после 1833 года? Расскажите о вашей епархии, служении.

– Епархия возрождается в связи с насущной необходимостью православных христиан жить в полноте и богатстве церковного Предания. Епархия состоит из пяти наместничеств, здесь около девяноста приходов, служат девяносто восемь священников, расположено четырнадцать монастырей: Дренча, Наупаре, Руденица, Велуче, Любостыня, Лепенац, Стрмац, Милентия, Лешье, Свойново, Мрзеница, Бошняне, Плеш, Мойсиньская святая гора; на территории епархии проживает около двухсот тридцати тысяч человек; здесь тысячи православных христиан мученически пострадали за веру. Это край с хорошей экологией и интересной этнологической картиной. Людей отличает простота, доброта и даровитость, сочетающиеся с памятью о предках и сознанием своего прошлого.

Крушевац был и остается царским городом^[72], и будет стоять до тех пор, пока на это есть воля Божия. Надеюсь, что он выстоит во всем, что выпадет на его долю теперь и что ждет его в будущем. Я не настолько наивен, чтобы не знать и не видеть слабости людей и, конечно, прекрасных жителей Крушеваца. Я знакомился во время пребывания в этом чудесном городе и с тем,

что люди говорили о себе, о своих проблемах, трудностях и немощах. Но это, по нашему мнению, лишь составляющие их внешней жизни, только картинки о них, но далеко не все, что составляет неисчерпаемую тайну человеческого существа. Наша епархия недавно родилась, родилась как живое, здоровое, развивающееся дитя. Она пространна, населена православными христианами, достаточно богата и живописна во многих смыслах этого слова, чтобы можно было бояться за нее, что она не переживет своего рождения, она очень жизнеспособна и готова к росту и развитию. Ее верующие – деликатные и сочувственные, простосердечные и добронамеренные, дружелюбные люди с развитым самосознанием, большим жизненным опытом и знаниями.

– Ваши впечатления от епископского служения за эти несколько лет?

– Личные впечатления епископа Крушевац-кого таковы, что можно свободно сказать: вся церковная жизнь в границах епархии проходит через его руки – руки епископа, тем самым – через его ум и сердце, душу и существо. Об этом можно богословствовать и

писать в литературном жанре. Тема – множество жизненных историй наших христиан.

– *Трудно ли управлять возрожденной спустя столько лет епархией?*

– Трудно настолько, насколько мы не сотрудничаем с Богом Духом Святым; и опять легко настолько, насколько мы с Ним сотрудничаем. Ответственность епископского служения абсолютна, ибо кому больше дано, с того много спрашивается. Недавно было совершено соборное крещение цыган в реке, одно из многочисленных в истории Святого Таинства Крещения с воспоминанием о крещении Христа в реке Иордан.

– Как привлечь людей в Церковь? Литургия – основа церковной

жизни, но не так много народа можно видеть на литургии, в чем причина?

– На святой литургии много больше народа, чем может показаться! Все наши пути ведут нас к литургии, точнее, они вводят нас в нее, в полноту Церкви, ибо все происходит под ее покровом; сама Церковь вытекает из нее. Следовательно, нужно прийти в Церковь, а там нас уже ждет святая литургия.

Свидетели истинной веры и живой Церкви, нашей православной веры и нашей православной Церкви всегда были, они есть сейчас, будут и потом. Духовная соль и свет всегда есть в Церкви, ибо ее созидает Сам Господь Святой Дух. Людей до покаяния больше интересуют мирские внешние предметы, но потом их начинает интересовать непреходящее богатство Церкви – святые добродетели, но прежде всего святая Божественная благодать, иными словами – Богочеловек Господь Иисус Христос.

– А какие отношения в епархии между священством и народом?

– Опять же – это иконичные отношения Христа и апостолов, учеников и всех, кто окружал Его, чтобы быть с Ним, быть Его, собираться вокруг Него. Так же епископ со священством и верным народом находятся в той иконичной и реальноблагодатной роли тех, кто ожидает прихода Царства Божия, реальность которого они предвкушают в зависимости от их добродетелей, надежды, веры и любви, в которых они вместе снова и снова совершенствуются.

– Владыка, о многом еще хотелось бы вас спросить, возможно, вы сами хотели бы выделить какую-то тему, проблему?

– Первое, что хотелось бы сказать, связано с проблемой искусственного оплодотворения. Сострадая печали супругов, не имеющих детей, я выражаю опасение, даже страх и, наконец, несогласие с некоторыми способами добиться деторождения. Конкретно, нельзя согласиться с тем, что происходит в процессе искусственного оплодотворения ради появления нового человека. Не будем настолько наивными, чтобы легко переступать через тот факт, что в момент выбора одного из существующих эмбрионов самую дорогую цену платят другие эмбрионы, также имеющие душу, платят своей будущей жизнью – их уничтожают.

Современный мир стал химической лабораторией, в которой каждый человек совершает эксперименты, чтобы найти камень мудрости, эликсир молодости и непобедимое оружие. А где во всем этом дети?!

Не все, но многие женщины не хотят детей, когда могут их иметь, и хотят, когда уже иметь их не могут. Поэтому прибегают к лабораторным опытам, экспериментам, будь что будет, что in

vitro даст! Если это дитя и родится лабораторным путем, сможет ли оно, когда повзрослеет, иметь своих детей? Сможет ли сориентироваться в лабиринте эмоций и совести, когда однажды поймет, что его рождение стоило жизни нескольких других душ, человеческих личностей?!

Второе, что хотелось бы подчеркнуть в связи с нашими теперешними народными трагедиями: да храним свое душевно-телесное здоровье, чтобы погасить эпидемию рака, невозможность иметь детей, самоубийства и другие. Необходимо прекратить уничтожение народа абортами, то есть убийством живых человеческих личностей! Следует прекратить самоубийства, положить конец наркомании, криминалу! Необходимо остановить уничтожение сел и сельской жизни, разорение сельских хозяйств, скотоводства, виноградарства, других видов земледелия, народных ремесел, народной жизни в совокупности.

– Владыка Давид, в заключение могли бы вы нам дать совет или наставление, что наиболее важно сейчас, в нашей теперешней жизни, на что обратить особое внимание?

– Да... самый простой и самый сложный вопрос. Ответ на него означал бы учительскую позицию. Сказал бы, что очень важно соблюдать равновесие между крайностями и следовать тому, что мы читаем у Матфея, и у Марка, и у Луки, и у Иоанна.

Плоды послушания

Ирина Войводич

«До замужества я работала, мне знакома и эта сторона жизни, честно сказать, я не жалею, что отказалась от карьеры, истинный смысл моей жизни – дети, – говорит Ирина Войводиц, переводчик и преподаватель, мать одиннадцати детей, – хотя никогда не думала, что у меня будет такая большая семья».

– Ирина, расскажите об истории вашей семьи. Откуда родом ваши родители?

– Оба моих деда погибли в лагерях, один в Черногории, другой в Боснии, я их не знала. Бабушка со стороны отца – Катина, гречанка, верующая, благочестивая. Митрополит Амфилохий был с ней знаком. В Черногорию она попала в связи с гонениями на греков в Малой Азии, она нам об этом рассказывала. Ее мать Зои, моя прабабушка, родилась в Царьграде. Бабушка учила нас греческому языку. Интересно, что она, гречанка, сохранила Славу – святого пророка

Илию, вышла замуж за черногорца родом из Цетине и праздновала его Славу, у них было восемь детей. Мы, внуки, часто просили ее рассказать о своей жизни, спрашивали, как она вынесла все испытания, выпавшие на ее долю, а прожила она сто лет, и эти рассказы стали своего рода руководством в жизни.

Она родилась в 1910 году, пережила все войны, Первую мировую, Вторую мировую. Однажды в ее доме находился итальянский штаб. Овдовела, одна несла все тяготы, но мы никогда не видели ее раздраженной, печальной, она только повторяла: «Терпи, душа моя, Бога ради». Да, так она нас учила, и это очень важно, часто я вспоминаю ее слова. Говорила: «Не знает сам человек, сколько может выдержать». В ее комнате всегда горела лампадка, а она сама светилась любовью и надеждой. Бабушка оказала на меня очень сильное влияние.

Папа тоже родом из Черногории, которая нам очень близка, а мама из Боснии, мы земляки с владыкой Липлянским Йованом, из соседних сел. Когда мы встречаемся, то так и приветствуем друг друга: «Земляк!» Это многострадальный край, все мужчины из нашей семьи уходили на войну, многие погибли. В этом году я наконец там побывала после двадцатилетнего перерыва, с тех пор как вышла замуж и занималась детьми, не была, а в детстве часто туда ездила. Мое детство вообще наполнено путешествиями, мы постоянно ездили то к маминим, то к папиным родным, а это важно, это выстраивает личность, потому что чувствуешь единство, семейную любовь. В Боснии люди очень непосредственны, открыты, не умеют лукавить, всегда говорят как есть, в Черногории тоже очень хороший народ, есть свои особенности.

– Как бы вы охарактеризовали эти особенности?

– Я бы сказала, что в Боснии народ отличает мягкость, доброта, как у нас говорят, «мягкий, как душа», а в Черногории – отвага, сила, твердость, в хорошем смысле, потому что есть твердость и негативная. Поэтому знаю и свидетельствую, что человек несет все из раннего детства, и важно, где он был, кого встретил.

– Владыка Йован рассказывал об этих краях, о народе, который постоянно готов сложить голову за веру, люди просто рождаются, чтобы пострадать за веру, страдания не кончаются.

– Да, они постоянно на страже своей веры. Есть у нас эта черта – «за истину», и ее нельзя не заметить. Вот вижу ее и у одного моего родственника, который собирается поступать в семинарию, он так хранит чистоту, искренность, просто до слез. Не знаю точно цифры, но известно, что в монастырях очень много людей из Боснии, даже говорят, что благодаря им сохранилось монашество. Считается, что боснийцы сильны в монашестве, во всяком случае, так говорит устное предание. Воины они, да, воины.

– Известна ли судьба вашего дедушки, который погиб в Боснии?

– Дедушка пострадал от усташей в лагере, и другие наши родственники так пострадали, кратким был их век, умирали от последствий мучений в лагерях. Мой папа тоже находился в лагерях, но я была маленькая и не помню все мамины рассказы. Знаю, что ее младший брат родился в лагере, в Тузле, и она сама была в лагере с матерью. Очень трудная судьба.

Мама родилась в 1945 году, а в 1949-м, совсем девочкой, перешла жить к сестре, помнит, какой трудной была жизнь. У бабушки, ее мамы, было тринадцать детей, она тоже рано осталась вдовой. Я подчеркиваю это, потому что у них можно многому научиться, если посмотреть, как эти женщины боролись, как мужественно несли все, что случалось в те времена.

– Матушка Ирина, где вы родились, каким был ваш путь?

– Сестра, брат и я родились в Белграде, родители жили и работали здесь. Жили скромно, ютились в маленькой двенадцатиметровой комнате. Маме тоже приходилось работать, а с детьми некому было сидеть. Мама обратилась в католический монастырь, который был по соседству, спросила, не смогут ли монахини присмотреть за двумя девочками, она рассудила, что это будет лучшим местом для нас, ведь не было денег нанять няню. В монастыре такой практики не было, но монахини пошли нам навстречу и согласились, так что мне с раннего детства запомнились богослужения и мессы под орган. Мы с ними до сих пор в добрых отношениях, поздравляем друг друга с Рождеством

и Пасхой, они и позже помогали нам, посылали необходимые для школы предметы.

– *А где они сейчас?*

– Те сестры? Здесь, они словенки, из Словении, как раз сегодня утром прота Деян рассказывал, как они приветствуют друг друга словами «Хвален Иисус», говорил, что люди не должны их бояться, избегать, а я по опыту знаю, что они очень хорошие женщины. Так мое детство прошло в Белграде и в постоянных путешествиях в Боснию и Черногорию.

– *Чем занимались ваши родители?*

– Мама работала в библиотеке факультета политических наук, интересно, что впоследствии она сама окончила факультет марксизма. Папа после вечерней школы и института нашел хорошую работу. Тогда мало знали о вере, родители не были церковными людьми, но как-то носили веру в себе и потом, когда зять стал священником, а дочь попадъей, показали открыто.

Когда родители вышли на пенсию, то уеха ли в Черногорию. Мама два года назад умерла, она была моей главной поддержкой, не все одобряли мою многодетность, а мама всегда поддерживала. И папа, и мама родились в семьях, где было немыслимым дурное слово на эту тему, и они очень меня поддерживали. Каждое лето мы приезжаем в Черногорию, дети проводят два месяца на море. У моих родителей был дар общения с детьми, что случается нечасто, – разговаривать с назиданием, исправлять их, и это очень драгоценно. Дети любят, когда им уделяют внимание, обсуждают с ними их проблемы, я сама бы хотела быть такой матерью, уметь разговаривать с детьми обо всем, что их беспокоит. Моей маме свойственна большая жертвенность, она всю себя посвящала другим, у нее было очень милосердное и сострадательное сердце, помогала, даже если лично не была знакома с человеком. Она умерла от рака, и даже ее уход стал примером для нас, примером достойной кончины. За несколько дней до смерти она причастилась, пыталась нас ободрять, не разрешала скорбеть. Похоронили ее в монастыре, так благословил митрополит Амфилохий.

– *Ирина, как складывался ваш путь к вере? Когда вы пришли в Церковь?*

– Когда я была студенткой, училась на третьем курсе филологического факультета, мной стала овладевать какая-то печаль, ощущение пустоты. Интересно, что однажды я сидела перед храмом Святого Марка грустная-прегрустная и услышала, как профессор Предраг Миодраг договаривался с кем-то о прослушивании в церковном хоре и назначил желаемым время, я запомнила и пришла. Он спросил: «Как вы узнали о

прослушивании: по радио или из объявления?» – я ответила: «Нет, тут услышала, в кустах». Он улыбнулся, прослушал меня и принял в хор. Так я начала петь в церковном хоре храма Святого Марка, со мной вместе тогда были и Дивна Любоевич, и моя будущая кума Елена, которая училась на богословском факультете.

Елена рано осталась без родителей, выросла и училась в монастыре Гомирье в Хорватии, где ее тетка была игуменьей, ее воспитали монахини. Видя, что студенческая жизнь дается мне с трудом, ведь приходилось и работать, она позвала меня поехать с ней вместе в монастырь. И когда наступили летние каникулы, мы с Еленой поехали в Гомирье, он посвящен святому Иоанну Крестителю. Там я провела два месяца, пела на клиросе. Елена посоветовала мне взять в монастырской библиотеке «Лествицу», что для неопытного верующего нелегко, но эпилогом этих каникул стало то, что в день монастырской Славы меня крестили, а Елена стала моей крестной.

Ей удалось передать мне и любовь к богословию, она обещала мне помочь, если я захочу поступить на богословский факультет. И вскоре параллельно с филологией я начала изучать богословие, совмещая все это с работой, а работала в ночную смену в переводческом отделе издательства «Политика». После ночной смены шла на занятия. Нелегко было, но я полюбила богословие и очень хотела окончить факультет. Тогда сотрудники издательства получали бесплатно журналы и другие издания, а я передавала их владыке Афанасию (Евтичу).

– Он преподавал на факультете? Вы там познакомились и с митрополитом Амфилохием?

– Помню, как на первой лекции митрополита Амфилохия каждый студент должен был встать и представиться, рассказать о себе. Я была очень застенчивой, сидела и думала: «Встать или сбежать?» Но все-таки собралась с духом, встала, назвала свое имя, сказала, что крестилась в монастыре Гомирье, а наш владыка очень любит этот монастырь. Это самый западный сербский монастырь, он находится в Хорватии, между Загребом и Риекой, и туда мало кто приезжает, вообще там мало народа, а вокруг эти мученические ямы, куда бросали сербов, и все монастырское поле было полно костями, когда его вспахали. Множество людей пострадало от усталей, и там это очень чувствуется, особая атмосфера. И вот митрополит очень удивился, что я была в Гомирье, а еще больше удивился, когда я рассказала о своей куме, которую он тоже знал, и про «Лествицу» рассказала.

На той первой лекции владыка упомянул и мою самую любимую книгу – «Маленький принц», которая особенно меня

утешала в той моей печали, и когда я услышала, что на лекции в университете обсуждают «Маленького принца», твердо решила остаться и учиться. После лекции я подошла к митрополиту и, как меня научили, спросила, может ли он быть моим духовником, и он сказал, чтобы я приехала к нему в город Вршац. Потом я часто ездила туда на исповедь, поговорить, посоветоваться. Владыка видел, что я взялась за трудное дело. Я была хорошей студенткой, но совмещать учебу на двух отделениях было сложно, начались проблемы, и он дал мне послушание сначала окончить италистику, а потом вернуться на богословский факультет. И я вот только недавно закончила первое образование, получила мастер-диплом по итальянскому языку и литературе. Вышел большой перерыв в богословском образовании, и я недавно ходила в Патриархию, чтобы обрадовать митрополита дипломом и напомнить ему о благословении продолжить учебу на богословском. Он ответил, что благословение действительно, но учиться следует не на общем курсе, а на мастер-курсе. Не знаю, что получится, сейчас читаю догматику, нужно сдать десять экзаменов по специализации, чтобы поступить на мастер-курс.

– Но многие предметы вы уже знаете?

– Ну да, да.

– Почему вас привлекли именно итальянский язык и литература?

– Решила поступать на это отделение накануне приемных экзаменов. В школе и в филологической гимназии учила русский язык и знала его очень хорошо, однажды заняла первое место на городском соревновании по русскому языку среди школьников. Членом комиссии был профессор Андрей Тарасьев, хотя в то время мы еще не были знакомы. Почему я об этом говорю, моя учительница ожидала, что я буду поступать на отделение русского языка и литературы, а я не могла решить, куда поступать. Мама не хотела вмешиваться в мои решения. До сих пор не знаю, почему поступила на итальянский, но вот так получилось. Правда, еще до знакомства с митрополитом я училась в Италии, в университете для иностранцев, но недолго, около месяца. А позже, уже по благословию митрополита, поехала туда снова, работала в одной семье, потому что, пока училась, приходилось тяжело материально. Это было чудесно, владыка благословил меня пойти в русскую церковь в Риме к его другу, с которым он учился на отделении классической филологии: «Иди к нему, он тебе во всем поможет». Его друг, профессор Антонио Селен, был алтарником в русской церкви и преподавал итальянскую литературу, его помощь была драгоценной. Помню, что вернулась от профессора с полной

сумкой книг из его же библиотеки, которые он мне подарил, потом посылал мне ценные книги по почте. Но до сих пор затрудняюсь объяснить свое решение, почему выбрала именно итальянский язык.

Профессор Антонио общался с владыкой Афанасием (Евтичем), я их связала, владыка посылал ему свои труды по патрологии, он преподавал патрологию. Профессор был исключительным человеком. Мы переписывались, он ободрял меня, поддерживал, убеждал обязательно окончить факультет, зная, насколько напряженной была работа над дипломом, велик объем материала, как было трудно.

– *Диплом вы писали на какую тему?*

– Там сдают не работу, а литературу за весь курс, с начала до конца. Мне достался Данте, и письменный, и устный.

– *И в итоге вы преподаватель итальянского языка и литературы?*

– Да, преподаватель, но я только сейчас начала следить за конкурсом школьных преподавателей, у нас в некоторых начальных и музыкальных школах преподают итальянский, дала объявления о частных уроках языка. Я не работала, пока один за другим рождались дети, и, слава Богу, могла быть с ними постоянно. Эту квартиру мы купили с помощью Церкви, очень нам помог Патриарх, но пока мы в долгах, и я должна включаться в работу. Хорошо бы найти работу судебного переводчика, потому что можно работать дома.

Да, еще я в то время переводила с итальянского на сербский сборник для богословского факультета на тему «Примат апостола Петра». Его переводили на многие языки для какого-то международного конгресса, редактором был владыка

Ириней (Булович). Я с наслаждением работала над этим переводом. А до этого по послушанию митрополиту Амфилохию переводила с латинского святого Амвросия Медиоланского, нужен был сравнительный перевод с латинского и итальянского, и я переводила параллельно с каждого языка.

– *Переводили для собрания сочинений?*

– Да, мне досталась часть о «Тайне воплощения Христа». Это мои занятия, не связанные с домом и детьми.

Когда еще не была замужем, а затем в самом начале семейной жизни пела в церковном хоре. Это тоже интересный опыт. Сначала мы создали хор в Раковице, в храме Варфоломея и Варнавы, а потом основали хор в церкви Святого Мученика Георгия. Я водила туда и детей, они пели в хоре.

– *А сейчас дети поют в каком-то хоре?*

– Не в церковном поют, ходят в музыкальную школу, они у

нас, как подрастают, учатся в музыкальной школе. Четверо уже окончили, трое еще учатся. Я тоже окончила начальную музыкальную школу, и профессор Миодраг Предраг пригласил меня быть его ассистентом, потому что с хором богословского факультета нужно было репетировать, и это тоже очень оказалось полезно. Он возил нас по монастырям, где служил Патриарх Павел. И что еще важно, я занималась в хоре профессора Димитрия Стефановича, известного музыковеда, члена Сербской академии наук. Тогда в хоре богословского факультета пели и теперешний владыка Максим, тогда Миша, и владыка Игнатий (Мидич), еще мирянин, он преподавал греческий язык на факультете. В те времена училось не много студентов и у нас была возможность близко общаться с владыками.

– *Кто еще преподавал тогда на богословском факультете?*

– Владыка Афанасий (Евтич) преподавал патрологию, Владета Еротич преподавал пастырскую психологию, владыка Амфилохий тоже пастырскую психологию, они делили предмет, отец Владан Перишич, тогда он еще не был священником, преподавал философию. Одно время я помогала владыке Афанасию (Евтичу), компьютеры только появились, а я работала в издательстве «Политика» и могла принести программу на кириллице. Он не хотел работать на латинице, я что-то и печатала для него, это тоже драгоценный опыт, очень драгоценный. Какое-то время работала для студенческого журнала «Логос», тогда же основанного, вместе с владыкой Максимом и с отцом Иеронимом, ковильским монахом, он сейчас в Риме, в аспирантуре, и еще был один монах. Прекрасная была команда, надеюсь, что и там сейчас так же, все больше людей приходит.

– *Где вы познакомились с вашим будущим супругом, отцом Василием?*

– Мы познакомились в церковном хоре, в храме Святого Мученика Георгия.

– Он тоже пел в хоре?

– Да, пел в хоре и учился на юридическом факультете, посещал старца Фаддея^[73]. Меня пригласил регент в помощь хору на ранней литургии. С этим моментом связана своя история. Отец Василий тем летом был в Хиландаре. С одним хиландарским монахом мы вместе учились, и он был со мной в контакте,

посылал мне Священное Писание и другие книги. Он сказал отцу Василию, чтобы тот обращался ко мне за всем, что будет нужно в связи с Церковью, и дал мой телефон. Васа мне потом так это исповедал: «Подумал: что это за девушка, которая изучает богословие?» – и решил, что не будет звонить, и не звонил. Когда я пришла петь в хоре храма Святого Георгия, регент представил меня: «Вот, Ирина из храма Святого Марка, будет нам помогать», – Васа восторженно, подошел ко мне и рассказал о совете того монаха. Так мы познакомились, это было в день святого Арсения Сремского, мне это запомнилось. Вскоре он окончил факультет, а до брака мы встречались всего год.

– *Поняли, что вы нашли друг друга?*

– Да, хотя я была застенчива и боялась ответственности, поэтому митрополит иной раз шутит: «Кто бы сказал, что из тебя выйдет толк?» А я очень доверяю ему и, с Божией помощью, слушаюсь, хотя порой бывает тяжело. Он знает меня и подшучивает иногда. Однажды, когда мимо нас проходил Патриарх Павел, владыка сказал: «Ваше Святейшество, допустим, сестра Ирина была послушна, и вот, смотрите, – плоды послушания», – и показал на детей.

Мы подружились с Васой. Когда я вышла замуж, мне было двадцать пять лет. Должна сказать, хотя, может быть, это странно прозвучит, я не чувствовала себя зрелой для брака, и когда он сделал мне предложение, у меня от страха ноги отнялись. Надеюсь избежать согласия, ответила, что должна спросить благословения духовника. Митрополит тогда был в Цетине, это не близко, однако Васа сел в поезд и отправился к владыке, даже не будучи с ним знаком. Митрополит тоже его не знал, я ничего ему не говорила, потому что с тех пор, как он стал митрополитом Черногорским, мы виделись не так часто. Васа к нему приехал, представился, объяснил, для чего пришел, потом он мне рассказывал, как митрополит обрадовался.

И еще, когда училась, я часто ходила во Введенский монастырь, особенно любила ранние литургии, ранние службы. Бывала и у матери Михаила, она была моей духовной матерью. Меня очень тянуло туда, несмотря на все заботы и обязанности на факультете. Мой день начинался в монастыре, иногда даже приходилось ждать, пока монахини откроют ворота. Мать Михаила тоже, как и митрополит, не ожидала, что со мной что-то такое может случиться, и я тогда пришла к ней в надежде, что она мне поможет и остановит меня. Она меня выслушала, а Васа и у нее успел побывать вместе со своим кумом, и решительно сказала: «Не расстраивай Василия». Я очень удивилась. Когда митрополит приехал в Белград, мы пришли к нему в деканат поговорить, он

спросил: «Как хочешь – будем все вместе разговаривать или по одному?» Я была испугана и сказала, что хочу говорить одна. Это был своего рода предбрачный экзамен. Да, и еще важно, что митрополит часто благословлял меня жить в монастыре Острог и других монастырях, но никогда не настаивал на монашестве.

– *Вы собирались принять монашество?*

– Да, я очень хотела...

– *Значит, монашество вас больше привлекало?*

– Да, а митрополит тогда впервые прямо спросил: «Монашество или брак?» И мне было очень трудно, первое, что сказала, помню, сказала спонтанно, само вырвалось: «Я очень люблю детей». Владыка ответил: «Тогда брак». Я расплакалась, а он, как настоящий духовный отец, спросил: «Каков этот Васа?» Что сказать? «Хороший!» (Помню, что, когда первый раз была у него во Вршце, я тоже плакала, были тогда другие переживания, и он мне объяснил, что такое духовный отец, что это самая тесная связь, которая есть на свете, и нет ничего похожего, что духовное чадо не может перечить своему отцу, и для меня это было основание, фундамент.)

– *Вы с будущим супругом любили друг друга?*

– Да, любили, но знаете, к чему это сводилось? Мы исходили пешком весь Белград, гуляли, говорили, обо всем говорили, и я совершенно не ожидала предложения. Может быть, глупо прозвучит, но я не знаю, что ответить на вопрос: «Как вы представляли себе брак?» Как будто я вообще не использовала голову для этих мыслей. Когда митрополит сказал: «Этот Василий совсем неплохой, давай послушаем твои соображения, что ты думаешь?» – я опять попыталась выкрутиться: «Я не умею готовить». «Научишься». И тогда я честно сказала, что опять же, наверное, стыдно для моих двадцати пяти лет: «Я хочу еще побыть ребенком!» Я имела в виду, наверное, обязанности, ответственность. А он мне: «Ну, это ребячество! Есть ли еще что-нибудь?» – а я только плакала. Поэтому митрополит и шутит так: «Допустим, она была послушной», – то есть внешне я сопротивлялась, но полностью доверяла владыке. Так это было, кроме того, я надеялась, что они оба дадут мне время подумать, что дождемся Великого поста, потом, пока пост пройдет, может быть, что-то еще изменится. Но владыка меня прочитал, как это обычно бывало, и благословил венчаться через две недели. Митрополит и Василий договорились, и я опять плакала, а они сели и записали венчание на 14 февраля – день святого мученика Трифона. А потом так случилось, что мы стали ходить в церковь Святого Трифона, а отец Василий в ней служит.

– *Где вы венчались?*

– В Цетине. Мы поехали в Цетине, митрополит нас венчал в церкви напротив монастыря, где захоронены царь Николай и царица Милена. Скромное венчание, в церкви холодно, а мы одеты в пальто, шарфы, в сапогах. После литургии в монастыре владыка сказал, что теперь пойдем в церковь на Чипуре. Кума спросила, успеем ли мы переодеться. Василий купил мне платье, а митрополит ей: «Поторопитесь, сразу идем!» И мы, как были с поезда, так и венчались. Как наш кум говорит, «бывают роскошные свадьбы, а потом – ничего, все напрасно». Так это было, может быть, необычно.

– *Отец Василий уже тогда решил стать священником?*

– Нет, он тогда только поступил на богословский факультет, в начале нашей семейной жизни сдавал экзамены и тоже не успел окончить.

– *После юридического окончил еще и богословский?*

– Да, но последний экзамен сдал, уже став секретарем на богословском факультете. Когда поступал, не собирался быть священником, позже решил, потом рукоположили в дьяконы, затем в священники. А вначале не знали ни он, ни я. А потом, уже в то время, когда Патриарх Павел был в больнице и его замещал митрополит

Амфилохий, Васа завел с ним разговор о священстве, и митрополит его благословил. Так он нас благословлял на все, с самого начала.

Однажды он пришел к нам домой, мы жили в квартире, которую Васа получил в наследство от отца. По сравнению с другими молодыми семьями, мы хорошо жили, обычно молодым приходится снимать жилье. Мы спросили владыку: «Как нам относиться к этому изобилию, как себя вести?» Он сказал: «Старайтесь еще больше», – такой нам дал совет. Еще сказал, что не нужно ждать, пока сложатся все условия, как сейчас принято, семья должна формироваться, несмотря на обстоятельства, а Господь все даст. И потом всегда поддерживал нас: «Большое благословение на многодетных семьях, ничего не бойтесь». А мать Михаила говорила: «Кого Бог сотворил, тому и рубаху скроил». Вспоминала я и слова бабушки Катины: «Каждому Бог даст свое счастье». Со временем мы сами убедились в справедливости этих слов. Когда отца Деяна спрашивают о нас, как мы живем, как это возможно, он отвечает: «Да что вы, люди, им вообще не так трудно, как вам со стороны кажется».

– *Как отец Василий реагировал на благословение митрополита?*

– Он был очень счастлив. Он уже помогал в алтаре отцу Деяну, делился с ним своими мыслями о священстве, отец Деян

после отъезда митрополита в Черногорию тоже был нашим духовником, мы исповедовались у него, он советовал Васе подождать, пока сложится ситуация, и мы ждали. Иногда бывали у отца Фаддея, пока он был жив.

– *Каким вы помните отца Фаддея?*

– Радостным. А я все беспокоилась, волновалась, все твердила митрополиту: «Какая из нас священническая семья?» Считала, что человек должен быть достоин этого, очень достоин. Но митрополит «оглох» к моим словам, уже знал меня, привык.

После того как Васа стал священником, наша жизнь сильно изменилась. Я бы сравнила это с тем, как рождается ребенок. Первые несколько месяцев в доме чрезвычайное положение, особенно когда много детей, каждый раз новая ситуация. Так было и тогда, после хиротонии отца Василия, как будто ребенок родился.

– *Как вы привыкали к новым условиям, какими были эти перемены?*

– Конкретно до этого мы все вместе ходили в церковь, в одно время, а теперь он должен был уходить раньше на проскомидию. Много изменилось, я и от других жен священников слышала, что им приходится брать на себя большую часть обязанностей в доме, больше жертвовать собой. Один греческий монах удивился, что меня не спрашивали, хочу ли я быть попадьей, потому что в Греции женщину обязательно спрашивают, готова ли она быть женой священника, представляет ли она себе, что это за жизнь, и некоторые отказываются. А когда причащаются жены священников, говорят: «Причащается пресвитера... (имя)».

– *Особое служение...*

– Да, так я это приняла, и Бог дает силы.

– *Как вы распределяете обязанности? Насколько вы участвуете в служении супруга?*

– Слава Богу, мы все чувствуем, что в доме священник. Скажем, раньше мы всегда носили освящать славский калач в церковь, а теперь Васа приходит с работы и освящает, и дети видят перемены, понимают, что папа священник. Когда идем в церковь, не говорят – идем к отцу Деяну, а к отцу Васе. Другое отношение.

– *Насколько дети участвуют в церковной жизни, помогают? Как дети чувствуют себя в церкви?*

– Да, маленькие еще со мной, в праздники и по воскресеньям, если они просыпаются, беру их с собой, взрослые достаточно сознательны, чтобы не пропускать воскресную литургию, а если знают, что по каким-то причинам не могут в воскресенье, идут в субботу, причащаются. Вот и сегодня Кристина, самая старшая, ей

двадцать лет, встала и поехала с нами. И митрополит благословил: «Пусть причащаются на каждой литургии, каждый раз, когда стоят под церковным кровом».

– *Ранний подъем не проблема?*

– Они привыкли, мы все время их водили с собой, да и оставить не с кем, всегда вместе.

– *Как дети ладят между собой?*

– Ну, всякое бывает, если ссорятся, мы не спешим вмешиваться, все-таки я двадцать четыре часа в сутки с ними, наблюдаю, смотрю, в чем причина, могут ли они сами понять, помириться или необходимо обсудить, что случилось, разобраться вместе. И они всегда знают позицию родителей.

– *Вы с отцом Василием всегда занимаете одну позицию?*

– По основным вопросам да, если случаются небольшие разногласия, со временем все проясняется, но в любом случае у нас не бывает сто и одной правды – всегда ясно, что хорошо, что плохо.

– *Чем занимаются дети? Старшие уже студенты?*

– Да, Кристина учится на юридическом факультете, второй курс, она очень нам помогает, мы не беспокоимся за нее: что учит, как учит, она очень трудолюбивая и приносит только отличные оценки. Йована на распутье, решает, куда пойти, ей математика хорошо дается, видимо, определится на естествознание. Стефан – в экономической школе. Остальные еще маленькие.

– *Сколько маленьких?*

– В средней школе трое, в начальной – четверо, трое маленьких со мной дома, ходят в садик, на подготовительные занятия.

Митрополит Амфилохий (Радович), отец Василий и Ирина Войвович с детьми

– Удастся ли вам защитить их от влияния телевидения, рекламы, стиля жизни, который сейчас навязывается?

– Насколько возможно, стараемся, наша молитва их хранит, особенно когда они куда-нибудь уезжают, когда понимаешь, насколько ты бессилен их защитить. Молимся Богу, Богородице, Им в руки передаем. Разговариваем с детьми, объясняем, что, несмотря ни на что, надо оставаться собой.

– В каком смысле?

– Как объяснить... Для детей то, что они живут не так, как остальные, своего рода бремя, особенно в городской среде. Случалось всякое, были и проблемы, обижали, дразнили. Правда, мы чаще только догадываемся, они не рассказывают обо всем, что происходит. Иногда пытаются подражать другим, быть похожими на остальных, что поделать – юность, так, наверное, кажется, что нужно. Разбивают лоб и понимают: нельзя так было. У всех, наверное, сходные проблемы из-за вечеринок, телевизора, компьютера. Хотя я все время дома, если меня нет, то пользуются максимально, когда я здесь, то каждому по полчаса. Их много, больше и не получается, к телевизору они наше отношение знают, и случаются напряженные ситуации. Но, слава Богу, понимают, исправляются.

– Как дети постятся?

– Да, это тоже вопрос. По благословению митрополита пост зависит от возраста детей, пока сознательно не начнут поститься, не поймут, постепенно приучаем. Для старших и средних первая и последняя неделя строгий пост, в середине послабление, не как у взрослых. Иногда младшие превосходят старших. Конечно, если кто-то хочет поститься целый пост, можно, я же готовлю на большую семью, готовлю постное, и они это едят. Когда дети были совсем маленькие, мы спрашивали отца Фаддея, необходимо ли давать мясо, он ответил: «Когда был ребенком, не лизнул ни разу, и все было хорошо». Мы передали его слова митрополиту, но он сказал, чтобы советовались с врачом, как детям поститься, а моя сестра – врач, и как-то нашли общее решение.

А старец Фаддей много мне помогал, в нем было много любви. Он помог мне разобраться в отношениях с родителями, я обращалась к нему еще до замужества, хотя тогда еще не ходила в церковь, потеряна была, в растерянности.

– Не ходили в церковь, а к отцу Фаддею ездили?

– Да, меня отвел к нему один человек из хора, я буду ему благодарна всю жизнь, его уже нет в живых, он видел мои блуждания и посоветовал обратиться к старцу Фаддею. Старец объяснил мне значение родителей, что они значат для каждого человека, вообще, отец Фаддей был известен тем, что, когда к нему приходил новый человек, он начинал рассказывать о том, сколько на земле страданий из-за того, что дети не чтят родителей. Он притчами говорил, но каждый узнавал в них себя. И мне он помог исправить отношение к родителям.

– Были проблемы?

– Скорее всего, юношеский бунт, когда думаешь, что ты умнее

всех. И опять же была известная ловушка: ты ходишь в церковь, а они не ходят! Отец Фаддей сказал: «Нет, нет, родители, если грешат, сами будут отвечать за свои поступки, а твое – любить их, и точка!» Васа тоже спрашивал его об этом, и старец сказал: «Кто старше – курица или яйцо? Известно, кто кого слушается!» Я ему очень благодарна.

Да, и когда мы уже поженились, мы ездили к старцу вместе. Однажды Васа советовался с ним, как себя вести, когда я молчу – вначале была молчаливой, потому что смущалась, не могла избавиться от страхов: как я буду хозяйкой дома? А если гости придут? Я была очень застенчивой, митрополит шутил: «Нет, все-таки из тебя выйдет толк!»

И Васа спрашивал отца Фаддея, что делать, он ему посоветовал: «Молчи, не реагируй, само пройдет». Васа послушался, иначе мы могли бы рассориться, кто знает, что могло быть, очень нам помог старец Фаддей.

– У вас одиннадцать детей, как их зовут – от старшего до младшего?

– Кристина, Йована, Стефан, Данило, Анастасия, Марко, Мария, Марта, Теодора, Йован и Максим. Родившихся в праздник мы называли именами прославляемых святых. Йована родилась на Богоявление, Мария на Успение, Анастасия получила имя по дочери царя-мученика Николая II, Максиму имя дал митрополит, он родился в праздник святой Ангелины Сербской, 12 августа, а у нее были сыновья Максим и Йован. Йован у нас уже был, и владыка назвал его Максимом, мы послушались без раздумий.

Мы и представить себе не могли, что у нас будет столько детей, но я ни разу не пожалела о своем решении.

– Как проходит ваш день?

– Проносится как миг, в делах, в заботах. Отец Деян иногда мне говорит: «Тому, кто трудится, нет времени осуждать и грешить». Не знаю, так ли получается у меня, но дел много, и это хорошо.

– Как вы выдерживаете такой ритм, остается ли время для отдыха, есть ли у вас с отцом Василием время друг для друга?

– Васа обычно возвращается около шести, раньше, пока был мирянином и работал в банке, приходил в восемь-девять, что поделаешь, капиталистический метод. Я весь день одна, утешалась бабушкиными словами: «Терпи, душа, терпи». Одиноко было, целыми днями одна с детьми, Васа помогал, конечно, но после работы много не сделаешь, поздно, а завтра новый день и поговорить надо, обсудить, что за день произошло. Сейчас мы можем разговаривать о чем-то важном, только когда дети засыпают, при них мы стараемся не говорить о том, что не для

детских ушей. И сейчас у отца Василия очень много работы, большая ответственность, декан постоянно к нему обращается.

– *Вы помогаете детям и их школьным друзьям готовить уроки?*

– Да, стараюсь, чтобы они учились с любовью, чтобы не видели в учебе только обязанность. Иногда в игре учимся, стараюсь их заинтересовать, научить и творческому подходу, и дисциплине.

– *Кроме школы есть занятия?*

– Да, со второго класса они занимаются спортом, излишек свободного времени сейчас может быть губительным, я за этим строго слежу, чтобы не включали часто компьютер, чтобы занимались чем-то полезным, читали.

– *Устаете?*

– Иногда думаю: как же мудро, что приходит ночь, что бы мы без нее делали? А утром все хорошо, встаю, и можно идти дальше, наверное, привыкает организм. Когда училась, уложу днем детей, сажусь учить, или вечером учусь, когда лягут спать. Совесть не дает раньше лечь: сколько еще работы осталось! Днем спать некогда, ни у меня, ни у отца Василия такой возможности нет. Когда он днем дома, занимается со старшими латинским и французским, они учат в гимназии эти языки, историей, географией. Они достаточно самостоятельны, знают, что не могут слишком полагаться на нас и должны со всеми своими делами справляться сами. У каждого есть какие-то обязанности по дому, иногда дети договариваются между собой, меняются, и если что-то не сделано вовремя, всегда известно, кто за это отвечает. Дел всегда хватает, и неплохо, что они учатся работать.

– *Как вы празднуете Рождество, Славу?*

– На Рождество все сосредоточено на богослужении, в бадньи дан^[74] и сам день Рождества, потом со всех сторон приходят положайники^[75] – к нам идут и нас к себе зовут. А мы не успеваем, и договорились так, что положайники приходят накануне Рождества.

На Славу у нас для себя совсем не остается времени, празднуем обязательно три дня, много гостей приходит, не меньше ста человек, третий день – детский, чтобы они могли позвать своих гостей, мы стараемся отойти в сторонку, чтобы они чувствовали, что это их день.

– *Как вы пережили бомбардировки, где вы тогда находились?*

– Да, это тоже удивительно. Старшая дочка тогда заболела, осложнение с гландами, ей приходилось даже спать сидя, чтобы не задохнуться. Врач рекомендовал отвезти ее на море, мы поехали к родителям в Черногорию, и начались бомбардировки.

Вместо двух мы оставались там четыре месяца. В Черногории бомбили два-три дня, там, где мы были, почти не чувствовалось, а в Белграде было страшно, но наши дети не испытали ужаса.

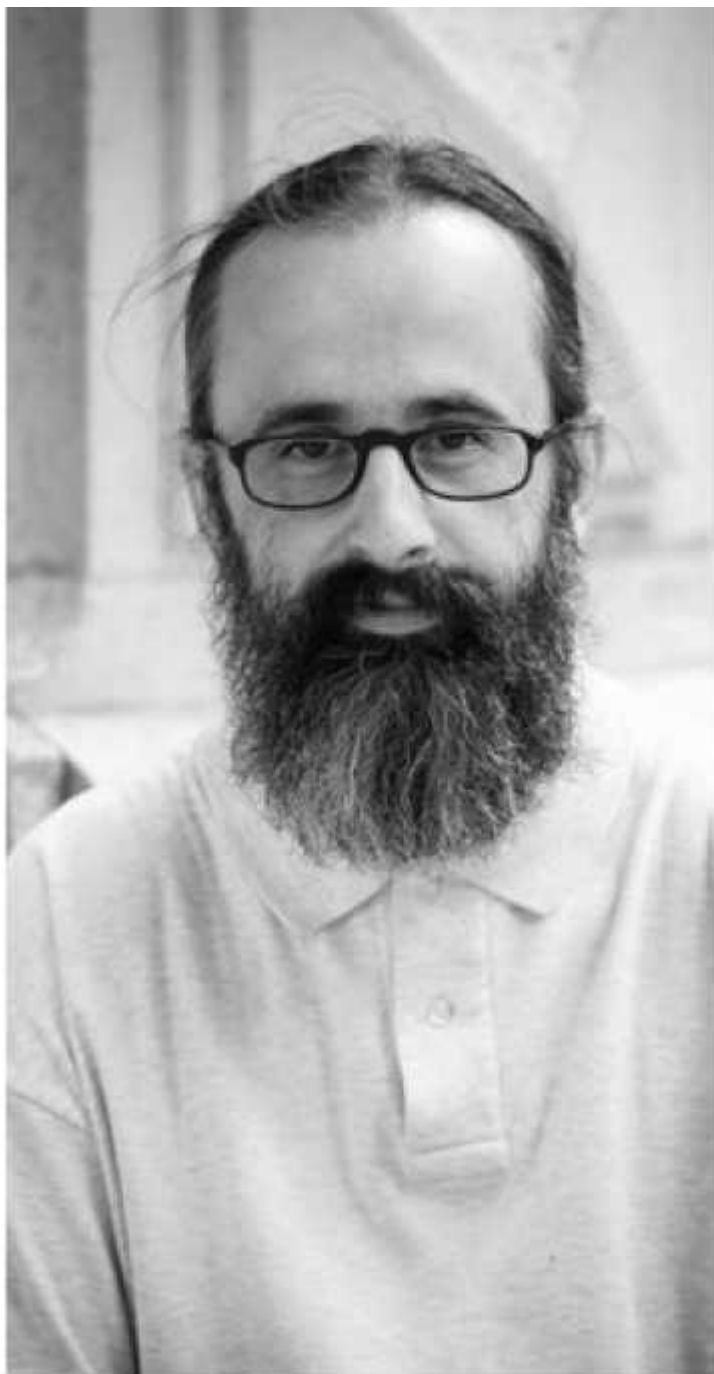
За эти месяцы я поняла, что значит жить в семье. Когда мы венчались, митрополит спросил, где мы будем жить. И когда Васа сказал, что у него есть квартира, владыка обрадовался: «Так лучше!» Я удивилась, думала, что он скажет, что лучше в родительской семье, но потом и сама поняла, что так лучше, так нам легче было приспособиться друг к другу, вместе расти, создавать свой дом. И еще на своем опыте поняла справедливость слов старца Фаддея, что любовь развивается в браке.

Свобода непростое дело, надо все успеть, нужно самим справляться со всеми обязанностями, расставлять приоритеты, что лучше сделать сейчас, что можно оставить на потом, а всего не успеть никогда. К ночи падаю без сил. Когда старшие дети вечером уходят гулять или в гости, не ложусь, пока не вернутся, чтобы они знали, что их ждут, да и малыши просыпаются по два-три раза за ночь, встаю к ним. И вижу – другие спят, одеяла сползли, сами холодные, закутываю их, а если бы спала, кто знает, когда бы я сама встала. Дети – моя радость, как я и исповедала тогда митрополиту.

– Что бы вы могли посоветовать молодым людям, которые собираются создать семью, ведь у вас такой удивительный опыт и ваша семья может быть примером для многих?

– Да, мне часто говорили, что наш пример вдохновил других иметь больше детей. Правда и то, что говорит отец Деян: изнутри все выглядит не так страшно и тяжело, как кажется со стороны. Господь помогает, и мы никогда не чувствовали оставленности, не дай Бог, голода, каких-то особых лишений. Митрополит сказал, что многодетным семьям дается большое благословение, и мы это чувствуем. Я бесконечно радовалась каждому ребенку, не боялась: как я буду? что будет? Хотя сложностей встречалось немало, но они никогда не могли уменьшить радость.

Музыка, которая очищает

Игор Зироевич

Игор Зироевич – автор уникального труда «Антология Божественной литургии» – первой в истории сербской богослужебной книги византийского пения. Родился в 1977 году в городе Требине. Учился церковной музыке в Греции, в 1997 году окончил Афинскую консерваторию, продолжает обучение в аспирантуре. Занимается гимнографией, расшифровкой древних сербских, славянских и греческих рукописей, изучением теории музыки, музыкальной палеографии, пишет научные труды и статьи, создает музыку для пения на церковнославянском, греческом и сербском языках, руководит хором, преподаёт церковное пение во многих сербских и греческих монастырях. Основатель и профессор школы византийского пения, основатель Научно-исследовательского центра «Троеручица». Записал шесть CD-дисков (три двойных CD). Изучает хиландарскую рукописную библиотеку, готовит издание подробного каталога музыкальных рукописей этого монастыря. Также занимается изучением сербского народного пения.

– *Игор, где вы родились, каким было ваше детство, семья?*

– Я родился в праздник святого пророка Илии 2 августа 1977 года в Требине, прекрасном городе на востоке мученического края Герцеговина. Мои родители – сербы, Требине вообще преимущественно населяют сербы. Там я вырос, окончил школу и получил общее музыкальное образование. Мой покойный отец Любо был доктором технических наук, руководил одним из самых крупных предприятий города и преподавал в университете, мама Нада работала на том же предприятии инженером, сейчас она на пенсии и живет в Требине, часто бывает в Белграде и Афинах. Мой старший брат Владан, одаренный программист, живет с женой и четырьмя детьми в Белграде. Наша семья происходит из края Браичевичи в Герцеговине. Мой покойный дед Владимир был государственным служащим, переселился в Требине и остался там до конца жизни. Уже взрослым я узнал, что наш род известен тем, что с давних времен из него вышло много священников и монахов. В семейном древе я не нашел конкретных данных о тех моих предках, но в краях, где живут Зироевичи, мне часто об этом говорили.

Хорошо мы жили в Требине, в нашем доме не было изобилия, но и не бедствовали. Моих родителей очень уважали в городе, можно сказать, наша семья была известна и почитаема благодаря характеру моих родителей. И отец, и мать нас учили, что в семье должен быть порядок, и мне это очень помогло в жизни.

Конечно, самым тяжелым стал военный период, отец и брат ушли на войну^[76], я с мамой остался дома, каждый день погибали люди – соседи, родные, знакомые, друзья... Очень

тяжелое время было, но, несмотря на все трудности, мы еще больше сблизились.

После войны я окончил среднюю школу и уехал в Белград, здесь поступил на дошкольную педагогику, но учился там только год. Лето 1997 года провел в Греции, на Святой Горе, главным образом в монастыре Ватопед. А осенью приехал в Афины и стал изучать византийскую музыку. Впоследствии я преимущественно самостоятельно изучал музыку, мое особое внимание привлекали музыкальные рукописи Афинской народной библиотеки и библиотеки на Святой Горе. Как только в Афинах открылось отделение аспирантуры по византийской музыке, я сразу же поступил туда и успешно окончил, это было в 2002 году. В эти годы я встретил свою будущую супругу, Марию Дзамурани, православную гречанку, она занимается иконописью, в январе 2007 года мы обвенчались. Господь подарил нам четверых детей, у нас две дочки и два сына. Мы живем в Афинах, хотя моя работа связана не только с Грецией, но со многими областями, находящимися под юрисдикцией Сербской Православной Церкви, и вообще со славянскими краями. Так что физически я нахожусь в Греции, а думами и любовью всюду, где живут православные христиане.

– *Каким был ваш путь к Богу, в Церковь?*

– Путь человека к Богу – всегда большая, удивительная тайна, таким был и мой путь. Мои родители люди прекрасные, благородные, нравственные, но церковной веры они не знали, мама даже не была крещена. Не крестили и нас с братом, хотя семья праздновала бадњи дан, Рождество, Пасху, Славу, чтילה Великую Пятницу. На Славу – святителя Николая – у бабушки собиралась вся семья, все родные, отмечали праздник за трапезой, по сути, мы праздновали церковные праздники, но без Христа. Однако по великой любви Божией в эти минуты благодать только Богу известным образом касалась моего детского сердца. Помню, что всегда в те дни мной овладевало какое-то особое чувство, как будто благодать готовила путь моего возвращения к Богу. Проходили годы жизни без Бога, вне Его Церкви, а Он все время был близко и становился все ближе, и часто моя душа чувствовала сильную жажду Его (Которого в то время, в коммунистической Югославии, официально не существовало). Много позже, когда я уже пришел в Церковь, читая святого Силуана Афонского, понял, что это была благодать Святого Духа.

Помню, как в какой-то энциклопедии я «случайно» нашел репродукцию древней сербской фрески с изображением святого Симеона Мироточивого. Удивительная сила, исходящая от этой

иконы, долго не отпускала меня, я часто открывал книгу и смотрел на икону, чтобы усладить и согреть душу, ничего не понимал, но знал, что мне хорошо. Еще в средней школе я со своими товарищами участвовал в любительской театральной постановке, мы играли на гитарах. Режиссер Педжа Джурич в то время уже был церковным человеком, однажды он отвез нас в монастырь Тврдош, в котором в то время уже находился епископ Афанасий (Евтич). Тогда в монастыре я ощутил, что там есть нечто, что я не умел выразить и не умел искать, но знал, что именно этого я жаждал в глубине души! С тех пор вместе с моим товарищем из театра, который вскоре стал моим крестным, я стал частым гостем монастыря. Сначала ездил туда каждое воскресенье, а со временем все чаще, бывало, что в неделю я бывал там по восемь раз. Это было чудесное время. Война, горе, боль, смерть вокруг нас, а несколько молодых людей идут пешком пять-шесть километров, чтобы успеть на литургию в монастырь Тврдош. Несмотря на всю окружавшую нас тьму, благий Господь принес столько света в нашу жизнь! Я разговаривал в монастыре с отцами, читал, молился, это был огромный переворот в моей жизни! Такой большой и неожиданный, что мне больше ничего не было важно! Но он вызвал бурную реакцию в семье, даже среди школьных учителей. Папа с мамой отождествили мое обращение с решением принять монашество и активно сопротивлялись воцерковлению. Они не были против того, чтобы я ходил в церковь, но сама мысль о монашестве вызывала бурю негодования.

Три года, пока я не уехал в Белград учиться, оказались очень тяжелыми. С одной стороны, я переживал серьезное внутреннее перерождение, а с другой – вокруг меня пылала не только гражданская война, но и война непонимания с самыми дорогими мне людьми, которая больно ранила меня. Однако я очень благодарен Богу за те дни, так как именно тогда я разобрался и в себе, и с моими близкими, понял, как должен жить. И представьте, спустя два года чудом Божиим мой старший брат крестился и пришел в Церковь, а спустя еще несколько лет в Церковь пришли и мои родители. Слава Богу, буря была сильной, но мы все вместе все-таки пришли к тихой гавани. И родители не просто вошли в Церковь – когда я вспоминаю, какой была кончина моего папы, невольно думаю о благословенных кончинах, о которых мы читаем в житиях святых! Слава Богу!

– Когда вы начали заниматься музыкой? Что повлияло на ваш выбор?

– Влечение к музыке, музыкальная одаренность проявились, как мне рассказывали родители, в раннем детстве. Я любил брать у мамы деревянные ложки и бить в них, получалось точно в ритме той музыки, которую мы слушали. Или вот расскажу один симпатичный случай из моего раннего детства. Мне не было еще

двух лет, как-то я сидел на пляже и держал в руках два камешка, рядом с нами расположился немецкий турист с радиоприемником, из которого звучала музыка. Как менялись песни, так же менялся ритм, с которым я стучал камешками. Тот господин был настолько удивлен, что поднялся с места и сфотографировал меня с камешками. Я храню эту фотографию как дорогое воспоминание. Упоминая об этом эпизоде, хочу показать, что мой дар не связан с моими заслугами и трудами, но дан Богом по Его великой любви.

Но, кроме дара Божия, решающее значение, верю в это, на меня оказали мои близкие. И папа, и мама очень хорошо пели, отец в молодости играл на гитаре, на ударных инструментах, пел в хоре. Родители очень часто пели с друзьями, которые приходили в наш дом, пели и вдвоем, у них были очень хорошие голоса. И конечно, каждый день в доме звучала музыка, мы слушали разную музыку, но интересно, что это всегда были веселые, ритмичные и очень мелодичные песни. Такой была атмосфера, в которой я вырос.

Когда мне исполнилось восемь лет, родители, к моей великой радости, отдали меня в музыкальную школу на отделение классической гитары. Это стало третьим, очень важным моментом в моем развитии. Учителями, особенно последние четыре года, были прекрасные музыканты, прекрасные люди, они умели передать детям свою большую любовь к музыке, особенно учитель игры на гитаре – Олег Балашев-Самарский. Господин Балашев был чрезвычайно талантлив, он меня очень многому научил! В тот же период я познакомился с классической музыкой и очень полюбил ее. В классике меня неизменно привлекали мелодичные композиции, окрашенные сильными чувствами, меня просто опьяняла ее красота. С тех пор я полностью посвятил себя музыке и верю, что при том, что тогда я еще не пришел к вере, это сохранило меня от дурных и вредных вещей, через которые проходили мои ровесники. Я находился в каком-то своем мире, был погружен в какую-то внутреннюю музыку своего существа.

– Когда вы начали изучать церковную музыку?

– Церковному пению я начал учиться в монастыре Тврдош и в требиньском соборном храме Преображения. Это было обучение на практике, потому что я учился по книгам, слушал певчих в храме и так понемногу изучал сербское церковное пение. Тогда же, как-то параллельно, я открыл для себя византийскую музыку. Первая встреча с ней произошла, когда я слушал кассеты, которые дарил мне тогдашний епископ Герцеговацкий Афанасий. Она очаровала меня! Передо мной вдруг открылся еще один безбрежный, необозримый манящий океан, я еще не знал, что

представляет собой византийское пение, но почувствовал удивительное влечение к нему. Постепенно научился византийской нотации, а когда попал в Белград, то уже умел петь достаточно много. Я связался с людьми, которые тогда пытались делать что-то на ниве византийского пения в Белграде, правда, на очень низком уровне, но для меня было очень важно и то, что мне нашлось с кем петь. В Афинах я учился на основном курсе и в аспирантуре у господина Ангелидиса, господина Константинуа и других. Однако я никогда не ограничивался только теми учителями, у которых учился в данный момент, поэтому был в контакте и с господами Ликургосом Ангелопулосом, Йованом Арванитисом, Григорием Статисом. Все они дали мне то, чему я хотел научиться, и я очень им благодарен. Но мне было мало, я жаждал знаний, которых никто не предлагал, которые не преподают ни в одной школе, ни на одном факультете. Это, например, палеография, мелотворчество^[77], и особенно обращение к духовному измерению пения, чем, к сожалению, практически никто не занимался и о чем изредка можно было найти некоторые общие и поверхностные примечания. Поэтому я решил заниматься исследованиями в разных направлениях. Я был уверен, что необходимо постоянное общение со Святой Горой и святогорскими певчими, и проводил там много времени. Думаю, в общей сложности я провел на Афоне больше пяти лет, с небольшими перерывами, главным образом в Ватопеде и Хиландаре. Участвовал в ежедневных богослужениях, посещал монастырские Славы, на которых пели лучшие святогорские певчие, наблюдал за ними, слушал, записывал, разговаривал, учился и, что самое главное, впитывал живое Предание. Предание ни из книг, ни из рассказов не узнать, Предание – это то, чем живут. Поэтому я считаю великим благословением возможность черпать живую воду Предания из самих источников.

– *Какой совет, пример, принцип был наиболее важным для вас?*

– Самым драгоценным в моих учителях была преданность и любовь к пению. А самое драгоценное из того, чему я научился у святогорских певчих, это то, что пение прежде всего – молитва. Это сущностная вещь, которую сейчас, к сожалению, огромное большинство нас, певчих, упускает из вида. Помню разговор в монастыре Ватопед со старцем Стефаном, членом известного святогорского певческого братства Данилея, который стал для меня одним из самых важных и одновременно простых уроков. Я спросил его: «Старче, что самое главное для певчего?» – он сразу ответил: «Страх Божий! Если у певчего не потекут слезы, когда он поет, он не певчий, а певец!» – он имел в виду мирских певцов. И добавил: «А сразу после страха Божия – вдохновение, певчий

должен наслаждаться пением, петь с аппетитом». Эти слова глубоко врезались в сердце и память, и верю, именно таков надежный путь для любого певчего.

– *Игор, вы встречались со многими известными сербскими и греческими духовниками, поделитесь вашими впечатлениями об этих встречах?*

– Конечно. В числе первых необходимо упомянуть преосвященного епископа Герцеговацкого на покое Афанасия. Он занимал епископскую кафедру в Герцеговине в то время, когда я нашел путь в Церковь. Епископ Афанасий – человек, живущий живой жизнью Церкви. Свое очень непосредственное, близкое общение с Богом он умеет передать окружающим его людям. Кроме того, это очень эмоционально тонкий и очень внимательный человек. Интересно и драгоценно то, что он нас научил, что главное в церковной жизни – верное церковное сознание и участие в жизни Церкви и Живого Бога. С ним можно было говорить обо всем: о молитве, о посте, о богослужении, об истории, о богословии, но – как-то ненавязчиво, незаметно, как только он может. Он научил нас жить в Церкви, так как, когда человек верным образом участвует в жизни Церкви, то есть – литургически, участвует в святотаинственной жизни, все остальное само по себе становится на свои места. Я очень благодарен Богу за то, что моя церковная жизнь началась в таком духе, и стараюсь продолжать идти тем же путем.

Затем именно по его благословению, с его поддержкой я отправился учиться византийскому пению в Грецию. А больше всего я люблю, и владыка больше всего любит – вместе служить святую литургию. Рядом с ним мы научились тому, что литургия – это непрестанное движение, и это очень живо чувствуется, когда он служит. Очень интенсивно, бодро и радостно служит, но одновременно так смиренно и собранно, преданно. Как прекрасно он произносит литургические молитвы! В самом деле возникает чувство, что он сводит Бога с Неба на землю! У него мы научились, что человек должен всего себя отдавать Богу и другим, без остатка, не щадя себя. И он сам служит примером такого служения Богу и ближним не только в храме, но везде и всегда!

Конечно, вспомню и тогдашнего твердошского иеромонаха, а сейчас преосвященного владыку Герцеговацкого Григория. В начале моего пути в Церковь он был моим большим утешением и помощником, потому что стал и моим первым духовником. И сейчас вспоминаю его советы, поддержку, пример. Когда я приехал в Грецию, он уже находился какое-то время в Афинах, учил греческий язык, и тогда он был со мной рядом, встретил

меня, поддерживал, учил.

Сербы нашего времени не могут не иметь примером и образцом блаженно почившего Патриарха Павла^[78], святого Патриарха Павла, как все мы его называем. В Белграде я часто имел возможность присутствовать на литургии, когда он служил и в Патриархии, и в разных белградских храмах. Этот человек в те моменты, когда на наш народ изливалась только ненависть практически всех стран мира, имел в себе столько благодати, что любил всех, всем внушал слова евангельского мира, любви и правды. Его простодушие и мудрость, соединенные с бесконечной любовью и смирением, просто воскрешали Евангелие в душах людей. Глядя на него и слушая его, каждый человек, не важно, был ли он в Церкви или нет, чувствовал изменение состояния души. Знаю многих людей, не просто нецерковных, но антицерковных, которые говорили о Патриархе Павле: «Я против Церкви, не верю в Бога, но Патриарх Павел – святой!»

Может быть, лучшим доказательством величины личности Патриарха Павла были его похороны. Величественно! К сожалению, я не мог тогда приехать в Белград, потому что именно в этот день родился мой сын. Задаюсь вопросом, будет ли в ближайшее время у сербов человек, способный так объединить весь народ. Особенно трогательно было его служение святой литургии! Как ангел! Так смиренно, целомудренно, собранно, преданно он служил. Поистине небесная картина!

Еще одна личность, с которой у меня не было много прямых контактов, в смысле разговоров или переписки, но с кем я часто встречался и кто неизменно вдохновлял меня, – это митрополит Амфилохий. Поскольку они очень близки с епископом Афанасием и, когда у нас в Герцеговине шла война (а его епархия соседствует с нашей), он часто приезжал в монастырь Тврдош навестить, утешить, подбодрить. Его слова, позиция, служение, рассуждения, проповеди и, может быть, больше всего, истинное молитвенное тепло, которое он излучает, всегда согревали мою душу. Несмотря на то, что это исключительно образованный человек, профессор и владыка, он сохранил детское и монашеское простодушие. Его проповеди – подлинное сокровище. Он говорит очень зрело, живо и глубоко, но непосредственно и к тому же очень поэтично. Я люблю смотреть, как он служит, словно иерархи на древних фресках... и хочется, чтобы литургия никогда не кончалась.

В тот период в Черногории, в монастыре Острог, жил один игумен из Герцеговины по имени Лазарь^[79], духовное чадо известного добродетельного святогорского старца Никанора из монастыря Хиландар. Выдающийся человек, выдающийся

духовник. Отец Лазарь – воплощение смирения, молитвенности, воздержанности и рассуждения. В нем было так много любви! Он утешал тысячи душ, жаждущих и алчущих Бога. И мне весьма помог молитвами и советами. Он умел передать собеседнику дух свободы перед Богом и в Боге, а это очень драгоценно и редко встречается, особенно сейчас. К сожалению, воля Божия была такова, что отец Лазарь слишком рано оставил нас, переселившись в небесные обители, к которым так стремился.

Моим лучшим другом стал один герцеговинец – Драган Лозо. Он на пятнадцать лет старше меня, но мы очень сблизились духовно. Позже он принял монашество и умер молодым в монастыре Ватопед как монах Симон. Драган был мне большой поддержкой и утешением. Смиранный, искренний, сердечный и чрезвычайно начитанный человек, прежде всего, человек большой любви к Богу и людям. Много молился, непрестанно! Он был моей большой поддержкой в пении и в духовной жизни. Если бы в те первые годы моей церковной жизни его не было рядом, возможно, мой жизненный путь стал бы совсем другим.

Вспомню и дорогого мне игумена, блаженно почившего отца Луку^[80]. Когда мы познакомились, он был настоятелем Цетинского монастыря. Мы с женой проездом находились в Цетине, и он очень сердечно и тепло принял нас. Мы поговорили обо всем понемногу, однако разговор оставил в моей душе тепло, и мы всегда радовались его приветам от наших общих друзей. Так бывает, что какой-то человек входит в нашу жизнь без многих слов, просто своим существованием. Так было и с дорогим отцом Лукой.

Когда я жил в Белграде до моего отъезда в Афины, я вместе с некоторыми священниками навещал тогда уже больного старца Фаддея^[81] – воплощение смирения, мудрости и молитвенности. Большое благословение для нашего народа, что у нас одновременно были Патриарх Павел и старец Фаддей.

Когда я приехал в Грецию, до начала учебы какое-то время провел в монастыре Ватопед, где получил возможность познакомиться со многими монахами, но среди них выделил бы блаженно почившего старца Иосифа Ватопедского и ватопедского игумена архимандрита Ефрема. Старец Иосиф был просто благодатным вулканом! Каждое его слово, совет, молитва глубоко проникали в человеческую душу и изменяли ее. Я имел радость провести рядом с ним несколько лет и быть в тесных духовных отношениях. Я часто бывал у него, советовался с ним и убеждался в богатстве благодатных даров, которые он принял от Бога. Отец Иосиф самым детальным образом отвечал на мои вопросы даже до того, как я успевал спросить. Он ясно знал, что творилось в

моем сердце, уме, пока я находился в Афинах. В минуты страдания или грусти достаточно было, чтобы он перекрестил меня со Святой Горы – и вдруг я оказывался в облаке радости. Когда он умер, я написал о нем текст на сербском языке, который позже, как я узнал, читали во многих сербских монастырях на монашеских собраниях.

С другой стороны, старец Ефрем, несмотря на то что он моложе своего духовного отца Иосифа, исключительно благодатный духовник. С тех пор как я приехал учиться в Афины, он был моим духовным отцом. Помню наши первые встречи в Ватопеде. Однажды мимоходом он на плохом английском сказал мне об одной очень личной духовной проблеме, очень интимной, о которой я ему не говорил, это была настолько тонкая проблема, что я никому о ней не рассказывал просто потому, что не умел ее выразить. Вначале я сделал вид, что не удивлен, я хотел испытать, в самом ли деле у него есть этот дар или он играет со мной. Однако чем больше я делал вид, что сказанное неправда, он открывал мне все больше подробностей, все более глубоких и тонких. Тогда я попросил его принять меня для разговора. Отец Ефрем принял меня в тот же день вместе с монахом, который хорошо знал английский язык, чтобы нам легче было понимать друг друга, так как тогда я еще не знал греческий. Помню, что начал рассказывать какие-то вещи из моей жизни, а он улыбнулся, взял меня за руку, остановил мой рассказ и в деталях рассказал мне все, что происходило в моей жизни в духовном плане, с детства до того дня. Не только о том, что происходило, но и почему. Я был потрясен и чувствовал в сердце огромную радость и утешение. Вскоре он стал моим духовным отцом, и следующие тринадцать лет я наслаждался его руководством. Я удостоился видеть много чудесных событий рядом с ним и от него, но не стал бы их открывать, потому что он еще среди нас, и не знаю, хотел ли бы он, чтобы я говорил об этом. После тринадцати лет духовного окормления у старца Ефрема и по его благословению я перешел к духовнику моей супруги, дивному старцу Никодиму, живущему на острове Эвбея. Мои семейные и рабочие обязанности очень умножились, старец Ефрем проходил тяжелые испытания из-за клеветы, и он решил направить меня к старцу Никодиму, потому что Эвбея намного ближе к Афинам. Конечно, мы не только остались в контакте, но, что важнее, в духовном единстве.

После старца Ефрема сильное впечатление на меня произвел мой теперешний старец Никодим, духовник женского монастыря Преображения Господня на Эвбее. В юности он познакомился со святогорским старцем Паисием^[82], который стал его духовником

и обозначил его дальнейший жизненный путь. От него он и принял дух простодушия, молитвенности, воздержания и большой свободы во Христе. Этому человеку, несмотря на то что он исповедует тысячи людей и духовно руководит ими, удалось остаться сокрытым далеко от глаз этого мира. Кроткий, простодушный, мягкий, полный понимания, рассудительный, с любовью, которая объемлет и возрождает каждого, кто приблизится к нему или за кого он помолится. Воплощение смирения, с мягкостью, которая исправляет намного эффективнее строгости, – отец Никодим может ему одному свойственным образом пробудить к покаянию и любви к Богу. Это человек бесконечной свободы и любви! Каждое его слово, взгляд, движение свидетельствуют о Божией любви. Он, как мне кажется, достиг совершенства в уважении свободы другого человека. Этот дух он передал и своему сестричеству. Поистине редкий человек! Он – большое утешение и поддержка для меня и нашей семьи. Один из немногих людей, которые понимают меня до конца, думаю, что без его поддержки я не смог бы так интенсивно делать все, что делаю.

Упомяну и еще нескольких людей, пример и жизнь которых оказали большое влияние на меня. Это прекрасные отец Стаматис Склирис из Афин (который преимущественно известен как иконописец, но он еще и исключительный духовник), отец Димитрий с Лесбоса (белый священник, который по своим благодатным дарам напоминает святого Порфирия и старца Паисия), игумен монастыря Симонопетра на Святой Горе, старец Елисей и симонопетровские иеромонахи Ефрем, Афанасий и Мирон. А также – старец Ефрем Филофейский, который сейчас подвизается в Аризоне, его чадо старец Ефрем – духовник Святоандреевского скита в Карее, ватопедские иеромонахи Нифонт, Геннадий и Теон. Каждый из них влил в лампадку моего сердца каплю елея благодати Божией.

– *Как вам живется в Греции?*

– Мы в Греции живем очень наполненной жизнью, поскольку у нас, слава Богу, большая семья, а это подразумевает и большой труд. С другой стороны – у меня многочисленные профессиональные обязанности. Я преподаю пение в известной школе Симона Караса в Афинах, в которой мы открыли и отделение для славян, здесь могут учиться славяне всего мира, и часть материала преподается на церковнославянском языке. Особенно важно то, что я, как славянин, могу лучше донести до славян Предание, которое принял в течение своего многолетнего пребывания в Греции, и особенно на Святой Горе, чем это могут греки, по той простой причине, что у славян иная психология,

чем у братьев-греков. А как человек из Церкви, где не существует живого предания византийского пения, вероятно, я лучше чувствую проблемы, с которыми мы встречаемся в наших странах и при обучении византийскому пению.

Кроме того, я руковожу школой пения при храме Святого Герасима Кефалонийского. Восемь лет назад я создал первую в мире интернет-школу пения, которая называется интернет-школа пения «Троеручица», в ней сейчас занимаются ученики из пяти стран. У меня два хора, один из них Сербский византийский хор, с ним мы занимаемся преимущественно на церковнославянском языке, второй – хор певчих «Троеручица», здесь мы используем в основном греческий язык.

Сейчас я работаю над созданием женского хора. Даю уроки пения во многих сербских и греческих монастырях. Плюс к этому интенсивно занимаюсь изучением музыкальной теории, истории пения и гимнографии, палеографии и других научных дисциплин, которые мне помогают как можно глубже постигать музыку. Особенно люблю мной композиторство, или, правильнее сказать, мелотворчество. Затем – создание гимнографических текстов по правилам византийской гимнографии. К сожалению, похоже, что я единственный в истории славянских гимнографов, если я могу себя к ним причислить, которые пишут гимнографические тексты по правилам византийской гимнографии.

Особенно дороги мне занятия дешифровкой древних греческих и славянских музыкальных рукописей. Небольшая часть этой моей работы уже опубликована, и в будущем, надеюсь, смогу опубликовать много больше. Также меня очень привлекает, и я посвящаю этому часть времени, изучение сербского одногласного пения. Тут мне удалось добиться очень интересных результатов, которыми недавно заинтересовались некоторые серьезные музыковеды в Сербии, и, если Бог даст, они будут вскоре опубликованы. В своих исследованиях я показываю связь сербского и византийского пения.

Жена Мария и дети

Видите из всего мною перечисленного, что у меня очень много обязанностей, много разных и очень ответственных занятий, и все это при том, что у меня есть семья и личные духовные потребности. И хотя такая насыщенная жизнь очень нелегка, я очень счастлив, что все мои занятия я достаточно легко могу перелить в молитву и приношение Богу. Кратко: стараюсь жить в труде, мире и радости.

– Как вы воспринимаете византийскую музыку с учетом

вашего опыта?

– Как я уже упомянул, с самой первой встречи с византийской музыкой я был полностью ею очарован. И вот исповедуюсь вам: чем больше я ее изучаю, тем больше она очаровывает и воодушевляет меня! Думаю, что эта музыка совершенно соответствует своей цели. Назначение церковного пения богослужебное, его цель – возводить к мистическому смыслу слов, которые поются, а певчих и всех верующих делать участниками таинств. Это очень возвышенная, очень ответственная задача и цель. Конечно, чтобы музыка была исполнена подобающим образом, необходимо, чтобы и сам певчий своей жизнью свидетельствовал об Истине, всем существом жил жизнью Церкви. Это то, что больше всего восхищает меня в этом пении. Оно образует нас, образует жизнь, молитву, стояние пред Богом. Оно, если мы достойным образом приступаем к нему, постоянно создает в нас нового человека, лучшего, совершенного, подобного Богу. Оно учит нас открытости и смиренному стоянию перед Живым Богом. Атмосфера византийского пения подобна атмосфере той картины, когда маленький ребенок вдруг увидит мать. Он знает ее, он постоянно чувствует ее близость, но зритель на нее каждый миг углубляет его любовь, постоянно доликает новые капли жизни в детское сердце. Дитя лишь молчит и смотрит на мать с радостью и абсолютным доверием, живет теплом, которое принимает от матери, ничего не ищет от нее, ему довольно, что у него есть любящая мать. Как-то так и мы, певчие, мне кажется, когда поем византийские песнопения, стоим и в безмолвии поем, в пении безмолвствуем, живя знанием, что Бог-Любовь смотрит на нас. Представьте, как это величественно! Несмотря на то, что мы грешные и искаленные, Он нас бесконечно и неизменно любит. Мы постоянно грешим и постоянно показываем Ему свои раны и нечистоту, а Он нас молча любит и исцеляет. Как нам не петь Ему?

Вот, вкратце, о моем опыте византийского пения, которым дышит и гимнография, и само пение. Посмотрите богослужебные тексты, особенно больших праздников, – они дышат мистической атмосферой этих живых отношений Бога и человека. Поэтому нет границы изучению пения, нет конца в совершенствовании. Пение – это молитва, отношение, которому нет конца в вечности. Каждый раз, когда поешь, – все по-другому. Живые отношения! Это то, что для меня самое прекрасное и, может быть, самое важное в византийском пении.

– Какую музыку вы любите слушать? Что еще близко вашему сердцу?

– Моему убогому сердцу ближе всего та музыка, которая

очищает и питает, и это, конечно, византийское пение, кроме пения, люблю классическую музыку, особенно Моцарта! Иногда слушаю древнерусское пение, даже русские смешанные хоры. Люблю слушать и древние песнопения западной Церкви, периода до схизмы. К сожалению, в последнее время у меня мало свободного времени, но, когда выдается момент, с удовольствием слушаю такую музыку.

– *Как вы относитесь к современной музыке, особенно западной?*

– Хочу я или нет, но состою в контакте с современной музыкой. Мне кажется, что образ жизни людей сегодня, здесь я подразумеваю западный образ жизни, способствует тому, что человек отчуждается от самого себя и от близких. Эта пустота отчуждения, как мне кажется, чувствуется и в современной западной музыке. Не помню, чтобы я слышал в последнее время что-нибудь оригинальное, вдохновенное, что могло бы окрылить, утешить, изменить жизнь. Как правило, она окрашена в страстные и тусклые цвета. Хотя я не имею ничего против западной музыки, даже могу сказать, что люблю ее, но думаю, что она в наше время, как и все человечество, переживает большой кризис. Очень часто, как мне кажется, ей не хватает сути.

– *Как вы воспринимаете русскую церковную музыкальную традицию?*

– Прежде всего, я очень люблю русский народ. И некоторые мои любимые святые, которых я почитаю и жизнь которых меня вдохновляет, – русские, особенно бы выделил святого Серафима Саровского и святого Силуана Афонского. Восхищаюсь глубиной и широтой, свойственной русскому народу. Эти удивительные просторы, которые существуют не только на русской земле, но и в русской душе, все это проявляется через прекрасный русский язык, литературу, поэзию, музыку, живопись, всегда пробуждает во мне чувство величественности и свободы. Очень уважаю стойкость и тонкость, которая вам свойственна как народу. Может быть, потому что я с Балкан, а у нас это несколько иначе.

Как я уже говорил, часто слушал древнерусское пение, и могу сказать, что оно, по моему субъективному, вероятно, ощущению, после византийского самое чистое пение Православной Церкви. Не знаю, насколько бы оно было функционально для других народов, но думаю, что для русских оно исключительно. Люблю слушать ваши смешанные хоры. Считаю, что русская хоровая музыка представляет собой вершину в этой области музыки на мировом уровне. Несмотря на то, что византийское пение, на мой взгляд, лучшим образом отвечает православному богослужению, в музыкальном смысле многоголосье имеет исключительную ценность. Вклад России в области музыки огромен не только в

композиторском смысле, но в смысле музыкального образования и исполнительского искусства.

– *Расскажите о ваших хорах.*

– Первый хор, который я основал, – Сербский византийский хор, это было в 2005 году. Членами хора стали мои ученики из Сербии и несколько друзей из Афин, греков по национальности. Мы стараемся представить славянской общественности богатство литургического и музыкального предания Православной Церкви. Со временем к хору примкнуло еще несколько греков и славян, которые учатся в моей интернет-школе. Мы выпустили один двойной диск под названием «Христос во граде Вифлееме» в издании святогорского монастыря Хиландар, на нем записаны песнопения рождественского богослужебного круга на церковнославянском языке. Записаны там и произведения моего мелотворчества, дешифровки двух песен из древних хиландарских рукописей, а также музыковедческие литургикологические комментарии ко всем песнопениям.

Сейчас мы готовим новый диск, но какой будет его тема, не скажу – пусть это станет для всех неожиданностью.

Поскольку со временем в хоре начали преобладать греки, я решил организовать отдельный хор, который бы занимался преимущественно пением на греческом языке. Он был основан в 2009 году, и я записал с ним двойной диск со службой святому Луке Врачу, который еще не издан и на котором представлены и произведения моего мелотворчества греческой службы этому дивному святителю. Для этого случая я написал текст тропаря святому Луке на церковнославянском языке по правилам византийской гимнографии, а также литийные стихиры на греческом языке.

С хором или с некоторыми его членами время от времени по приглашению мы поем на монастырских или храмовых Славах. Два года подряд, в 2012-м и 2013-м, на праздник святого архангела Михаила мы пели правым клиросом в Святоархангельском монастыре Дохиар на Святой Горе, а члены хора многократно пели на бдениях в монастыре Хиландар.

Особенно нас радует, что люди все больше интересуются нашей работой, – и в Греции, и в Сербии, и в других странах. И у вас в России все больше тех, кто обращается ко мне с желанием контакта и сотрудничества.

– *Как вы выбираете певчих, какими качествами должен обладать человек, чтобы стать членом хора?*

– Критерии выбора сотрудников, которые распространяются и на членов хора, – прежде всего открытость и искренность в личных отношениях. Затем, разумеется, человек должен быть

церковным, то есть жить так, как должен жить христианин. Кроме того, конечно, необходим определенный уровень знаний о певческом искусстве, так как без него человек не сможет следовать за хором, включиться в работу. Наконец, смотрю на голос и какие-то другие вещи. Но обозначенные критерии самые важные, и кто не соответствует им, особенно двум первым, не может стать членом моего хора, несмотря на возможное умение петь или хороший голос. Мы должны петь «как из единых уст», так говорил святой Василий Великий. Как петь из единых уст, если наши сердца не соединились? Поэтому я придерживаюсь этих критериев и думаю, что руководствоваться другими было бы противостоительно.

– Расскажите о вашем опыте мелотворчества, особенно на церковнославянском языке. В какой степени необходимо соблюдать канон, а в какой допустимы отступления?

– Любое творчество – великая тайна и великая радость. Дивно создавать музыку на гимнографические тексты святых отцов, в напевах, которые веками творила Церковь Христова. Но это очень ответственное дело. Правда, оно дает и некоторые привилегии. Углубляясь в эти тексты, главным образом написанные святыми, мы, пусть немного, соприкасаемся с их опытом, плодом которого стала их поэзия. Словно святые приоткрывают нам дверь, чтобы мы увидели, как они жили Богом, и могли больше подружиться с ними.

То, что было для меня совсем неведомо и очень интересовало: возможно ли на церковнославянском языке и вообще на славянских языках петь византийским распевом так же мелодично, как на греческом? Книги, которые существовали в то время, когда я начал заниматься пением, представляли собой болгарские издания невмотекстов^[83]. Но слава Богу, что они существовали, без них у нас не было бы ничего! Хотя по этим изданиям можно было заметить, что напевы очень часто нескладные, непевучие, немелодичные, а иногда даже совершенно нелогичные. Когда я оказался в Греции, и особенно на Святой Горе, на богослужениях наслаждался византийскими напевами. Естественно, я хотел, чтобы такие напевы звучали и на церковнославянском языке. Это подтолкнуло меня к исследованиям. Сейчас, после почти семнадцати лет работы, я могу сказать, что нашел принципы, по которым византийское пение и на церковнославянском языке может звучать аутентично и мелодично, как на греческом. Для этого мне понадобилось много труда и исследований не только музыки, но гимнографии, поэзии, лингвистики и других научных дисциплин. Правила мелотворчества, или, как вы говорите, канона, соблюдать

необходимо. Не может быть неканонического мелотворчества, но это, конечно, не значит, что греческие тексты надо переводить буквально.

Перевод напева с греческого языка сам по себе довольно проблематичен и дискуссионен. Поэтому я больше люблю заниматься мелотворчеством непосредственно на церковнославянском языке. Церковнославянский язык отличается от старогреческого, у него другая мелодика, динамика, ритмика и вообще, так скажем, другой дух. Необходимо знание принципов гимнографии и морфологии пения. Но и этого недостаточно, необходимо очень тонкое чувство языка вообще, соотношения мелодии и языка, ритма и языка, духа языка, духа конкретных слов, из которых мелотворим, и особенно чувство богослужения.

– *Какой вызов делает современность в этом смысле?*

– Лично для меня – большой! Хочу создать, если Бог даст, полный богослужебный репертуар на церковнославянском языке. Это огромная работа, она требует большого труда, времени, сотрудников и средств. Надеюсь, что все-таки найдется решение, если Богу будет угодно. Еще один вызов – то, что сегодня в Сербии, России и в некоторых других славянских странах появился серьезный растущий интерес к византийскому пению, таким образом, эта работа обретает большой вес. Верю, что каждый должен принести Церкви дар, полученный от Бога.

Сейчас у нас есть возможность быть первопроходцами на поле византийского пения среди славянских народов. Это большая привилегия и огромная ответственность, и, если уже об этом зашла речь, должен подчеркнуть, что я большой противник безответственности в работе. Сегодня нередко издаются вещи весьма спорного качества. Издание книги или диска как можно быстрее не должно становиться нашей целью, необходимо делать все возможное, делать как можно лучше, а издавать тогда, когда мы в состоянии создать что-то действительно ценное, сколько бы времени ни потребовалось. Думаю, что безответственность и славолубие – один из самых серьезных рисков, которые несет эта работа не сама по себе, но по нашей ошибочной позиции. Одна плохо сделанная работа способна принести большой вред, на исправление которого могут уйти десятилетия. Нельзя работать по принципу: «Прочел две книги (в жизни) и пишу третью». К сожалению, мы свидетели таких вещей и в области пения. Но, слава Богу, появляется все больше молодых людей, церковных, серьезных, образованных, которые очень правильным образом приступают к пению, и я вижу луч надежды. Могу это подтвердить из опыта работы с моими учениками в интернет-школе. Приходит поколение церковных, серьезных хороших

музыкантов.

– Вы автор «Антологии Божественной литургии» – первой сербской богослужебной книги по византийскому пению в истории. Как у вас появилась идея создания такой книги? Как вы работали над «Антологией», какие песнопения она содержит? Что было самым радостным и самым трудным при этом?

– Да, примерно два года назад, летом 2012-го, вышел первый том «Антологии Божественной литургии». Речь идет о первом из пяти томов, которые я планировал посвятить песнопениям Божественной литургии. Книга издана монастырем Хиландар, с которым я много лет в плодотворном добром сотрудничестве. Идеей книги было мое стремление к тому, чтобы Церковь располагала всем необходимым, чтобы в храмах, где есть условия и желание для этого, богослужение можно было петь византийским напевом на церковнославянском языке. Этот первый том содержит все нужные песнопения, от облачения архиерея до херувимской песни. В книге около шестисот страниц, пятьсот страниц – невмотекста. На других ста страницах вводные тексты с объяснениями на сербском, русском и болгарском языках. Мы хотели нашим православным славянским братьям в России и Болгарии подарить этот труд, чтобы им было легко пользоваться и для богослужения, и для учения. Поистине радуюсь, что мы, славяне, располагаем сейчас «Антологией» на родном языке, которая намного содержательнее, чем любая антология на греческом! В книге, кроме произведений моего мелотворчества, содержатся песнопения, переведенные мной из древних рукописей, которые никогда не издавались на греческом.

Книга делалась по принципам мелотворчества, к которым я пришел путем многолетних исследований, о них я уже рассказывал. Самым трудным было создание мелодии таким образом, чтобы тексты, которые поются, звучали естественно для всех трех народов – сербского, русского и болгарского, так как мы произносим слова на свой лад, по-своему акцентируем церковнославянский язык. И это единственное издание в таком роде.

Работа над книгой была действительно очень напряженной во всех отношениях, самым трудным стало то, что, осознавая ответственность работы, я осознавал и свое плачевное духовное состояние. Еще тяжело переносил долгую разлуку с семьей, нам было очень трудно, им и мне. И все-таки сама мысль, что кто-то через твой труд сможет славить Бога на святой литургии, приносила большую радость! Это давало силы в работе над изданием и вообще в работе, которой я занимаюсь. И конечно, огромная радость – войти в храм и слышать, что Церковь молится

созданными тобой напевами. Воистину, Господь очень любит каждого человека, даже и того, самого грешного! Слава Богу!

– Вы – основатель научно-исследовательского центра «Троеручица», создатель и хороначальник двух хоров и вскоре, как вы упомянули, собираетесь собрать третий; занимаетесь наукой, мелотворчеством, дешифровкой, гимнографией, просветительской работой. Каковы ваши планы на будущее?

– Вся моя деятельность происходит под покровом Пресвятой Богородицы Троеручицы, и всю ее я поместил в границы научно-исследовательского центра «Троеручица». Мои планы, что касается занятий музыкой, определены с того момента, когда я начал ею заниматься. Хочу весь свой рабочий век, сколько мне Господь даст, посвятить служению Матери-Церкви. Вся моя деятельность имеет целью оставить за собой что-то, что Церкви Христовой будет на пользу. С самого начала серьезного изучения церковной музыки в моем сердце живет очень сильное чувство, что все, что я принимаю от Бога, дается не ради меня самого, но прежде всего – ради других. Потому самая большая радость – поделиться всем, что я принимаю от Пребогатого Бога Нашего.

Хотел бы заниматься мелотворчеством, дешифровками, записывать как можно больше материала, чтобы как можно больше людей имело к нему доступ. Также кроме богослужебных книг и дисков есть желание создать и выпустить полную учебную программу для обучения византийскому пению на церковнославянском языке. Скоро на сербском языке появится мой первый учебник византийской нотации, который по методологии и содержанию во многом отличается от всех учебников, написанных на греческом, так как я пользуюсь современными знаниями и методами обучения, которые никто еще не применял. Создаю метод обучения византийскому пению, который позволит сделать его интересным, легким и доступным для всех. В рамках сотрудничества с монастырем Хиландар изучаю рукописи монастырской библиотеки, у меня есть план издать каталог всех музыкальных рукописей, которые хранятся в монастыре. Также хочу, чтобы как можно больше людей научилось пению и, что еще важнее, приняло предание, которое я получил в свое сердце здесь, у источника. Поэтому в рамках моей интернет-школы каждый год организую семинары как для начинающих, так и для уже опытных певчих. До сего дня я проводил семинары и мастер-классы в трех странах, результаты и впечатления исключительно позитивны, поэтому хочу продолжать работать в этом направлении. Конечно, во всех этих стремлениях нельзя забывать, что цель нашей жизни – познание Бога и соединение с Ним, а не только продуктивность в земных трудах.

– *Что, кроме сербской и византийской музыкальной традиции, вас привлекает и почему?*

– Знаете, несмотря на такие интенсивные занятия музыкой, я не чувствую себя ни музыкантом, ни художником, ни ученым, ни даже певчим. Чувствую себя маленьким и незначительным христианином, что одновременно дает мне чувство свободы в Боге. Поэтому меня интересует все, что несет жизнь. Жизнь прекрасна, широка и глубока. Конечно, я смотрю на жизнь в ее вечной перспективе. Поэтому стараюсь не ограничиваться только чем-то, что нравится или не нравится, интересует или не интересует. Стараюсь быть открытым жизни, из каждого обстоятельства, каждого аспекта жизни, из каждой встречи с Божиим миром почерпнуть капельку Божественной красоты, оживить и обогатить свою душу. Эта свобода и радость, которую таит в себе жизнь, равна радости и свободе, ощущаемой поющим или слушающим настоящее византийское пение. Поэтому я часто повторяю, что пение – не работа, а образ жизни, образ существования.

Очень люблю дружить. Стараюсь, чтобы наш дом был открыт для каждого. И, слава Богу, редко выпадает день, когда у нас нет гостей. Очень люблю человеческие отношения и считаю, что это очень важная вещь. Сущностная вещь! Думаю, миру не хватает истинных отношений между людьми, истинного интереса друг к другу, но не на уровне пустой информированности о другом человеке или людях, а в смысле истинного сопереживания, совместного несения бремени ближнего. Меня очень радуют и вдохновляют разговоры с людьми разного происхождения, образования, возраста. Потому что все – красивые и некрасивые, малые и большие, известные и неизвестные (но известные Богу) – скрывают в себе огромное богатство Божией любви. Каждый человек – это огромный, чудесный и неповторимый мир. И я всегда в трепете перед новыми мирами. Но в радостном трепете, ибо знаю, что буду снова и снова очарован Божией красотой и премудростью, к которым стремится каждая душа по своей природе. Такую атмосферу я стараюсь создавать и в своей деятельности.

Там, где и камни молятся

Игуменья Фотина (Хасл)

«Где птицы поют Господу, не может и человек не дивиться Ему», – говорит о монастырях Скадарского озера мать Фотина, игуменья обители Бешка. Это третий по счету монастырь, который восстанавливается ее трудами и подвигом.

– Я родилась в Сурдулице, на юге Сербии. Родители верили в Бога, но не по-церковному. Моя церковная жизнь началась с крещением. Крестилась в двадцать один год, тогда я была студенткой философского факультета, отделения психологии, крестил меня митрополит Амфилохий (Радович) в монастыре Челие под Валево, «постриг влась», как говорится, на могиле аввы Иустина...

– *Митрополит был вашим духовником?*

– С митрополитом Амфилохием я познакомилась в 1982 году, когда было освящение конака Печской Патриархии, который был сожжен в восьмидесятых годах...

– *Албанцы сожгли?*

– Ничего не было доказано, предположительно, они подожгли, но до конца не выяснено. Да, и мы приехали, чтобы увидеть Печскую Патриархию, поклониться святыням, тогда я еще была некрещеной, была вместе с моими коллегами, духовными чадами митрополита, и я знала о нем по их рассказам. Один из них давно исповедовался у владыки Амфилохия, имел честь путешествовать с ним на Святую Гору, часто разговаривал с ним.

– *Тогда вы и познакомились с владыкой? Как это повлияло на вашу дальнейшую жизнь?*

– Знаете, тогда я, как все молодые люди, искала истину. Христа как истину увидела не сразу. В те времена была популярна хатха-йога, и я записалась на какие-то курсы йоги в этих моих поисках абсолютных ценностей, духовности. Но одновременно я дружила с тем коллегой, который был духовным чадом митрополита. Он любил Достоевского, это была наша общая любовь, и во многом через произведения писателя у меня стали возникать все более глубокие вопросы, в его произведениях я находила то, к чему стремилась с детства. И так очи моего сердца открывались для веры, но я продолжала искать, а лучше сказать, блуждать в восточных учениях.

– *Поиск долго продолжался?*

– Нет, не очень, может быть, год, тогда эту хатху-йогу нам ввели и как дисциплину в университете, в качестве дисциплины для самосовершенствования, но факультативно, и я вступила в эту группу. Наши учителя беседовали с нами, спрашивали, как мы переживаем такой опыт, что чувствуем, почему стали изучать йогу, давали проходить тесты. Некоторые из нас говорили, что хотят научиться расслаблению, приобрести гибкость тела,

движений, а я сказала: «Ищу истину». Вскоре меня пригласили на особый разговор, спросили: «Знаешь, на самом деле мы молимся богу Шиве, твой поиск выходит за рамки медитаций, ты ищешь глубину, ты можешь участвовать в наших молитвах». Таким образом они открыли свое истинное лицо, то есть медитациями, релаксациями они просто хотели привлечь молодежь. Когда я это услышала, то сказала себе: «Нет, я знаю, где истина, я уже нашла истину», – я имела в виду Христа и Православие. Хотя еще не осознавала этого полностью, но в глубине души уже стал возникать свет. При занятиях йогой меня неизменно охватывал какой-то страх, а поскольку я уже читала православную литературу, то начала упражняться в Иисусовой молитве.

– *То есть вы уже знали об этой молитве?*

– Да, мне рассказывал мой друг, рассказывал о Святой Горе, о святогорцах, о молитве, и я молилась. Однажды он мне сказал: «Тебе больше нельзя молиться Иисусовой молитвой, потому что ты некрещеная, не живешь духовной жизнью, это опасно, приведет к шизофрении». Мне было так жалко и так тяжело, что больше не могу молиться, но я послушалась его совета, потому что он был духовно опытнее меня. Интересно, что по ночам мне часто снилось, что молюсь, молилась во сне, может быть, от этой своей внутренней потребности и тоски по Богу, экзистенциального страха, который появился во мне, но днем я слушалась своего друга, который посещал Святую Гору и был духовным чадом митрополита. Вот такой опыт...

– *И когда произошел перелом?*

– Человек начинает понимать, что входит в такую область, где падшие духи поднебесные воздействуют на него, и, естественно, появляется страх. Я только с помощью молитвы стала чувствовать близость Бога, что Он дает мне силу, но еще не верила всем сердцем и искала кого-то, кто бы меня буквально из моей собственной кожи вытащил. Искала спасителя, Бога как спасителя, Который восполнил бы пустоту, которую я испытывала годами, утолил бы мою тоску по добру, по жизни, в конце концов. Живя без Бога, я чувствовала смерть, искала того, Кто бы воскресил во мне мертвеца. Мы жили в безбожном обществе, максимум которого был лозунг: «Мне все позволено», живя такой жизнью, мы изуродовали в себе образ Божий, все мое поколение. Может быть, кого-то жизнь и пощадила, но в целом все поколение шестидесятых (я родилась в 1962-м) от этого страдало.

– *Да, мы в той или иной степени прошли искушения восточными учениями, западной философией.*

– Верно, анархизм, нигилизм... Ницше...

– *Ищешь, видишь, что и тут нет ничего, та же*

ограниченность, пустота.

– Да, знаете, я уже тогда читала что-то о первых христианах, и мне хотелось начать жить, как они, ко крещению готовиться долгим постом. И я постилась Рождественским постом, ходила в церковь. Но мои друзья, когда начинался Евхаристический канон, выпроваживали меня из церкви, и мне становилось так грустно, тяжело, я чувствовала себя чужой, лишней. Но они говорили, что так нужно, потому что я некрещеная. Было мне тяжело, что я не вместе с ними, не в общении, но это послужило хорошей педагогической мерой, и тогда я стала поститься Великим постом и решила креститься на Великую Субботу, как первые христиане. Креститься хотела на озере, на Охридском озере у отца Владимира. Однако Господь судил иначе. Я познакомилась с сыном отца Владимира, отцом Стефаном, отличным теологом, он мне предложил поехать в Челие: «Ты же никогда в Челие не была?» И я согласилась: «Давай поедем туда, на могилу аввы Иустина».

– Вы уже знали об авве Иустине?

– Конечно, знала, авва Иустин был дядей моей бабушки, она называла его «мой дядюшка Благое». Он помогал их семье, платил за обучение ее брата, который тоже окончил духовную школу, стал священником – отец Раде из Ниша. Авва Иустин был ее дядей, и она часто его вспоминала. Когда я однажды сказала одному моему товарищу, что дядя моей бабушки в монастыре и его зовут Благое, он был потрясен: «Ты понимаешь, кто дядя твоей бабушки?! Это отец Иустин!» Я ответила, что не знаю, кто это, ничего о нем не знаю.

– Она больше ничего не рассказывала о нем?

– Нет, он ушел, она осталась и практически больше никогда не встречались, раза два он приезжал, уже будучи монахом, сохранились фотографии. Поэтому я захотела поехать в Челие, дай, думаю, посмотрю, все-таки он мой дальний родственник, может быть, пятое колено, но и не так это далеко.

Помню, когда я проходила практику в средней школе, у нас был секретарь по вопросам религии, и я, прочитав в журнале одну замечательную статью о Достоевском, поделилась с ним: «Никогда еще не читала ничего более глубокого!» – а он стал меня убеждать: «Ты не знаешь, как они лукавы, они так пишут, чтобы привлечь молодежь». Но я все-таки попросила его отдать мне журнал. И правда, я никогда не встречала более глубокого анализа творчества Достоевского, как в той статье аввы Иустина, которую он написал по поводу юбилея его смерти, и мне запомнилась та встреча с именем аввы Иустина еще в средней школе.

Так, я готовилась к поездке в Челие, это было в канун Благовещения, готовилась ко крещению. И на могиле аввы Иустина произошла встреча с митрополитом.

– *Это была ваша вторая встреча с митрополитом Амфилохием?*

– Да, я спросила его благословения на крещение, а он на меня смотрит так... пристально (а до этого он уже читал мои стихи, окрашенные некоторым нигилистическим духом) и ничего не говорит, молчит. Тогда я сама обратилась к нему: «Ничего, я смирюсь и перед Богом, и перед аввой, и перед вами, как вы благословите». Не много я знала о смирении, но эти слова просто сами вырвались, а он мне отвечает: «Ну, завтра мы будем тебя крестить». «О Боже мой!» – пронеслось в голове, и тогда, как это объяснить, в душе произошло какое-то землетрясение, сотрясение всего моего существа, всю ночь накануне крещения я проплакала.

– *Почему?*

– Так, не знаю сама, что случилось. покаяние, Бог прикоснулся...

– *Может быть, ходатайство аввы Иустина...*

– Да, молилась я в церкви Архангела Михаила, а это моя Слава, и монашество приняла в монастыре, посвященном святому Архангелу Михаилу.

На следующий день меня крестили в церкви Святого Иоанна Златоуста, святой Иоанн был любимым святым аввы Иустина, я попала под его покровительство. Это знак того, что весь мир, мир ангелов и святых, переплетается с нашей жизнью, что Небо и земля участвуют в спасении грешного человека. Да. Это так...

– *Необходимо только отозваться на Божий призыв...*

– Конечно, я три года откладывала крещение, все думала: а почему так, почему эдак? Человек заражен гордостью, заражен сомнениями, помню, однажды, сейчас и не скажу, что это было, сон или что-то другое, видела авву Иустина: он стоит на клиросе, а я кладу поклоны, молюсь, подходит ко мне и говорит: «Хорошо, чего ты ждешь? Почему до сих пор не крестилась?» Я очнулась и думаю: «Господи, что это?!» А позже, когда я узнала, что у него была такая энергичная походка, строгий голос, то даже немного испугалась, а он мне строго, очень строго сказал.

– *Удивительно, авва Иустин ваш родственник и духовный отец митрополита Амфилохия, который вас крестил, у вас одна Слава...*

– Да, можно проследить связь, как говорят, Господь устраивает, ведет. Я крестилась на Благовещение в монастыре Челие, сразу после крещения митрополит сказал: «Как твой духовный отец, благословляю тебя остаток жизни провести в

монашеском чине». Я тогда и не знала, что это значит, точнее, сказал – в ангельском чине, не упоминал монашество, но ангельский чин. Слышала, конечно, об этом раньше, хотя многого не понимала, и мне так хорошо стало на душе. Может быть, он увидел эту мою любовь. После крещения, в той благодати Святого Духа, я всем сердцем захотела полностью отдать свою жизнь Богу, всей душой, всеми мыслями служить Богу, и владыка, вероятно, увидел это и так благословил.

– *А до крещения вы не задумывались о монашестве?*

– Нет, только поняла, что хочу полностью посвятить себя служению Богу. А мне так все на душу легло, так понравилось, и сестры в монастыре – я всех их запомнила и полюбила. Все это было неизгладимо. И тогда я решила изменить свою грешную жизнь, начать жить в Церкви, по-христиански, и постепенно все стало меняться.

– *Перед вами не возникало дилеммы, как нередко бывает: семья или монастырь?*

– Одно время была такая дилемма, я дружила с молодым человеком и сомневалась, как поступить, хотя в моих размышлениях было много сентиментального, я представляла себе девственный брак. Не было дилеммы, скажем, в смысле рождения детей, я решила жить девственно, и это не подлежало обсуждению. Вопрос был в девственном ли браке или в монастыре. Я довольно быстро поняла, что мои размышления о браке несколько романтичны, что нельзя так, это нереально, это большой подвиг, на который должны быть готовы обе стороны, осознавая все, что стоит за таким выбором, должны сознательно принять этот крест. И тогда я решила, что все-таки будет лучше, если я пойду в монастырь. Хотя и пыталась найти компромисс, хотела, чтобы все были довольны – и мой молодой человек, и мои родители, которые остались одни.

– *Вы были единственным ребенком в семье?*

– Нет, у меня есть сестра, она вышла замуж за грека и уехала на Кипр. А я чувствовала себя опорой семьи, шесть лет после крещения прошло, я оставалась в миру, пока окончила факультет, потом устроилась на работу, чтобы вернуть кредит и не оставлять долгов родителям. Только после этого пошла в монастырь.

– *И где вы были сначала, в каком монастыре вы проходили послушания?*

– В Месиче. Митрополит Амфилохий был тогда епископом Банатским, находился в Вршце, и я приехала туда, чтобы быть ближе к духовному отцу, там было еще пять-шесть сестер, которых я знала со времен учебы на факультете.

– *Как долго вы были послушницей в Месиче?*

– Я там была около двух лет, вскоре митрополит уехал в Черногорию и благословил нас: мать Иустину, Эликониду и меня – перебраться туда с ним.

– *Мать Иустина – игуменья монастыря Ждребаоник в Черногории?*

– Да, она сейчас в Ждребаонике, мы вместе туда перешли послушницами, я приняла монашество в Ждребаонике в 1992 году.

– *Тогда монашество в Черногории только начало восстанавливаться, что это были за времена?*

– Да, с приходом митрополита началось восстановление монашества, народ удивлялся: «Что это за женщины, которые так странно одеваются, не выходят замуж и служат Богу?» Так тогда было.

– *Сколько вас было тогда в Ждребаонике?*

– Трое, хотя была еще одна старая монахиня, инвалид, и отец Матфей, который потом уехал в Сербию. Монастырь был в запущенном состоянии, мы, как могли, восстанавливали. Там большая святыня – мощи святого Арсения.

– *Расскажите о нем, он не очень известен в России.*

– Святой Арсений – сербский святитель, он был архиепископом после святого Саввы, большим знатоком и поборником церковного пения. Он воздвиг церковь Святых Апостолов в Печской Патриархии в Косово и Метохии. Чудесный святитель, я бы сказала, какой-то кроткий. Помню, как однажды владыка Афанасий выразился: «Боже, как благоухают мощи святого Арсения, словно полевые цветы», – тогда это сильно ощущалось от самых монастырских врат. Великий чудотворец, но бесконечно смиренный. Интересно его житие, он был похоронен в Печской Патриархии, затем его мощи перенесли в Доволю на реке Таре, оттуда в монастырь Морача. В Мораче один послушник поссорился с настоятелем, забрал мощи и унес их в монастырь Дуга Морачка. Одно время они даже находились в доме турка в Кучах, турок тот стал агой^[84] и очень почитал мощи святителя, украсил комнату, где они были, дорогими коврами, драгоценными предметами и никак не хотел отдать святыню, чтобы с ней «удача» его не оставила. Митрополит много раз просил его отдать мощи, но тот ни в какую, спустя известное время сам святитель стал ему сниться и требовал вернуть мощи, только после этого он согласился расстаться с ними. Потом они были перенесены в монастырь Косиерево – в службе ему говорится «Косиеревский», и находились там двести лет. В последнее время произошло много чудес от мощей святого Арсения, он великий чудотворец.

– Как долго вы были в монастыре Ждребаоник?

– Пять лет.

– Было очень трудно? Народ мало знал о Церкви, монастырях?

– Да, не знал, разные бывали ситуации, искушения разные были, но что хорошо с местным народом – все открыто: или тебя любят, или не любят, всегда знаешь, что у них на уме, нет в людях двуличности, это очень важно. У нас на юге не всегда понятно, кто что думает, по-другому там, а здесь все ясно. Могу сказать, хоть народ и был не церковный и в голове у него немного помутилось, но сердце осталось чистым, все-таки это хорошие люди, они хранят исконные ценности, уважение к святыням, к монашеству, какой-то трепет, здесь живо предание о святых Петре Цетинском и Василии Острожском. Думаю, это во многом потому, что живо предание о тех чудесах, когда, скажем, святому Петру приходилось и проклинать людей, пользоваться какими-то ветхозаветными методами.

– Чтобы помирить народ?

– Да, и об этом помнят, и точно известно, как это отражалось на отдельных семьях, сохранилось устное предание, ведь было относительно недавно, двести-триста лет назад. Потом святой Василий в Остроге подвизался, всегда народ приходил, и католики, и мусульмане, постоянно чудеса происходили. Все верят в его помощь, люди знали и рассказывали друг другу про него, хотя и тайно, все-таки здесь коммунизм был очень силен, и люди боялись, но все же шли.

– Во времена коммунизма Острожский монастырь не закрывался?

– Нет, они пытались в монастыре сделать больницу для легочных больных, но не получилось, хотя удалось закрыть монашескую школу, которая там была, ее запретили. Монахов тогда было мало, но святыня всегда оставалась. Народ приходил тайком, были исповедники веры, но тайные.

– Вы упомянули отца Владимира из Македонии, расскажите немного о нем. Владыка Йован (Чулибрк) говорил о нем как об исключительном человеке...

– Отец Владимир Санджаковский из Македонии – удивительный человек и священник. Владыка Йован его упоминает, потому что с помощью отца Владимира и его семьи он открыл для себя веру. Удивительные люди и по христианскому гостеприимству, и по духу, который сохранили. Они исповедали живую веру в Бога, когда это было совсем нелегко, Церковь уже раскололась, коммунисты разделили Церковь, создавая искусственную нацию. Он действительно был исповедником, был известен своей любовью к сербам и много испытаний претерпел

за это, но все переносил терпеливо. Вырастил четверых сыновей, они прекрасные люди, христиане, один из них стал священником – отец Стефан Санджаковский – святой души, смиренной, дивной. Один из предков, точно не помню кто, дядя, кажется, был игуменом в Зографе, их род имеет священническую традицию не меньше пятисот лет.

– И как складывалась ваша монашеская судьба?

– Потом митрополит благословил мать Иоанну, с которой мы вместе пришли из монастыря Месич, восстанавливать монастырь Успения Богородицы Дуга Морачка, так он называется по соседнему селу, недалеко от Подгорицы. А с ней благословил и меня, это случилось в день святого Серафима Саровского. Позвал нас владыка в Цетине и начал рассказывать нам об Авраамовом послушании, о самопожертвовании, такое предисловие сделал и потом говорит мне: «Сестра, благословляю тебе идти в Дугу». Я сделала земной поклон и ответила: «Пусть будет по вашему благословению, владыко» – и пошла...

– И там, куда вы пришли, была практически пустыня? Была ли церковь?

– Был хлев, который служил кровом каким-то погорельцам, и мы жили в доме у одной женщины. Дом был на монастырской земле, ее разделили коммунисты после войны. Позже мы перебрались в вагончик и жили в нем еще целый год. Но все-таки нам было там свободнее, чем в чужом доме с портретом Тито на стене, никак она не хотела его снять, не разрешала приносить лампадки, иконы. Да, восстановление монастыря до сих пор продолжается, но те первые семь лет были самыми трудными. Стояла там и маленькая церковка, мы достроили придел, привели ее в порядок, красивая древняя церковь, посвященная Успению Богородицы. По преданию, ее за одну ночь перенесли из Биоче, народ перенес на руках, камень за камнем, чтобы спасти от турок.

Семь лет я была в Дуге, и потом так же получилось, как и со Ждребаоником: как только мы обжились, создали какие-то нормальные условия для жизни, Божиим благоволением через моего духовного отца мне был дан другой крест. Митрополит благословил меня перейти сюда, на остров, в монастырь Бешка^[85], восстанавливать святыню, исполнить завещание Елены Балшич: построить здесь, на Скадарском озере, женский монастырь; митрополит хотел исполнить завещание Елены...

Монастырь Бешка, Черногория

– Елена – дочь князя Лазаря?

– Да, она вышла замуж за Джураджа Стратомировича-Балшича, Джураджа II^[86].

– Здесь и ее мощи, но еще не обретены?

– Знаете, владыка благословил написать ее икону, митрополит имеет на это право. Она действительно была большим поборником Православия, исключительно одаренная женщина, в те тяжкие времена она защитила веру и сохранила

народ в единстве.

– Она была духовной дочерью Никона Иерусалимского?

– Да, Никона Иерусалимского. Она обладала многими талантами, была поэтом, государственным деятелем. Есть книга, историческое исследование о ней, в архивах сохранилось не много, но здесь собрано все, что удалось найти. Елена Балшич знала несколько языков, красавица, образованная, она вела войны с млечанами. Согласно исследованиям ее останков, установлено, что она часто ездила верхом и делала много земных поклонов, это видно по деформации суставов и костей. Млечане звали ее «Королева-разбойник».

– Кого вы называете млечанами?

– Млечане – венецианцы, о них говорится и в фильме «Гибель империи» отца Тихона (Шев-кунова), речь идет о гибели Византии. Это те, что грабили Византию, а здесь они хотели подвести под папский престол всю Черногорию.

– И когда вы сюда пришли, что здесь было? Снова все нужно было делать сначала?

– Все сначала, но не так, как в Дуге, где мы начинали с вагончика. Отец Ефрем успел немало, уже был построен конак, хотя и со строительными ошибками. Казалось, здесь никто не жил, все находилось в запустении, было много влаги.

– И климат здесь тяжелый, большая влажность, жара летом, озера, не было электричества. Как вы выдержали?

– Когда человек не ожидает много, ему везде хорошо, милостью Божией, благословением митрополита выдержали, Господь дал силы, смогли все преодолеть. Одна девушка из России, когда услышала, что у нас семь лет не было электричества и воды, испугалась, смотрела на нас, как будто мы инопланетяне.

– Сколько было сестер?

– Сначала две, вскоре пришла третья, потом четвертая, но люди менялись. Не все могли выдержать, некоторые не могли решиться на постриг, проживут год-два и уходят. Все-таки, чтобы быть на этом месте, нужна определенная зрелость, не очень тут легко, большие искушения. Если человек остается в послушании, то не трудно, но если выйдет из послушания, тогда тяжело. Пока ты в послушании, то покров Божий хранит, благодать этого покрова помогает в этой борьбе, тогда можно и сказать: «Бремя мое легко». Великая в этом тайна, великий дар.

– Вы строгая игуменья, как сами считаете?

– Говорят, что мягкая, а я думаю, что строгая. Те внутренние требования, которые я бы хотела, чтобы каждый себе ставил, – строгие, но внешне получается, что на многое смотрю

снисходительно. Владыка Даниил писал, что самое трудное послушание в Церкви – игуменья женского монастыря.

– *А что было самым трудным для вас?*

– Шесть лет у нас не было литургии по воскресеньям, хотя иногда среди недели приезжали священники, служили... Не знаю, что сказать, все было трудно. Самим с собой нам было тяжело, мешала наша незрелость для такого подвига, на все остальное Бог давал силы, но борьба с собой всегда самая трудная. Хотя помню, что, когда мы сюда пришли, а место еще было неосвященное, сильно чувствовался какой-то неприятный запах. Я спрашивала владыку Иоакима, он приезжал к нам служить: «Владыка, что это здесь так неприятно пахнет?» Он ответил: «Это бесовское». И сестры ощущали какой-то страх, хотя само по себе место благодатное. Но когда стали регулярно служить литургию, все прошло постепенно, и сейчас тут мирно, хорошо. Монастырь Бешка находится в тихом месте, которое, согласно преданию, синайские монахи выбрали как убежище, когда в XIV веке пришли на Балканы.

– *Сейчас вы игуменья монастыря, по светскому образованию вы психолог, помогают ли вам эти знания в отношениях с людьми, с сестрами – или это иное?*

– Думаю, что иное, не думаю – знаю. Человек, открывая святых отцов, отказывается от всякой психологии и ее учений. Церковь имеет двухтысячелетний опыт, и когда вы читаете Исаака Сирина или Макария Египетского, кого угодно из святых отцов, то видите совсем иной метод выздоровления и очищения души. Современная психология выросла на западной, протестантской почве, психологи должны были в каком-то смысле заменить священников, духовников, стать современными гуру. Я рада, что наш народ этого не принял, особенно в провинции, помню, что, когда начала работать, людям это было совершенно не нужно. Я целыми днями сидела одна в своем кабинете, и никто не приходил на прием. Думаю, что священник незаменим в процессе возрастания человека и сама исповедь – как святая тайна возрастания во Христе.

– *Иногда исповедь превращается в психотерапию, человек не столько исповедует грех, сколько рассказывает историю своей жизни, ведь людям в самом деле часто не хватает внимания, понимания, и они ищут его у священника, особенно в начале церковного пути.*

– Хорошо, да, для этого и духовник, чтобы внимательно заниматься человеком. Иногда, если есть душевная потребность изложить свои проблемы, надо это сделать. Духовники нужны, чтобы направлять, никто не родился наученным. Конечно, наша

исповедь зависит и от того, насколько глубокой была наша встреча с Богом, будем ли рассматривать собственные проблемы или разоблачать грех, каяться перед Богом. Как говорит митрополит, «змее надо в голову целиться!» Сразу исповедать то, что важно, но иногда люди подробнее рассказывают о проблемах, и так тоже идет процесс возрастания. Об этом много писал Иерофей (Влахос)^[87].

– *Сейчас немало говорят о соединении психологии с Православием, есть и священники-психологи...*

– Если отталкиваться от православной антропологии, тогда можно что-то сделать в этом плане, но с осторожностью, чтобы основой этой терапевтической деятельности было учение святых отцов о душе, о человеке, о грехе, исцелении души. Да, бывают и болезни, невроты...

– *И тогда нужна помощь врача?*

– Она возможна, если этот врач православный человек и опирается не только на лекарства и какие-то знания, которые весьма ограничены, так как каждый психиатр принадлежит определенной школе. Не знаю, что сказать, это очень многоплановая тема. Думаю, что видно, когда человек психически болен, так же как видно, когда он духовно здоров. Что значит духовное здоровье? Иметь благодать Святого Духа – в этом духовное здоровье человека, а сколько в мире духовно здоровых людей, простите? Мало. Значит, святость – здоровье в каком-то своем кристально чистом смысле. А сколько таких людей? Это вопрос.

– *Нередко говорят о физическом здоровье как о самом важном для человека. Так ли это?*

– Думаю, речь идет не только о физическом здоровье, но и о ментальном, наш народ говорит: «Господи, возьми все, только ум не отнимай». Большое это благословение, когда человек здоров, знаете, правда, надо благодарить Бога за этот Его дар, нам все легче, когда мы здоровы. Однако и болезнь благословение, посещение Божие, но и большой крест, который нужно взять и нести, а в наши расслабленные времена мы все болезненные. Господь нам так дает.

– *Физическая болезнь как путь к духовному здоровью?*

– Да, и так бывает, как восполнение подвига, готовности к жертве. Господь дает болезнь во спасение. Когда человек узнает Христа как путь, только тогда начинает дышать полной грудью.

– *Не всегда человек сразу находит Христа...*

– Но хорошо, кому-то с малых лет удастся сохранить целомудренность и чистоту. Владыка Афанасий (Евтич) такой. Господи Боже, какое это богатство, какой это ум, какие это живые

отношения с Богом, какая смелость! Это только у владыки Афанасия есть, думаю, что нет больше ни у кого в Сербской Церкви, нет и в России. Сейчас слушаю его лекции, которые он читал двадцать пять лет назад, где он говорит о Боге как о земле Живых. В самом деле, иметь недалеко такого человека, который встретил Бога, Бога любви, и может приблизить к Нему, что важнее всего, молодых людей, освободить их от рабства идее, ограниченности, морализаторства, каких-то спекуляций! Просто удивительно!

Архимандрит Лука (Анич)

Да, это большое благословение Божие, что мы можем напиться воды живой из истинного источника, от людей, носителей здорового святоотеческого учения. Одним из таких свидетелей Бога любви был и отец Лука – архимандрит Лука (Анич)^[88]. Он встречал нас, раскрыв объятия, с известным

приветствием: «Родная (родной), добро пожаловать! О, кто это ко мне пришел, радость мне!» Каждого, как самого близкого, родного, грел нас теплом своего сердца. С тех пор как я его знала, с 1984 года, он светился детской радостью и простотой. Лука лученосный, освященный светом Божий благодати, служитель Бога Живого, раненный неизмеримой любовью Распятого Христа, служил в ожидании Господа. Он сказал однажды: «Знаешь, когда я Богу молюсь, просто не могу выдержать изливание благодати, и прошу: останови волны Твоей благодати, Господи, я человек». И видишь человека, каждый атом которого растаял от обилия благодати, и он стал как незлобивое дитя, которое обнимает весь мир. Или это: «Я всегда забываю плохое, как будто и не было, просто не помню, – дар Божий», – и еще: «Я давно перестал думать, что я некто, что могу сделать что-то большое, но надеюсь, что Господь спасет меня молитвами всех тех прекрасных людей, которых я встречал и знаю».

Сейчас он уже встретился с Господом, к Которому так стремился, за Которым шел с юных лет.

В наши времена, мне думается, борьба более тонкая, чем раньше, все надо выдержать и вынести, но Господь за это изобильно дает Свою благодать.

Учиться простоте

Иеромонах Рафаил (Болевич)

Монастырь Подмаине, также известный как Подострог, имеет для Черногории особое значение, которое выходит за рамки истории сербского Православия. В стенах этого монастыря митрополит Петр II Петрович Негош написал поэмы «Горный венец» и «Свободиада». Точная дата постройки монастыря неизвестна; согласно преданию, основание его связано с династией Неманичей, правившей на этих землях двести лет, с 1170 по 1371. Существует свидетельство, что святой Савва – основатель Сербской Православной Церкви – отправился в XIII веке в паломничество на Святую Землю именно из этой обители. Монастырь посвящен Успению Пресвятой Богородицы, в этот день в 1219 году Сербская Православная Церковь обрела свою независимость. С началом восстановительных работ в 1995 году в монастыре Подмаине вновь появились монахи и послушники, и сегодня обитель является центром многих важных церковных и культурных мероприятий. Большая заслуга в этом принадлежит и ее настоятелю, иеромонаху Рафаилу (Болевичу).

– Отец Рафаил, вы представитель молодого поколения монашества в Черногории, церковная, монашеская жизнь уже возрождалась, но влияние коммунистического режима было еще сильным. Как вы нашли свой путь к Церкви?

– Мое детство, как и детство большинства моих сверстников, прошло в атмосфере, которую нельзя назвать благочестивой в истинном смысле, в смысле православного благочестия, православной традиции, которая существовала в прежние, лучшие времена. Это не значит, однако, что в семье не было веры, она была в той степени, в какой может она проявляться в человеческой природе, насколько родительская любовь может ее транслировать, хотя я и не был воспитан именно в православном благочестии. Повторю, что это случай не только моей семьи, но большинства семей нашего времени. Однако возможность найти, открыть веру существовала, так как недостаток благодати, недостаток церковного сознания, определенным образом сопряженный и с риском, подталкивал молодых людей к поиску смысла. И в этом можно увидеть преимущество нашего времени, в отличие от атмосферы поверхностного отношения к Церкви, которая была характерна для прежних времен и которая привела к значительному отпадению и в конце концов к антицерковному сознанию. Мое поколение (и я как его представитель) очень рано почувствовало всю бессмысленность того, что составляло нашу жизнь и в семье, и в обществе. А присутствие в ней смерти и отсутствие Того, Кто уничтожил смерть, лишь усиливало ощущение пустоты и жажду истины. Но не буду углубляться,

скажу только, что в Православную Церковь меня привела смерть и чувство бессмысленности, которое остается как ее последствие. На искренний поиск победы над смертью Господь мне ответил и привел меня к тому, что преодолевает смерть, дарует бессмертие, через Православную Церковь, Святые Таинства и особенно через святую неисчерпаемую литургию. Встреча с литургией была главной в моем решении войти в церковную жизнь, посвятить жизнь источнику смысла и нетления, Христу Богу, освободила мою жизнь из плена бессмысленности.

– *Сколько вам было лет, когда вы приняли такое решение? Как это произошло? Вы встречались со священниками, церковными людьми?*

– Да, в моих скитаниях в поисках смысла, который я пытался найти и в литературе сего мира, в сочинениях заблудших мыслителей, первая серьезная встреча произошла в конце 1990-х годов на отдыхе в Боко-Которском заливе, там я с родителями проводил лето. Мне встретился молодой человек, студент богословского факультета, и не просто студент, этот юноша уже в полноте вкусил всю сладость Православия и обладал даром передать ее другим. Тогда, в разговоре с ним, я впервые почувствовал, что есть жизнь, что есть смысл, и жизнь эта обильно изливается в православной вере, которую, по правде сказать, до тех пор я вообще не принимал всерьез как возможность, как альтернативу.

– *Почему, в чем причина?*

– Одна из причин в том, что ни в школе, ни в семье и вообще в моем окружении не было никого, кто бы открыто свидетельствовал о вере, что не значит, что таких людей не было в принципе, но в общественной жизни, в обществе им не давали слова. Дни моей юности проходили в центре Подгорицы, где мы жили.

– *Тогда город назывался Титоград?*

– Да, там, где сейчас воздвигнут храм Христова Воскресения, в те времена находился общественный туалет. Поэтому встреча с верующим человеком была совершенно неожиданной и в очень необычном для этого месте – на городском пляже, куда пришел тот молодой человек и нашел меня.

– *Когда это случилось?*

– Двенадцать лет назад, мне было двадцать четыре года. В разговоре с этим человеком я почувствовал силу, я даже не вспомню сейчас, о чем мы говорили, не помню тему, но помню ту силу. Возможно, это была благодать Божия, которую он в себе носил, и она передалась нам, особенно мне. Тогда я еще не был крещен, не знал святотайнственной жизни Церкви, но уже был

заинтересован. И что еще очень важно, если говорить о моем вхождении в Церковь, брат Деян (так его звали) посоветовал мне читать неизвестного мне тогда писателя, этим писателем был владыка Николай (Велимирович), речь шла о его книге «Молитвы на озере». Я послушался его, пошел в храм святителя Николая в городе Котор и не искал там ничего другого, кроме этой книги. Чудом Божиим сразу нашел ее. Уверен, что сейчас ее там нет, но тогда она ждала меня, и при первой встрече с ней, точнее, с первыми словами молитвы мне открылся свет. Этот момент я считаю переломным.

Святые отцы говорят, что в жизни каждого христианина существует момент, который отделяет его от прежней жизни. Конечно, после этого и благодаря этому возник мой серьезный интерес к Православной Церкви, и для меня стало шоком, что смысл, который я искал, вечную жизнь и истину я нашел всего лишь через дорогу от дома – в храме, в котором раньше был туалет. Правда, в тот момент храм уже был восстановлен, действовал. Сразу же после возвращения в Подгорицу я пошел туда и увидел, что там кипит жизнь, существует община, к которой я не принадлежу, потому что не крещен. Вскоре я принял крещение и причастился, с полным незнанием литургической жизни Церкви, но с огромной потребностью принадлежать к этой общине. Повторю, что тогда единственным, чего я искал, было утешение, утешение в обретении смысла, непреходящей жизни. Я, измученный бессмыслицей и бременем смерти, интуитивно почувствовал что Жизнодатель – здесь, в Церкви.

– Как вы нашли духовника? С кем из священников вы встречались в начале вашего пути?

– Первой духовной встречей была встреча с архимандритом Бенедиктом, что удивительно, на том же месте – в старой части города Котор. Мимолетная встреча – он проходил по улице, на которой мы, молодые ребята, собирались, и привлек мое внимание не только внешне, но духовно. Отец Бенедикт был с группой монахов, встреча была краткой, но в моей душе осталось желание новой встречи. Тогда я не знал, кто эти люди, кто отец Бенедикт, где они живут, но очень хотел вновь их увидеть. Спустя год или полгода после той встречи мы встретились именно в этом монастыре. Мы, молодые новокрещенные верующие, отправились в паломничество по святыням Черногории – незнакомым для меня тогда местам, которые хотелось узнать. Мы ездили по приморским монастырям, и в монастыре Подмаине мне встретился именно тот священник, которого я видел тогда в Которе. И это была уже личная встреча, она произошла в такой момент, когда во мне назрела истинная необходимость в ней,

возникли условия для нее. Наши отношения в дальнейшем продолжились в исповедях и разговорах.

– *А теперь вы пришли ему на смену и стали настоятелем монастыря Подмаине...*

– Да, так случилось по Промыслу Божию, духовная связь с самого начала возникла с отцом Бенедиктом. Конечно, я был в хороших отношениях и с другими священниками, конкретно с отцом Драганом Митровичем, настоятелем храма в Подгорице, который я как ее житель посещал. Многое меня до сих пор связывает и с общиной того храма, но о духовных отношениях в более узком смысле могу говорить в связи с отцом Бенедиктом. Он мне помогал, насколько возможно, правильно включиться в церковную жизнь и утвердиться в желании стать членом монашеской общины.

– *Когда вы приняли это решение?*

– Встретившись с монашеским преданием, я был восхищен, я узнал в монашеском образе жизни все свои желания и представления о том, какой должна быть жизнь, даже в практическом смысле. Свое желание стать частью монашеской общины я открыл отцу Бендикту, и он меня поддержал, правда, не благословил сразу идти в монастырь, хотя я этого хотел, но оставил, чтобы я испытал волю Божию. Следовало дожидаться, когда сложатся условия, и я не пожалел об этом, в конце концов все получилось благословенно и в смысле семьи, родителей и друзей.

– *Как отнеслись к вашему решению родители?*

– Благословили. Правда, решение было для них непростым, все-таки они совсем недавно приступили к церковной жизни, а монашество всегда – тайна, которая не принята полностью даже в некоторых кругах верующих, есть какой-то малый вакуум, кризис. Но благодаря Богу и Матери Божией все сложилось хорошо и родители меня сейчас целиком поддерживают.

– *Да, родителям тяжело дается такое решение детей...*

– В тот момент им было тяжело, очень тяжело, но они не предпринимали никаких неблагословенных мер, с уважением отнеслись к моему решению и преодолели свой эмоциональный родительский кризис с помощью участия в духовной жизни Церкви. Слава Богу, если мой приход в монастырь даст им большую возможность идти по пути духовной жизни, нести свой крест.

– *У вас есть братья или сестры?*

– Младший брат, у него есть семья, он адвокат и старается жить литургической жизнью.

– *В каком монастыре вы приняли постриг?*

– В Подмаине. Восприемником был отец Бенедикт, а постригал митрополит Амфилохий, в нашей епархии постригает преимущественно митрополит.

– *В каком году?*

– В 2004-м.

– *А когда вы стали настоятелем?*

– Мы живем в сложные времена, Церковь возрождается, восстанавливаются монастыри, расцветает духовная жизнь, но все же, к сожалению, нас не так много, и случается так, что молодые люди, молодые монахи довольно быстро занимают позиции, которые налагают большую ответственность, молодые монахи становятся настоятелями, а необходимых знаний и опыта нет. Так было и в моем случае, вскоре после пострига я был введен в церковный клир, рукоположен в дьяконы, затем в священники. По благословению митрополита наш настоятель отец Бенедикт получил послушание восстанавливать монастырь Архангела Михаила на Михольской Превлаке, а меня оставил здесь, доверив мне ответственность за эту подмаинскую святыню.

– *Как вы отнеслись к такому решению?*

– Самым лучшим образом, в том смысле, что все мы приняли его как благословение Церкви и как послушание Церкви. Я не рассуждал, смогу ли я, как это будет, правильно ли это, но принял, как и всякое другое послушание, с доверием к решениям Церкви и Промыслу Божию, с верой в то, что воля Божия совершается через священную иерархию, а Господь и Богородица помогут. Слава Богу, так и было, я чувствую помощь Божию, сам с моим знанием и опытом, которых не имею, не мог бы нести такое послушание, но сила Божия в немощи совершается, при условии, что мы видим и признаем свою немощь, исповедуем ее. Несмотря на то, что вокруг нас происходят значительные события, ибо Церковь – та, которая творит великие дела, мы не должны приписывать их себе, но помнить и исповедовать свою немощь, чтобы сила Божия проявлялась не только ради нас, но и ради всего народа Божия, ради Церкви.

Монастырь Подмашине, Черногория

– *Вы исповедуете людей?*

– В силу обстоятельств люди привыкли искать здесь утешения, мы осознаем, что монашество, иеромонахи не должны слишком включаться в эту сторону церковной жизни, но такая сейчас ситуация, и мы разделяем заботы Матери-Церкви, помогаем людям, которые приходят, ищут поддержки, утешения. Мы опять же не рассуждаем, в свою очередь просим Божией помощи, и пока нам удастся как-то балансировать. А народа

бывает много.

– *Ваш монастырь находится в Приморье, где много туристов, паломников, создает ли это дополнительные трудности?*

– Создает.

– *Как вы справляетесь с ними?*

– Только с верой, этот монастырь должен быть здесь, он восстановлен, он необходим этому городу, региону, народу. Я верю, что воля Божия в том, что монастырь находится здесь, и мы должны быть именно в нем, не рассуждать слишком, но стараться обрести благодать Божию, исполняя свои духовные обязанности. А благодать покрывает нас и поможет поддерживать народ, идти ему навстречу. Стараемся определить время, когда монастырь и наша община открыты для посещения. Здесь учитывается и богослужбное время, время для встреч и разговоров. По воскресеньям отведено время для собраний и бесед на определенные темы, лекции.

– *Известно, что ваши проповеди любимы народом...*

– Стараюсь делиться с людьми опытом Церкви, преломляя через призму своего опыта, предложить некий ориентир, не выделяя собственного мнения, во всяком случае, делюсь своими чувствами, своей реакцией на встречу со Святым Преданием, но минимально, говорю и о современном и проблемах народа.

– *В Сербии и Черногории существуют теплые, близкие отношения народа и священства, расскажите об этом...*

– Это особенность сербского народа и его крестного пути, мы просто не можем и не умеем по-другому. Это наша реальность, благословение Божие и Промысл Божий нас направляли именно к таким отношениям, и они по своей сути наиболее близки к ранней Церкви. Однако в них таится и определенный риск. В каком смысле? Конечно, я не имею в виду апостольскую Церковь, апостольский уровень, тут не может быть разговоров, но близость священства и народа может вызвать и некоторые деформации, проблемой может стать не отношение народа к священству, а священства к народу. Священство все-таки должно сохранять пастырское настроение, а близость с народом может приводить к снисхождению к страстям людей и духу мира сего. Это тонкая и опасная грань, которую священник не должен переходить, чтобы не утонуть, так сказать, в народной атмосфере, не растерять то благословение, которое дала ему Церковь, – быть пастырем и постепенно, терпеливо поднимать народ на духовный, церковный, точнее, литургический уровень сознания. Были времена, и сейчас такое случается, когда священник проверяется тем, насколько он может приспособиться к народным обычаям, что неправильно. Священник должен быть в народе, но как посланник Христов,

нести евангельское слово, евангельскую атмосферу, звать народ на путь Евангелия, это очень важно.

– *Воспитывать у верующих привязанность не к себе, а к Богу?*

– Да, конечно, не привязывать к себе, это в нашей Церкви абсолютно недопустимо. Конечно, когда священник живет праведно, добродетельно и старается свидетельствовать о Христе, он становится магнитом. Как источник влечет человека, ибо он черпает воду из него, так и священник, через которого звучит слово Божие, проявляется благодать и истина Божия, конечно, будет привлекать народ. Народу необходим воплощенный пример веры, но правильная проповедь всегда ведет и прославляет Святую Троицу. Таким образом устраняется опасность психологической привязанности, эмоциональной, страстной.

– *Как это воплощается на практике?*

– Знаете, например, у нас есть одна такая гибкая ситуация, связанная с сербской Славой. Укреплять наш народ в праздновании Славы и не призывать его к литургической и аскетической жизни не имеет смысла. Если семья принимает священника, чтобы он окропил дом святой водой, это еще не значит, что ее члены приняли проповедь Церкви. Потому что так мы не зовем людей к изменению, а Церковь требует изменения. Апостольская проповедь – проповедь Церкви до конца времен, и я как православный священник должен быть носителем апостольской проповеди. Не проповеди моего переживания веры, не проповеди моего восприятия ситуации и моей оценки, ибо не мы создали Церковь, а Церковь поставила нас, – и не только в смысле хиротонии. Я должен нести проповедь не на уровне интеллекта, но свидетельствовать своей жизнью, чтобы слово имело силу и будило веру в народе. Я встречался, разговаривал со священниками, которые начинали сомневаться в истинах веры. А вера – дар Духа Святого, если отступит благодать Божия, каждый человек без исключения может усомниться в основах, в догматах нашей веры. Почему? Потому что мы начали экспериментировать, нам недостаточно истины как таковой, но мы хотим ее разобрать, разработать, переделать, приспособить. Нельзя так...

– *Что именно вы имеете в виду?*

– Говорю конкретно, в практическом смысле о литургии. Литургия – святыня из святынь, православное благочестие без литургии немыслимо. О чем я вам могу говорить, если не укажу на литургию и Святые Таинства? Мой рассказ превратится в простой обман: я говорю о чем-то, но не указываю на источник, говорю о посте, об основных условиях духовной жизни, об отношениях со священством, о благословении, послушании,

молитве, страстях, но если нет Источника, мы попадаем в пространство фантазии.

– Отец Рафаил, какой вам видится роль традиции в сохранении веры? Если вернуться к Славе, владыка Николай говорил о ее значении – сербский народ сохранил веру при коммунизме во многом благодаря Славе, хотя и у традиции есть своя обратная сторона. Что вы об этом думаете?

– Слава имеет большое значение, она дает и возможность практического миссионерства Церкви. Говорю из перспективы священника, пастыря вообще. Вот семья отмечает Славу, и у вас таким образом есть возможность сказать слово. Кого мы прославляем? Святого Савву. Вот и выстраивай проповедь от святого Саввы до святого Иоанна Крестителя. Можно использовать Славу для миссионерства, ибо святой Савва пророчески установил этот обычай не только для того, чтобы семья собиралась, но и чтобы Церкви, священникам помочь привлекать народ к литургии. Слава тут была надежным звеном, которое связывает народ и Церковь через призму семейного единства, что очень важно. Человек должен и семью воспринимать через Церковь, ибо без семьи трудно понять и Церковь, без здоровых семейных отношений трудно не только понять Церковь, но и воспитывать людей, которые будут ей служить. Семья – это Церковь, что тоже важно знать. Таким образом, Слава играет огромную роль.

Очень важно уважать и соблюдать традицию, но в литургическом смысле. Иначе, если мы соблюдаем обычаи, отторгнутые от литургии, они становятся помехой. Если мера нашего благочестия такова – для празднования Славы хозяин потрудился, все прекрасно приготовил, но не знает житие святого Николая, то трудно ему объяснить, что он поступает плохо, если не постится в этот день^[89]. И возникает новая проблема – как такого верующего не оставлять в том, что неправильно, ибо Слава со временем утратила литургичность – хозяин не причащается, хозяин не постится. При этом мы не можем сослаться на церковные каноны и сказать: «Смотри, в день Славы нужно так и так». Такая работа ложится на нас, священство.

Это большая ответственность и серьезная проблема, но верю, что наш священник потрудится.

Сербский народ – народ-воин, настойчивый, и эта настойчивость очень ему помогала, когда он принимал благословение Божие. У серба упрямая голова, твердый лоб, способный и стены прошибать, но без благословения Божия упрямая голова – всего лишь череп, и если священник по человеческой слабости не может «схватить за рога», укротить, то

ничего не поделаешь. Многие плывут по течению: пусть идет как идет, проблема не решена, одна, другая, третья... такая ситуация может стать правилом. Конечно, есть прекрасные благословенные Славы, удивительные, литургические, полные смысла и меры. Да, мы не можем превращать Славу во всеобщее бдение, читать акафисты и класть поклоны, но без литургической основы, без осознания, что такое Слава, праздник становится проблемой.

– Но сами по себе традиции необходимы? Иногда можно услышать высказывания против традиций, зачем, мол, традиция, если нет любви. Но любовь не заменит автоматически традицию?

– Это недопустимо, это другая крайность. И она касается не только семейной традиции, но и священного пространства, богослужения, Святых Таинств. Знаете, сейчас появляются комментарии, так сказать, смелых и либеральных по духу теологов, которые говорят такие глупости, что с такими мыслями возможно только, выражаясь спортивным языком, моментальное исключение из игры. И все же сейчас, к сожалению, мы

становимся все более индифферентными. Это недопустимо, следует активно реагировать.

– Есть ли реакция?

– Как мне кажется, дело в том, что отдельным пастырям хватает такта или стратегии, но хотелось бы, чтобы реакция была быстрой и соборной, чтобы то, что мы слышим, услышать еще раз публично и исследовать. Важно не то, как это действует конкретно на меня, но как Церковь на это реагирует, – нужно проверять ее учением все сказанное, и если нет соответствия церковному учению, обратить внимание брата на это. Если не послушает, еще раз обратить внимание. Но если вирус овладел им до такой степени, что он не может исправиться, тогда есть метод, который Церковь применять не любит, но на нас лежит ответственность, и необходимо устранить такого из Церкви, подчеркнув, что это акт любви, духовной любви к истине и общине. Почему? Потому что он может какой-нибудь полной доверия юной душе влить в вену яд. Ведь пока яд в ампуле, это сам по себе яд, но, когда попадет в кровь, попробуй его найди, он всюду – в крови, в сердце, а духовный яд очень быстро распространяется. Таким образом, либерализм не только традицию в целом, но и церковную богослужебную традицию хочет обесценить псевдодуховностью.

Отрицать традицию и призывать к свободе не позволяли себе даже самые высокодуховные отцы нашей Церкви – все ее уважали, не привязывались к ней, но уважали. Приведу пример. Святой Игнатий (Брянчанинов) умер с православным молитвословом в руках, читал молитвы. А мне сейчас говорят: «Знаешь, ты молился

как можешь, „Молитвенник“ не обязателен, это нормально». Святая Гора нас учит, у них принят святогорский устав. Почему? Отцы передавали, молодые поколения принимали.

Однажды я был свидетелем очень трогательной сцены, это было в монастыре Хиландар. Я имел счастье служить и быть в алтаре. Я видел, как один хиландарский дьякон учил профессора литургики, епископа, Святогорскому уставу, который отличается какими-то нюансами, порядком некоторых действий от других, и тот епископ, вполне духовно зрелый, спрашивал, как нужно – так или так? Он служил на территории Святой Горы и уважал святогорское предание. Конечно, возможно, и есть какие-то неправильности, возможно, что-то можно усовершенствовать тем или иным образом, но было бы неуважительно менять святоотеческое предание, оно веками хранит святыню, перед ним должно преклониться, преклонить колени. И мы тоже должны уважать Святое Предание, ничего резко не менять, болезнь модернизма и заключается в резких изменениях того, что создавалось веками. Насильственное вторжение в жизнь Церкви опасно во всех отношениях.

– *Реформаторы часто ссылаются на практику ранней Церкви.*

– Да, это так. Но никто не следит за континуитетом и дыханием Духа. И сейчас устанавливают связь «Я и Священное Писание». Подождите! Разве не было ничего между? Представьте, если бы я пренебрег опытом и благословением моего отца Бенедикта и отца Захарии и сказал: «Эти монахи не имеют значения, я признаю только святого Исаака Сирина или Пахомия Великого!» – и ввел такой устав в монастыре, как в древнем монашеском предании? Знаете, что я сделал бы тогда с братией? Они бы просто разбежались, если бы я ввел те посты, те бдения, послушания, отсечение воли. Попробуем сравнить нашу монашескую жизнь с древней, если узко смотреть, и получим пародию, комедию. Но и сейчас есть жизнь, знаете, Дух Святой дышит, питает нас.

Древние отцы оплакивали нас, тот уровень, на котором мы будем, и те времена, в которые живем, но видели нас как монахов, для них мы и в эти времена, с нашими немощами – все-таки монахи и христиане. О нас говорили: «Не будут иметь подвигов, но будут в таких соблазнах, что, если выдержат, станут больше отцов наших». Что значит «выдержать»? Без ропота нести крест, с верой и благодарностью. Так говорит святой авва Исхирион^[90], один из великих отцов. Это страшные слова, но полные утешения и надежды. Он сказал, что не будет прежних подвигов, будет другая ситуация, но монашество – всегда образ, свет. Конечно, мы, монахи, нередко даем плохой пример, и

ответственность лежит на нас, но еще одна из проблем – недостаточное внимание к монашескому преданию и опыту, смещение акцентов на другие источники идей.

– *Какие источники вы имеете в виду?*

– Имею в виду современную мысль, которая исходит, скажем, из школ, это сейчас становится каким-то новым основанием мысли. Нам нельзя без монашеского предания, это подтверждают и современные монашеские лики, такие как старцы Порфирий^[91] и Паисий^[92], Иосиф Исихаст^[93], люди, вдохновенные Духом Святым, Святым Преданием. Сегодня есть множество прекрасных великих душ, но никто их ни о чем не спрашивает, никто. Как сказал кто-то из отцов, кто сегодня посылает свои рукописи на Святую Гору, чтобы их прочли и сказали, можно ли публиковать? Нет, пишут, проходят небольшие рецензии, и, вместо того чтобы за голову схватиться, публикуют, а тираж две тысячи или двадцать тысяч – все, ушло. Григорий Палама все, что писал, отсылал святогорским старцам, чтобы они прочитали, подписали – все игумены, старцы – и заверили собственноручной подписью, что они согласны с написанным. Это основание здоровой духовности – недоверие к себе. К сожалению, сегодня мы склонны опираться на собственную мысль, как на гранитную стену, просто не ставим ее под сомнение, а это опасно, очень опасно, духи лжи очень ловко это умеют использовать. Один из представителей еще той монашеской мысли – Феофан Затворник. А в наше время (отец Лука^[94] любил его вспоминать) – Серафим (Роуз) – большой духовный ориентир, хотя его труд, подвиг и личность вызывали у некоторых вопросы.

Недавно я был в Грузии, только что вернулся, там я встретил архимандрита Рафаила (Карелина). Я спрашивал его о духовных преемниках нашего времени, и интересно, что первым, кого он назвал как апологета XX века, был отец Серафим (Роуз). Архимандрит Рафаил, который очень сдержан в оценках, называет его богословом в истинном смысле слова, по пророческому духу, духу смирения.

– *Черногорию и Грузию часто сравнивают между собой. Поделитесь вашими впечатлениями о Грузии.*

– Грузия стала для нас настоящим откровением. Да, я убедился, что есть сходство, особенно когда прочитал удивительную брошюру архимандрита Рафаила «Слава Грузинской Церкви», в которой кратко, но глубоко изложена великая история Грузии. Я был потрясен событиями, страданиями, и вновь подчеркну, мощным влиянием монашеского сознания и предания так называемых тринадцати сирийских отцов. Грузия и сегодня опирается на этих святых, которые дали

ей крепкую основу. Один из них, вероятно, известен вам, это преподобный Давид Гареджийский. Я был в Гареджийской пустыни, это чудесное место. В Грузии очень почитаются монахи, те древние монахи, конкретные личности. Есть и праздник шести тысяч мучеников давидо-гареджийских. И не только они почитаются, но и многие другие – святые цари, царицы, мученики, исповедники, и все это аутентично, входите в храмы того периода, посещаете места событий. Там находится и хитон Господа. А какой прекрасный город Тбилиси, действительно прекрасный, и вообще вся атмосфера, много храмов, много монастырей, и какой там Патриарх!

– *Вы с ним познакомились?*

– Не просто познакомились, но чудесным образом, войдя в алтарь во время воскресной литургии, взяли у него благословение, а потом он пригласил нас на обед. Мы были у него, пятеро нас и три епископа. Патриарх – великая личность, его очень уважают, и не только народ, но и государственные структуры, а его имя и дело видны на каждом шагу, действительно на каждом шагу. Такие впечатления у меня: Грузия святая земля, великая святыня и народ удивительный, мы Промыслом Божиим с ним познакомились. Когда мы решили туда поехать, люди, простой народ, нас спрашивали: «Грузия? А что там?» Мало кто знает.

А там удел Богородицы, земля, где были апостолы – Андрей Первозванный, Симон Кананит, апостол Матфей, равноапостольная Нина, огромная традиция, и не только новозаветная, но и ветхозаветная. И грузины очень нам близки. Там мы чувствовали себя как дома – и в том монастыре, где мы остановились, и среди людей, с которыми встречались, и вместе с братией, которая нам помогала по благословию архимандрита Рафаила. Поверьте, что мы понимали друг друга даже в таких тонких нюансах юмора, которые очень трудно понять, а юмор требует достаточно глубокого родства. Очень мы удивлялись этим совпадениям и близости.

– *Часто говорят о близости русского и сербского народа, хотя, может быть, это не совсем так, просто сербский народ очень любит русский?*

– По менталитету нет, при всем уважении к русскому народу и истории, но мы близки в Духе Святом, но в Духе мы близки со всеми народами. По менталитету мы похожи на грузин, и история наша похожа, много страданий, жизнь на краю пропасти, в крепостных стенах, с оружием в руках, с очень короткими интервалами мирной жизни, жажда свободы и веры – все это очень ярко выражено. Я благодарен Богородице, что Она

удостоила нас войти в этот Ее удел, в Царские врата. В самом деле, мы вошли именно через Царские врата рабами, не по заслугам, но по милости и заботливой любви Пресвятой Богородицы.

– Отец Рафаил, расскажите еще о вашем монастыре, о послушаниях, где трудится братия. Монастырь имеет и свое издательство?

– Монастырь, как вы и отметили, находится на виду и неизбежно обращен к жизни народа в этом городе и в целом регионе. Здесь много туристов, с ними мы выстроили некоторую дистанцию. Даже не то чтобы мы сами дистанцировались, но воля Божия и Богородица не дают волнам праздного туризма бить в стены нашего монастыря. Правда, туристическая жизнь бурлит внизу, но здесь довольно спокойно, к нам приходят, нас посещают в основном добронамеренные посетители, заинтересованные люди, и это хорошо, это благословенно.

– Когда был восстановлен монастырь?

– В 1996 году началось основательное восстановление. Были попытки и раньше, но время, обстоятельства не давали. Воля Божия, видимо, такова, что именно в тот период, с приходом схимонаха Саввы и трех послушников, которые теперь уже монахи (один из них покойный отец Захарий), началось восстановление. Оно быстро шло, сейчас можно сказать, что монастырь один из самых красивых в нашей митрополии и больших, с возможностью для собраний, есть и зал, и прекрасный амфитеатр. Много простора, который просто требует собраний, и мы не могли это проигнорировать, благодаря этим условиям стараемся заниматься миссионерской деятельностью. Конечно, мы старались создать правильный ритм богослужений, чтобы они были постоянными, чтобы служить и всенощные, дабы народ мог молиться. У нас нет земли вне монастыря, только то, что в монастырских стенах, так что мы делаем акцент на Церкви, на богослужениях, на организации всего, что может помочь народу и Церкви, ее миссии: встречи, семинары, лекции.

– Недавно у вас был семинар, посвященный византийскому пению. И вы сами выступаете с лекциями, приглашаете священников из других монастырей?

– Да, был семинар по византийскому пению. По воскресеньям я читаю лекции, если не удастся пригласить кого-то из священников. Я стараюсь приглашать больше священников из разных храмов и монастырей, чтобы они сказали свое слово. И народ понял, почувствовал, что это ради него делается, и платит благодарностью, вниманием, трудом в своей духовной жизни. Помимо этого у нас есть и издательство, мы внимательно

выбираем книги, которые бы отвечали на вопросы времени, рассказывали о Православной Церкви, несли информацию, направляли, помогали духовно ориентироваться.

Но среди всего этого течет мирная, смиренная монашеская жизнь, смиренная в том смысле, что мы стараемся упростить ее, учимся простоте – как можно меньше планировать, фантазировать, размышлять, но предавать себя в руки Божии и служить тому, к чему нас Господь призвал через монашество. Послушания, которые есть у каждого брата, как его микропространство, которое возводит его в макропространство Царства Небесного. Если монах будет верен в малом, наследует великое с великими, но если захочет быть в малом великим, то потеряет все – и Царство, и временный мир.

– Как повлияло возрождение веры и монастыря Подмаине на духовное состояние народа и жителей Будвы?

– Восстановление монастыря Подмаине шло параллельно с изменением города. Если говорить о Будве, необходимо подчеркнуть, что сейчас это новый город. Будва, которую мы видим, поднялась за последние пятнадцать – двадцать лет, столько же продолжалось и восстановление монастыря. Народ сроднился с ним, сила святыни, милостью Богородицы, дает силы тем, кто возрождал монастырь, всем, кто здесь живет, нашему народу, а он возвращается к Церкви, это все заметнее. Для нас большая радость видеть, что удастся привлечь людей, напитывать их литургией.

В Православной Церкви нет компромисса. Бог ждет, что человек придет к Нему всем своим существом, всем сердцем, всей душой, всей своей жизнью. Современная цивилизация, культура стали агрессивными, жестокими. Все больше раскрывается демонический дух мира, он будет открываться еще отчетливее. И только в Церкви мы сможем укрыться от этого смертоносного урагана. Очень важно, чтобы наш народ это понял.

Об авторе

Светлана Луганская – переводчик, журналист. Окончила филологический факультет Университета дружбы народов и катехизаторский факультет ПСТГУ. Работала на радио Черногорско-Приморской митрополии «Светигора», в издательствах и журналах. По благословию Патриарха Сербского Павла участвовала в организации и проведении благотворительной акции «С Сербией вместе», направленной на сбор средств на строительство храма Святого Саввы в Белграде.

В переводах Светланы Луганской российский читатель смог познакомиться с литературным наследием православной Сербии. Это серия произведений святителя Николая Сербского (Велимировича), книга митрополита Черногорского и Приморского Амфилохия «Основы православного воспитания» и его дневники «Новое Косовское распятие», житие преподобной Стефаниды Битольской, книга о сербских новомучениках «Четки святого Саввы», Атлас Древней Сербии, богословские труды епископа Афанасия (Евтича) и другие произведения.

В 2009 году удостоена высшей награды Сербской Православной Церкви – ордена Святого Саввы Сербского.

Об издательстве

«Живи и верь»

Для нас православное христианство – это жизнь во всем ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги.

В мире суеты, беготни и вечной погони за счастьем человек бредет в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо – это изменение человеческой души. От зла – к добру! От бессмысленности – к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье!

Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в многосложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!

notes

Примечания

Монастырь Жича в честь Вознесения Господня основан в начале XIII в. После получения в 1219 г. Сербской Церковью автокефалии здесь была образована первая архиепископия. В 1221 г. в Жиче состоялся великий церковно-державный Собор, на котором архиепископ Савва короновал своего брата Стефана Неманича – первого самодержавного короля Сербии. Тогда почти одновременно были созданы Сербская Церковь и сербское национальное государство – как единый народный организм. Всего в Жиче было венчано на престол девятнадцать правителей, последний раз в начале XX в.

Павел (Стойчевич, 1914–2009), архиепископ Печский, митрополит Белградско-Карловачский, Патриарх Сербский. Родился в крестьянской семье в Славонии. Рано остался сиротой. Окончил гимназию в Белграде, в Сараево, учился на богословском факультете в Белграде и на медицинском факультете. Перед Второй мировой войной служил секретарем у министра церковных дел Воислава Янича, в 1940 г. вступил в армию военным медиком. В 1941–1942 гг. в Белграде работал прорабом по расчистке руин.

Далее во время войны находился в разных монастырях, перенес заболевание туберкулезом. В 1948 г. принял монашеский постриг и хиротонисан в иеродьяконы, в 1949–1955 гг. – насельник монастыря Рача; в 1950–1951 гг. преподаватель Призренской семинарии. В 1954 г. рукоположен в иеромонахи, в 1957 г. возведен в сан архимандрита. С 1955 по 1957 – аспирант кафедры Нового Завета и литургики на богословском факультете в Афинах, где защитил докторскую диссертацию. В 1957 г. хиротонисан в епископа Рашко-Призренского, епархией управлял один, без помощников. В 1990 г. избран Патриархом Сербским. За время своего правления посетил все епархии Сербской Церкви на всех континентах. Похоронен в монастыре Раковица, расположенном на окраине Белграда.

Архиепископ Савва (Растко Неманич, ок. 1169 —14 января 1236 г.) – один из самых почитаемых святых Сербской Православной Церкви. Сын великого князя Стефана Немани, в юности ушел на Афон, постригся в монахи с именем Савва. Позже вместе с отрeksiмся от престола отцом (в монашестве Симеон) основал на Афоне сербский монастырь Хиландар. Создатель Сербской Автокефальной Церкви, ее первый архиепископ (1219). Скончался на пути со Святой Земли на родину на территории Болгарии.

Николай (Велимирович, 1880–1956), епископ Охридский и Жичский, родился в многодетной крестьянской семье в селе Лелич на западе Сербии. Учился в школе при монастыре Челие, окончил гимназию в городе Валево и Белградскую духовную семинарию, затем обучался на старокатолическом факультете Бернского университета, позже окончил философский факультет в Оксфорде. Преподавал в Белградской семинарии, писал статьи для сербских церковных журналов. В монастыре Раковица после выздоровления от туберкулеза принял монашеский постриг с именем Николай. В 1910 г., будучи иеромонахом, уехал учиться в Санкт-Петербургскую духовную академию, много путешествовал по России. Во время Первой мировой войны на боевых позициях духовно окормлял солдат. С 1920 г. – епископ Охридский, с 1934 г. – епископ Жичский. Во время Второй мировой войны был арестован оккупационными властями, в 1943 г. был в заключении в монастырях Любостыня и Войловица. В 1945 г. находился в концентрационном лагере Дахау в Германии, откуда вместе с другими узниками освобожден 8 мая 1945 г. американскими войсками. Не вернулся в Югославию в связи с приходом к власти коммунистического правительства, переехал в США, последние годы жил в русском монастыре Святого Тихона в Пенсильвании. По кончине тело владыки было перенесено на кладбище сербского монастыря Святого Саввы в Либертивилле, штат Иллинойс. Прославлен в лике святых как местночтимый (1987), затем, в 2003 г., – как святой Сербской Православной Церкви.

Конкордат – договор Королевства Югославия с Ватиканом о сотрудничестве, заключенный летом 1935 г. Ратифицирован Скупщиной 23 июля 1937 г., но впоследствии не вынесен на утверждение в Сенат. Расширял права Католической Церкви на территории Югославии, давал право ей вести прозелитическую деятельность. Вызвал протест как со стороны крупных православных церковных деятелей, так и общественности.

Гавриил (Дожич, 1881–1959), архиепископ Печский, митрополит Белградский и Карловацкий, Патриарх

Сербский. Патриарх с 8 февраля 1938 г., до этого (с 1920) митрополит Черногорско-Приморский.

Кровавая лития – крестный ход, организованный священством – противниками конкордата, по Белграду с молебном о здравии Патриарха Варнавы (Росича), неожиданно скончавшегося в дни принятия решения об этом договоре. Состоялся 19 июля 1937 г. и прошел от кафедрального храма по всему городу. Правительство не давало разрешения на проведение акции, и белградская жандармерия (министр внутренних дел был католическим священником) совершила жестокое кровопролитное нападение на духовенство и мирян, участников литии.

Варнава (Росич, 1880–1937), архиепископ Печский, митрополит Белградский и Карловацкий, Патриарх Сербский. Избран и провозглашен Патриархом Сербским 12 апреля 1930 г.

В начале 1945 г. Патриарх Гавриил (Дожич) и епископ Жичский Николай (Велимирович), следуя в лагерь смерти Дахау под особым надзором, были доставлены в Вену, где задержаны на три недели. В течение этого времени по воскресеньям их под охраной водили в сербскую православную церковь Святого Саввы. Враги оказались настолько «любезны», что не лишили первоиерархов молитвы в церкви. Пока охранники в ожидании ходили вокруг храма, епископ Николай в алтаре на пустых страницах Святого Евангелия сквозь душащие его слезы написал три молитвы, известные как «молитвы в тени германских штыков».

Василий (Костич, 1907–1978) – в начале 1940-х гг. ученый-иеромонах, состоял на должностях при Священном Синоде Сербской Православной Церкви, с 1947 г. епископ Баня-Лукский, в 1955 г. подвергся преследованиям коммунистической власти и был изгнан из епархии, проживал в Белграде, с 1961 г. – управляющий Жичской епархией. В 1971 г. снова подвергся преследованиям властей, отбыл тюремное наказание. Вторая мировая война застала иеромонаха Василия в Жиче, откуда он был интернирован вместе с епископом Николаем (Велимировичем) и некоторое время находился в заключении в монастыре Войловица близ Белграда.

Герман Нойбахер (1893–1960) – специальный советник по вопросам внешней политики гитлеровской Германии. Нойбахер хорошо знал Подунавье и Балканы. После аншлюса занимал должность бургомистра Вены. С августа 1943 г. – специальный представитель МИДа в Белграде при правительстве генерала Милана Недича. Следовало начать разработку новых принципов сосуществования, а именно – работу по созданию на оккупированных территориях Балкан полунезависимых государств: Греции, Албании и Сербии. Основная задача, поставленная фюрером перед ним, заключалась в собирании и объединении различных антикоммунистических сил в единый кулак, действующий в соответствии с замыслами немецкого командования. В декабре 1944 г. возвращается из Белграда в Вену, где работает на поприще координации усилий антикоммунистических сил Сербии и Словении.

В 1946 г. военный суд в Белграде приговорил Нойбахера к 20 годам заключения, выпущен из тюрьмы в ноябре 1951 г. по болезни. Написал воспоминания, где сообщал: «Сербия была одним из самых слабых звеньев балканского коммунистического движения, где коммунисты имели меньше всего приверженцев. Вследствие преимущественно аграрного характера этого края (80 % населения составляли крестьяне) коммунистические идеи были восприняты лишь узким кругом индустриальных рабочих и белградских интеллектуалов. Поскольку они веками были турецкими подданными, то искусство отпора было отточено ими до совершенства. Сербское село казалось мне наилучшим оборонительным сооружением, призванным помешать большевизации Балкан. (...) Ведь если посмотреть на карту, то ясно видно, что простор, который занимают сербы, является ключевым. (...) Поэтому, закладывая основу новой политики, в первую очередь необходимо было покончить с немецкой политикой, преподносившей сербов в качестве дежурных виновников всех проблем, которые только и случались на Балканах» (Герман Нойбахер. «Особое задание на Балканах»).

Драголюб (Дражи) Михайлович (1893–1946) – военный деятель, участник Балканских войн и Первой мировой войны, командующий сербским движением четников (ветеранские организации и специальные подразделения югославской королевской армии) в период Второй мировой войны. В югославском королевском правительстве занимал пост военного министра, был армейским генералом во время Второй мировой войны. По указу югославских коммунистических властей расстрелян.

Димитрие Лётич (1891–1945) – сербский политический деятель. Сын дипломата. Образование получил на юридическом факультете Белградского университета (1913). Участник Первой мировой войны, вместе с армией эвакуировался на остров Корфу. В 1918 г. участвовал в боях на Салоникском фронте, был ранен. В 1931 г. королем Александром I назначен министром юстиции. Выступил против заключения в 1937 г. правительством М. Стоядиновича конкордата с Ватиканом. Убежденный антикоммунист и противник «западной демократии». После оккупации примкнул к генералу М. Недичу.

Момчило Джуич (1907–1999) – командир сербских четников во Второй мировой войне, князь, священник. В мае 1945 г. дивизия Джуича сдалась в плен союзникам. После проживания в Париже с 1947 по 1949 г. эмигрировал в США. Был приговорен к расстрелу югославским судом «за преступления в Югославии», но правительство США отказалось выдавать его. В США участвовал в создании движения сербских четников «Равна гора», которое боролось против «коммунистической тирании». В 1991 г. спонсировал восстание хорватских сербов.

Никола Пашич (1845–1926) – наиболее влиятельный из сербских и югославских политиков и дипломатов конца XIX – начала XX века, идеолог «Великой Сербии». Мэр Белграда (1890–1891 и 1897), неоднократно – премьер-министр Сербии (1891–1892, 1904–1905, 1906–1908, 1909–1911, 1912–1918) и Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918, 1921–1924, 1924–1926).

Конак – на Балканах: здание, где живут монахи монастыря или паломники.

В 1941 г. город Ужице на западе Сербии был захвачен партизанами-коммунистами, которые сделали его столицей «Ужицкой республики». Эта «республика» просуществовала в течение осени 1941 г. и занимала почти всю западную часть оккупированной Сербии с населением более 300 тыс. человек. Располагалась между реками Скрапеж на севере, Дрина на западе, Западная Морава на востоке и Увац на юге. В ноябре 1941 г. немецкая армия вновь заняла эту территорию, и большинство партизан бежало в Боснию, Санджак и Черногорию.

Голи-Оток – остров в Адриатическом море площадью 4,7 кв. км, находящийся на западе Хорватии. На русский язык название переводится как «Голый остров». Рядом расположены острова Раб, Свети-Гргур и Првич. В 1949-1956 гг. коммунистическим руководством Югославии на островах был организован концлагерь «Голи-Оток» – один из самых страшных в истории лагерей, куда ссылали противников Тито, четников, деятелей королевской Югославии, туда попадали и простые люди за неосторожное слово и по сфабрикованным обвинениям. На «Голом острове» размещался мужской, а на острове Свети-Гргур – женский лагерь. В 1956 г. остров передан Хорватии, лагерь окончательно закрыт в 1989 г.

Викентий II (Проданов, 1890–1958), архиепископ Печский, митрополит Белградский и Карловацкий, Патриарх Сербский с 1 июля 1950 г.

Многочисленные богословские и исторические труды архимандрита Йована на русский язык не переводились.

Иустин (Попович, 1894–1979), архимандрит, подвижник и ученый-богослов, автор многочисленных духовных произведений, в том числе трехтомной «Догматики Православной Церкви» и двенадцати томов «Житий святых». Принял монашеский постриг в 1916 г., рукоположен в иеромонахи в 1922 г.; доктор богословия (1926). В 1916 г. учился в Санкт-Петербургской духовной академии, с 1916 по 1919 г. – в Оксфордском университете, затем в Афинах, где и защитил диссертацию. С 1930 г. – помощник епископа Битольского Иосифа, вел миссионерскую деятельность в закарпатских городах Ужгороде, Хусте, Мукачеве. С 1932 г. – профессор Битольской духовной семинарии, с 1934 г. – доцент догматического богословия Белградского университета, один из основателей (1938) Сербского философского общества. С 1948 г. до кончины находился в женском монастыре Челие близ Валево, где исполнял обязанности духовника. Погребен в этом же монастыре. В 2010 г. причислен к лику святых Сербской Церковью в чине преподобных. 14 июля 2014 г. состоялось торжественное обретение мощей аввы Иустина.

Основная часть российских беженцев оказалась на Балканах после поражения генерала А. И. Деникина, захвата большевиками Новороссийска (март 1920 г.) и изгнания из Крыма армии П. Н. Врангеля (ноябрь 1920 г.). Из Крыма и Новороссии их вывозили по морю преимущественно в Стамбул, болгарскую Варну и румынскую Констанцу. После скитаний по Балканам значительная часть эмигрантов осела именно в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. По самым скромным подсчетам, Югославия приняла 80 тыс. российских беженцев. Но для подавляющей их части Югославия стала промежуточной остановкой на пути в Западную Европу, США, Канаду, Латинскую Америку. К началу Второй мировой войны в Югославии было официально зарегистрировано около 20 тыс. апатридов (лиц без гражданства) из России.

Правительство Королевства СХС не только приняло людей из России как таковых, но и позволило разместить на территории государства организационные структуры русских беженцев. 31 августа 1921 г. Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви постановил принять под свою защиту Высшее церковное управление Русской Православной Церкви с сохранением ее самостоятельной юрисдикции. Резиденцией ВЦУ стал Патриарший дворец в Сремских Карловцах. 21 ноября того же года здесь состоялся Церковный Собор, на котором была сформирована концепция Российской Православной Церкви За Границей (РПЦЗ) и созданы ее управляющие органы, разместившиеся там же, в Сремских Карловцах.

После оккупации Германией и ее союзниками Королевства Югославия было создано Независимое Государство Хорватия, с усташами во главе. Крайняя сербофобия привела к геноциду сербов, евреев и цыган. Точное количество жертв геноцида неизвестно (называются цифры от 197 тыс. до 800 тыс. человек). Значительная часть погибла в концлагерях, созданных усташами. Около 240 тыс. сербов были насильно обращены в католичество, 400 тыс. бежали в Сербию. Таким образом, этническая карта территорий современных Хорватии, Боснии и Герцеговины и Сербии изменилась.

Независимое Государство Хорватия (НГХ) провозглашено 10 апреля 1941 г. усташами в условиях оккупации Королевства СХС гитлеровской Германией и ее союзниками. В 1941 г. его население составляло 6,64 млн человек. В состав государства вошла часть современной Хорватии без Истрии и большей части Далмации, а также Босния и Герцеговина, часть Словении и Срем. Истрия и большая часть Далмации по Римским соглашениям были включены в состав фашистской Италии.

См. сноску 24.

Пашин холм – ныне Лекин холм (Лекино брдо). Территория близ Белграда, застроенная после Второй мировой войны и вошедшая в черту города.

Ясеновац – система нескольких лагерей смерти, созданная хорватскими фашистами-усташами на территории НГХ (в 60 км от Загреба) в августе 1941 г. В лагере было уничтожено, по разным подсчетам, от 70 тыс. до 1 млн человек, прежде всего сербов, евреев и цыган, а также хорватов-коммунистов.

Ада Циганлия – остров, превращенный в полуостров, на реке Сава – ныне популярная зона пляжного отдыха и прогулок жителей Белграда.

Баница – пригород Белграда, в котором во время Второй мировой войны располагался концентрационный лагерь Третьего рейха.

Петр II Карагеоргиевич (1923–1970) – последний король Югославии, правил с 27 марта 1934 г. по 10 апреля 1945 г.

Династия Карагеоргиевичей основана лидером первого сербского восстания против турецкого владычества (1804/1813) Карагеоргием, правила с 1808 г. с длительными перерывами по 1918 г. в Сербии, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1929) и Королевстве Югославия (1929/1945). После нападения Германии на Югославию в апреле 1941 г. Петр II и другие члены королевской семьи были вынуждены покинуть страну. 29 ноября 1945 г. Югославия была провозглашена Социалистической Федеративной Республикой. Последние годы жизни Петр II провел в Америке.

³² См. сноску 12.

Славония – историческая область на востоке Хорватии. Население – преимущественно хорваты, вторая по численности группа – сербы, есть и другие этнические группы. Развитый сельскохозяйственный регион.

Подворьем Русской Православной Церкви в Белграде является храм Святой Троицы, построенный в 1924 г. по проекту русского архитектора Валерия Сташевского русскими эмигрантами с разрешения правительства Королевства СХС и по благословению Патриарха Сербского Димитрия. В 1946 г. храм получил статус подворья Русской Православной Церкви в Белграде. В 1957 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексий I посетил подворье и совершил в нем Божественную литургию. Храм пострадал во время бомбардировок НАТО в 1999 г. К 2007 г. капитально отремонтирован. Здесь находится гробница генерала П. Н. Врангеля.

Андрей Витальевич Тарасьев, эмигрант в третьем поколении, сын протоиерея Виталия Тарасьева – первого настоятеля русского подворья в Белграде и брат протоиерея Василия Тарасьева, второго настоятеля, доктор филологических наук, профессор Белградского университета, иподьякон в церкви Святого Мученика Трифона в Белграде. С 1953 г. – регент церковного хора Иверской часовни, а в 1955–1962 гг. регент Свято-Троицкой церкви в Белграде; основатель Общества сохранения памяти о русских в Сербии.

С 1950 г. настоятелем Троицкого подворья являлся видный деятель русской эмиграции протоиерей Виталий Тарасьев, преемником служения которого после его кончины в 1974 г. стал его сын Василий Тарасьев. С 1998 г. настоятелем русской церкви является протоиерей Виталий Тарасьев – внук первого настоятеля храма.

См. сноску 21.

Варнава (Настич, 1914–1964), епископ Хвостанский, родился в городе Гэри штата Индиана в США в семье сербских эмигрантов из Старой Герцеговины, вместе с родителями переехал в Королевство СХС, в Сараево. С раннего детства стремился к монашеству. В 1937 г. с отличием окончил богословский факультет Белградского университета; в 1940 г. пострижен в монашество и рукоположен в иеродьяконы. Во время Второй мировой войны находился в Сараево, отказался примкнуть к раскольничьей Хорватской

Православной Церкви. По окончании войны рукоположен в иеромонахи, в 1947 г. избран викарным епископом с титулом Хвостанский и хиротонисан. За критику действий коммунистических властей в 1948 г. арестован, обвинен в «шпионаже в пользу англо-американцев» и осужден сроком на десять лет. Отбывал тюремное заключение в Зенице в строжайшей изоляции, подвергался унижениям и издевательствам. В 1949 г. во время этапирования в другую тюрьму поезд потерпел крушение, в результате которого у епископа Варнавы были сломаны обе ноги и рука. После больницы переправлен в Белград, далее во Введенский монастырь, где провел в лежачем положении около года. В 1951 г. условно отпущен на свободу, пребывал в монастыре Гомионица, церковноначалием отправлен на покой. В марте 1954 г. на прошение о возвращении к архипастырскому служению получил отказ. Затем жил в монастырях Крушедол и Беочин. Скончался при невыясненных обстоятельствах. В 2004 г. канонизирован Сербской Православной Церковью в лике священноисповедников.

Фаддей Витовницкий (Томислав Штрабулович, 1914–2003), архимандрит, – один из наиболее почитаемых современных старцев Сербской Православной Церкви. Родился в селе Витовница в Браничевском округе Сербии. В юности жил в русско-сербском монастыре Мильково, где находились монахи из Ново-Валаамского монастыря и Оптиной пустыни, здесь познакомился и вместе проходил послушания с иеромонахом Иоанном (Максимовичем). Выучил русский язык, много читал на нем духовную литературу. В 1935 г. в монастыре Горняк пострижен в монашество и рукоположен в иеродьяконы, затем в иеромонахи (1938). Во время Второй мировой войны был в заключении и в пересылках по различным монастырям. С конца 1970-х гг. начал принимать народ, находясь в монастыре Витовница. Скончался в доме своих духовных чад – семьи Грубор в Бачка-Планке.

Церковь Ружица (Розочка) одна из самых древних в Белграде, посвящена празднику Рождества Пресвятой Богородицы. Название имеет отношение к похвальным беседам Богородице св. Иоанна Дамаскина, который после чудесного исцеления в знак признательности называл Исцелительницу именами самых красивых цветов. Церковь является составной частью Белградской крепости и имеет статус культурного памятника особого значения. Западная сторона церковного нефа покрыта росписью, изображающей Нагорную проповедь, где между слушателями – армейский священник Петр Трбоевич, король Петр I, король Александр I и королева Мария Карагеоргиевичи и русский царь Николай II Романов. Автор этой росписи – художник русской академической школы Андрей Биценко. У бокового и главного входов расположены бронзовые фигуры «стражей» – воин царя Душана и сербский пехотинец времен Первой мировой войны. Церковь вошла в первую десятку уникальных храмов мира в связи с тем, что является символом самопожертвования сербского народа. Внутри нее расположены три полиелея, изготовленные из стреляных гильз, пушечных ядер, офицерского холодного оружия, деталей амуниции бойцов Салоникского фронта.

Задубина – монастырь или храм, построенный на пожертвования, чтобы в нем совершалось поминание души жертвователя.

Алоизие Степинац (1898–1960) – хорватский католический кардинал, коадьютор Загреба и примас Хорватии. Во время Второй мировой войны поддерживал усташское правительство Независимого Государства Хорватия. В 1945 г. выступил с осуждением некоторых действий коммунистического руководства И. Тито. В октябре 1946 г. приговорен к шестнадцати годам заключения по обвинению в государственной измене и военных преступлениях. Скончался от болезней, полученных в тюрьме. В 1998 г. причислен к лику святых (блаженных) Римско-Католической Церковью, что вызвало активный протест сербских организаций.

Петр II Петрович Негош (1813–1851) – правитель Черногории (владыка) в 1830–1851 гг. и митрополит Черногорский и Бердский. Племянник Петра I Петровича Негоша. Способствовал превращению Черногории в независимое государство. Сотрудничал с Россией, где в 1833 г. хиротонисан в епископы. Основал в Цетине типографию и школу. Выдающийся сербский поэт, автор многих поэм и стихотворений. Написаны и изданы: сборник народных песен «Зеркало сербское» (1845), куда включены и песни – сочинения владыки, сборники стихов «Цетинский пустынный» (1834), «Лик ярости турецкой» (1834), эпическая поэма «Свободиада» (1835, опубликована в 1854), поэмы «Луч микрокосма» (1845), «Горный венец» (1847) и «Самозванец Степан Малый» (1847, издана в 1851).

Морача – река в Черногории, в каньоне которой находятся некоторые селения и монастырь Морача с соборной церковью Успения Пресвятой Богородицы и Никольским храмом. Монастырь основан в 1252 г. и является одним из наиболее значимых средневековых памятников сербского Православия. Река Морача имеет протяженность около 100 км, впадает в Скадарское озеро и протекает через столицу Черногории Подгорицу.

Цетине – историческая и культурная столица Черногории, в настоящее время – административный центр одноименного муниципалитета. Здесь находятся резиденции Президента Черногории и Черногорско-Приморская митрополия. Город расположен в горной долине у подножия горы Ловчен. Основан в 1482 г. князем Иваном Черноевичем, а в 1484 г. здесь создан монастырь, ставший резиденцией митрополитов.

Арсений (Брадварович, 1883–1963) – с 1947 по 1961 г. митрополит Черногорско-Приморский. Управлял епархией до 1954 г., когда был арестован властями. Епархия к моменту его вступления на кафедру была полностью разорена, духовенство, в том числе предыдущий митрополит, репрессировано. В 1961 г. назначен митрополитом Будимским.

Паисий Святогорец (Езнепидис, 1924–1994) – старец-схимонах Афонской Горы. Ушел на Афон в 1950 г., в 1954 г. принял рясофор, в 1956 г. пострижен в малую схиму. С мая 1978 г. поселился в келье монастыря Кутлумуш, куда к нему за советом приходили тысячи паломников. С 1993 г. – в монастыре Иоанна Богослова в Суроти (Греция), где и скончался. Один из самых уважаемых православных греческих старцев XX века, широко почитаемый и в России.

Порфирий Кавсокаливит (Баирактарис, 1906-1991) – старец и преподобный (прославлен в лике святых в Элладской Православной Церкви в 2013 г.). Родился в бедной семье на острове Эвбея, двенадцатилетним мальчиком (1918) уехал на Афон, принят в Кавсокаливийский скит, пострижен в рясофор, тяжело заболел, отправлен для излечения на родину, в монастырь Святого Харлампия. В 1926 г. рукоположен в священники. С 1940 до 1973 г. служил приходским священником в церкви Святого Герасима в афинской поликлинике около площади Омония. Принял тысячи людей для бесед и наставления, помог обрести душевный мир и исцелил от болезней. В 1973 г. после ухода на покой основал исихастирий Преображения Господня в селе Милес. Скончался в своей келье в Кавсокаливийском скиту на Афоне.

Петр I Петрович Негош (1748–1830) – митрополит и правитель Черногории. Умирая, оставил завещание своему преемнику – племяннику Раде Томовичу Негошу (будущему митрополиту и правителю Черногории Петру II), смысл которого формулируется в следующих кратких словах: «Молись Богу и держись России». Канонизирован Сербской Православной Церковью через четыре года после преставления (1834).

Василий Острожский (в миру Стоян Йованович, 1610–1671) – свяtitель, один из самых почитаемых святых Сербской Православной Церкви. Архимандрит монастыря Тврдош (ныне в Республике Сербской, Босния и Герцеговина), с 1633 г. митрополит Требинский с резиденцией в Тврдоше, затем Захолмский, с резиденцией в Никшиче. Под напором турок перебирается в монастырь Острог в Черногории, который обустривает. Ныне Острожский монастырь, где покоятся мощи св. Василия, – крупнейший центр православного паломничества.

Албанская УЧК (УЧК), в российской прессе называвшаяся ОАК
– Освободительная армия Косово, действовала с 1998 г.

«Горный венец» – произведение владыки Черногории Петра II Негоша. Романтическая поэма. Впервые издана на сербском языке в 1847 г. Посвящена проблеме национально-освободительной борьбы, содержит материал о традиционной народной жизни черногорцев. Ее называют энциклопедией черногорской жизни и в высшей степени народным произведением.

Воиславлеви́чи – знатный род (потомки Стефана Воислава), различные представители которого в период с 1016 по 1189 г. правили Сербией и некоторыми другими балканскими государствами. Наиболее известны: Иван (Йован) Владимир (ок. 990 – 1016) – первый сербский святой, Стефан Воислав (1040–1052), Михайло Воиславевич (1053–1081) и Константин Бодин (1081–1101).

См. чоску 2.

См. сноску 21.

См. сноски 4 и 9.

Симеон Дайбабский (Попович, 1854–1941), архимандрит, учился в России, в Киевской духовной семинарии и академии, в Киево-Печерской Лавре пострижен в монашество (1887). В 1897 г. в нескольких километрах от Подгорицы основал Дайбабский монастырь. Канонизирован в 2010 г. в лике преподобных.

См. сноску 38.

В мае 2012 г. состоялся Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви, одним из главных решений которого стало прославление в лике святых сорока двух момишских мучеников, сожженных турками в 1688 г.

См. сноску 36.

См. сноску 34.

Имеется в виду владыка Николай (Велимирович). См. о нем сноски 4 и 9.

Пневматология – учение о Святом Духе, Его действиях в мире и человеке.

См. сноску 2.

Ингмар Бергман (1918–2007) – шведский режиссер, сценарист, писатель.

Андрей Тарковский (1932–1986) – советский актер, кинорежиссер, сценарист.

Латерна магика (laterna magica) – волшебный фонарь, устаревшее название аппарата для показа изображений.

«Инфант террибле» (infant terrible) – ужасный ребенок, человек, смущающий окружающих своим поведением.

Дэвид Линч (р. 1946) – американский кинорежиссер, музыкант, сценарист.

Абель Феррара (р. 1951) – американский кинорежиссер, сценарист.

Ларс фон Триер (р. 1956) – датский режиссер, сценарист.

Крушевац – город в Расинском округе. В Средние века был сербской столицей, которую основал князь Лазарь в 1371 г., погибший в Косовской битве (1389). Сын Лазаря – деспот Стефан перенес столицу в Белград. Крушевац неоднократно подвергался нападениям турок, был взят ими в 1427 г., затем находился под турками с 1454 до 1689 г. и с 1791 до 1833 г. После освобождения от турок город быстро развивался и стал одним из крупных региональных центров Сербии.

См. сноску 39.

Сочельник – день накануне Рождества Христова.

Особый гость, положайник, приходит в дом в день Рождества рано утром. Его встречают очень торжественно. Положайник символизирует собой волхвов, следовавших за Вифлеемской звездой и пришедших с дарами поклониться Новорожденному Христу. Гость приветствует дом рождественским приветствием, которое у сербов звучит так: «Христос се роди!» – на него отвечают: «Ваистину се роди!» Далее положайник произносит особые стихи, содержащие благословение дома, очага и хозяйства людей, принявших его. После этого хозяйка угощает гостя и дарит ему небольшой подарок. Обычай аналогичен традициям славления Христа у многих других христианских народов.

Имеется в виду Боснийская война (1 марта 1992 г. – 14 декабря 1995 г.) – гражданская война на территории Боснии и Герцеговины между боснийскими сербами, боснийцами (принявшие во времена турецкого ига ислам сербы и хорваты) и хорватами после распада Югославии в 1991 г., в которой также участвовали войска Сербии, Хорватии и НАТО.

Термин, очень редко употребляемый в русском языке, означающий одновременно творчество по созданию мелодии и гимнографию.

См. чоску 2.

Архимандрит Лазарь (Аджич) был игуменом монастыря с 1991 по 2000 г.

Архимандрит Лука (Анич) скончался в ночь на 8 февраля 2013 г. на 54-м году жизни. Долгие годы был игуменом монастыря Цетине, затем – Савина Главица и Дайбабе, похоронен в монастыре Дайбабе. Принадлежал к первому поколению монахов Черногорской митрополии после назначения на кафедру митрополита Амфилохия (Радовича). Был одним из наиболее известных и любимых народом клириков и духовников Сербской Церкви.

См. сноску 39.

См. сноску 47.

Невменная нотация – тип вокальной нотации. Применялась в Средневековье, приблизительно в IX–XV вв., для записи богослужебных песнопений, преимущественно одноголосных, в христианской Церкви – как восточной (Византия, Русь), так и западной. Знакомая нам древнерусская невменная нотация использовалась для записи знаменного распева и получила название крюковой.

Ага (тур. аya) – «благородный, знатный; хозяин, начальник». В султанской Турции: титул военачальников, с 1826 г. – чин младшего и среднего офицерского состава в турецкой армии. В современной Турции – обращение к зажиточным землевладельцам.

Монастырь Бешка расположен на одноименном острове на юге Скадарского озера. Он один из нескольких построенных здесь представителями династии Балшичей в конце XIV в. – на средства князя Джураджа II Стратомировича-Балшича. Главный храм – Святого Георгия, малая церковь посвящена Богородице, построена усилиями Елены Балшич, дочери святого князя Лазаря и жены Георгия II, о чем имеется соответствующая надпись над входом, датированная 1440 г. Здесь она и похоронена, в приделе у южной стены. Монастырь Бешка стал центром переписывания церковных книг. Наиболее известны из рукописей – «Шестоднев» старца Никона Иерусалимлянина и «Горичский сборник», в котором изложена переписка Елены Балшич и ее духовника Никона Иерусалимлянина. Во времена турецкой оккупации монастырь пришел в запустение, церкви были разграблены и разрушены, древняя фресковая роспись полностью уничтожена. В начале XX в. Никола I Петрович восстановил малую церковь. Затем, в связи с новыми войнами, монастырь опять пришел в упадок. Реконструкция и восстановление начались в 2002 г. Сегодня это действующий женский монастырь Черногорско-Приморской митрополии Сербской Православной Церкви.

Джурадж (Георгий) II Балшич – господарь Зеты (княжества на территории Черногории) в 1373–1379 гг., сын Балши I.

Иерофей (Влахос, р. 1945), митрополит Нафрактоса и св. Власия (1995), родился в Иоаннине в Греции. Окончил богословский факультет Фессалоникийского университета. В 1971 г. принял священнический сан и служил в церкви Архиерейского Дома в Афинах. Много лет занимается изучением патристического наследия, в особенности сочинений св. Григория Паламы и других святых отцов-исихастов, авторов «Добротолубия», часто посещает монастыри Святой Афонской Горы. Известен как хороший проповедник и наставник молодежи, автор книг о психотерапии с точки зрения святоотеческого учения и практики. Книги владыки переведены на многие языки мира.

См. сноску 80.

Имеется в виду, что праздник святителя Николая – наиболее распространенная Слава у сербов – приходится на период Рождественского поста и верующие подчас ради праздника и угощения нарушают пост.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) в сочинении «Приношение современному монашеству» в главе «Скорби суть по преимуществу удел иноков последнего времени» говорит следующее: «Святые отцы, иноки первых времен христианства, совершенные христиане, исполненные Святого Духа, имели откровения свыше о монашестве последнего времени и произнесли о нем пророчество, сбывающееся пред очами нашими. Все предречения отцов схожи между собою и возвещают, что монашество последних времен будет проводить жительство весьма слабое, что ему не будет предоставлено ни тех душевных и телесных сил, ни того обилия благодатных даров, какие были предоставлены первым монахам, что самое спасение будет для него весьма затруднительным. (...) Некогда святые отцы египетского скита пророчески беседовали о последнем роде. „Что сделали мы?“ – говорили они. Один из них, великий авва Исхирион, отвечал: „Мы исполнили заповеди Божии“. Спросили его: „Что сделают те, которые будут после нас?“ – „Они, – сказал авва, – примут (будут исполнять) делание вполтину против нас“. Еще спросили его: „А что сделают те, которые будут после них?“ Авва Исхирион отвечал: „Они отнюдь не будут иметь монашеского делания, но им попустятся скорби, и те из них, которые устоят, будут выше нас и отцов наших“».

См. сноску 48.

См. сноску 47.

Преподобный Иосиф Исихаст Ватопедский (1899–1959) канонизирован как местночтимый на Святой Горе Афон. Был исихастом и подвижником.

См. сноску 80.